

ФАНТАСТИКА
ФЛ
ПРИКЛЮЧЕНИЯ

АЛЕКСАНДР НАСИБОВ

Майник
на Эльбе

АЛЕКСАНДР НАСИБОВ

Шейник на змее

Второе издание

ВСЕСОЮЗНОЕ
УЧЕБНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПРОФТЕХИЗДАТ

Москва 1960

ГЛАВА ПЕРВАЯ

1

Часов в десять утра к вокзалу пригородной железной дороги подошел электропоезд. Хлынувшая из него толпа вынесла на перрон старика.

В облике пассажира не было ничего примечательного — коротко подстриженные седые усы и такая же бородка, темные глаза, равнодушные и чуть усталые, небольшой, правильной формы нос. Одежду его составлял костюм из недорогой шерстяной ткани и каракулевая папаха — так обычно одеваются люди преклонного возраста и среднего достатка, живущие в маленьких городах или селениях Азербайджана. Старик был сухощав, бодр, держался прямо, шел быстрой, энергичной походкой.

Выйдя на привокзальную площадь, он двинулся в сторону моря. Здесь тянулись кварталы старых одноэтажных домов, сложенных из грубо обтесанного пористого камня. Человек в

папахе неторопливо побрел вдоль них, поглядывая на номера зданий, и, наконец, оказался перед ветхим домиком с палисадником.

Старик дважды прошелся перед домиком, будто изучая его, затем направился к расположенному неподалеку продовольственному магазину. У входа в магазин, по тротуару, вытянулась порядочная очередь, и он стал в ее конец.

Прошел час. Старик был уже у самых дверей магазина, когда из дома с палисадником вышел человек. Увидев его, старик кашлянул, беспокойно переступил с ноги на ногу и, торопливо достав из кармана желтый замшевый бумажник, раскрыл его. Потом поднял голову, встретился взглядом с соседкой по очереди — пожилой женщиной с ребенком на руках — и с досадой покачал головой.

— Что случилось? — спросила женщина.

Старик печально улыбнулся.

— Один шайтан знает, сколько я проторчал здесь, — растерянно пробормотал он. — А карточек нет — забыл дома!

— Так бегите домой, да побыстрее, а то очередь подойдет.

Старик благодарно закивал и рысцой припустил по тротуару.

Шагов на двести впереди двигался тот, кто вышел из домика с палисадником. Это был высокий худощавый мужчина в бобриковой куртке и красноармейской ушанке.

Вскоре человек в ушанке и старик оказались на трамвайной остановке. Трамвая, видимо, давно не было — в ожидании его скопилось много пассажиров.

Трамвай появился лишь минут через два-

дцать. Торопясь и толкаясь, все устремились к вагонам.

Громыхая на стыках рельсов, отчаянно трезвоня на поворотах, трамвай мчался к центру города. После каждой остановки в нем становилось все теснее.

Старик и мужчина в ушанке стояли рядом. Внезапно старик схватился за карман.

— Обокрали! — завопил он.

В вагоне поднялся переполох. А он ощупывал себя, хлопал по карманам, шарил за пазухой.

— Обокрали, — твердил старик, — бумажник вытащили, а в нем продуктовые карточки!

Вдруг он умолк, что-то соображая, круто обернулся и оказался нос к носу с человеком в ушанке:

— Это ты украл, сын собаки! Где бумажник? Отдай, или позову милиционера!

Отбиваясь от наседавшего старика, пассажир пятился к выходу.

— Глядите, — раздался вдруг возглас потерпевшего. — Глядите сюда!

Все посмотрели вниз. Там, на грязном влажном полу, желтел замшевый бумажник.

Старик метнулся вперед, вцепился вору в грудь.

Трамвай подходил к остановке. Не переставая кричать, старик тащил карманника к выходу. Вскоре они очутились на панели. И здесь произошло неожиданное. Вор, казавшийся таким слабым и робким, вдруг выпрямился, коротким точным ударом в грудь свалил старика и бросился бежать.

Преступник мчался по малолюдной улице,

наклонив голову и угрожающе выставив кулаки.

Еще несколько десятков шагов, и он свернет в одну из боковых улочек, пробежит по ней до широкой оживленной магистрали, а там — ищи его в людском потоке.

Впереди показался патруль. Что предпринять? Повернуть обратно и попытаться пробиться? Вор оглянулся. Преследователей было человек десять. Во главе с милиционером они бежали, рассыпавшись по всей улице. Нечего было и думать прорваться сквозь такой заслон. Но еще меньше было шансов на то, чтобы увернуться от трех вооруженных солдат, двигавшихся навстречу.

Погоня приближалась. В последний момент преступник заметил ворота, которые вели во двор какого-то дома, и кинулся туда.

Когда преследователи вбежали во двор, вор карабкался по пожарной лестнице, прикрепленной к стене большого здания. Он был уже на уровне третьего этажа.

Двое патрульных, закинув автоматы за спину, полезли следом. Третий солдат и милиционер поспешили к подъезду, чтобы подняться на чердак, а оттуда на крышу дома.

Во дворе собралась толпа. На ее глазах преступник добрался до конца лестницы и исчез.

— Теперь удерет, — сказал мальчишка, обутый в большие резиновые сапоги.

— Некуда ему деваться, — солидно возразил дворник. — Дом-то на два этажа выше соседних...

Дворник не договорил. На краю крыши показался милиционер. Он снял фуражку, пома-

хал ею, и все поняли, что преступник пойман.

Вскоре милиционер, патрульные и задержанный были внизу. Милиционер оставил его на попечение солдат, а сам принялся искать потерпевшего. Но тот будто в воду канул.

2

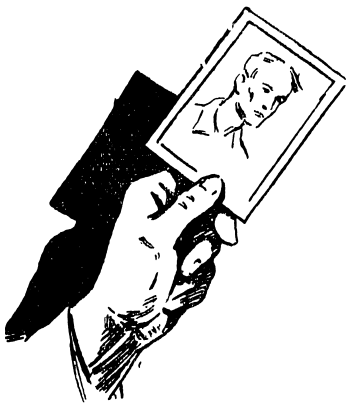
К зданию отделения милиции подъехала легковая машина. Из нее вышли двое в штатских костюмах и направились в кабинет начальника отделения. Майор милиции Широков,

уже предупрежденный по телефону, ждал их, шагнул навстречу.

— Здравия желаю, товарищ полковник, — сказал он, обращаясь к одному из посетителей, пожилому мужчине, высокому и полному.

Тот кивнул, пожал ему руку, указал на спутника.

— Знакомьтесь.
Это— майор Семин, Артемий Ильич.

Широков и Семин поздоровались.

Широков уже шестой год работал в этом отделении милиции, обслуживающем один из центральных районов Баку. Дела не раз сводили его с полковником государственной безопасности Азизовым. Полковнику поручались сложные расследования.

Дважды Широков участвовал в операциях, которыми руководил Азизов.

Что же сегодня привело сюда полковника? Широков разглядывал тяжелую, наголо обритую голову Азизова, его румяные щеки и мягкий округлый подбородок — и ждал.

Азизов вытащил портсигар, предложил офицерам папиросы, закурил сам.

— Покажите карточку, — сказал он спутнику.

Семин вынул и протянул Широкову фотографию.

С нее глядел мужчина средних лет, худой и, вероятно, высокий. Начальник отделения милиции внимательно изучал сфотографированного — его белесые брови, широко посаженные глаза, нос с едва заметной горбинкой и бороздкой на кончике, длинную шею с крупным кадыком.

— Нет, — сказал он, возвращая карточку, — такого не знаю.

Ответ показался полковнику забавным. Он улыбнулся.

Широков насупился, вновь взял фотографию.

— Нет, решительно не знаю, — твердо сказал он. — Не встречал, товарищ полковник, ну, честное же слово, не встречал!

— Человек этот арестован, — сказал Азизов. — Сидит. И, между прочим, у вас.

Широков пододвинул к себе сводку происшествий за день.

— Вор? — спросил он. — Кража в трамвае?

— Он самый, — подтвердил Семин.

— Погодите, погодите... Но им интересуетесь вы?

Азизов кивнул.

— Почему же тогда кража? — Широков поднялся с дивана. — Он что, с ума сошел? Ничего не понимаю.

— Мы тоже озадачены. — Азизов пожал плечами. — Засекли его далеко отсюда, еще полмесяца назад. Изучаем. Есть все основания полагать, что прибыл по важному делу. Начал действовать — и, на тебе, мелкая кража!

Широков позвонил. Вошел помощник. Начальник отделения передал ему сводку, очеркнув ногтем место, относящееся к трамвайному происшествию.

— Проверьте, где задержанный и кто ведет следствие.

Вскоре помощник вернулся. Он доложил: арестованный сознался в воровстве.

— Признался, что совершил кражу? — переспросил Азизов.

— Даже раскаялся. Клянется, что это в последний раз.

Азизов попросил, чтобы начальник отделения отпустил помощника. За арестованным глядеть лучше, но не допрашивать.

Затем Азизов занялся просмотром следственных материалов.

— Так, — сказал он, листая бумаги, — документов при себе не имел или, скорее всего, выбросил перед арестом. Назвался Александром Шуко. Адрес дал ложный — мы-то знаем, где он живет... И ко всему — признался! — Полковник поднял голову, вопросительно поглядел на помощника.

— Да еще с такой легкостью, — сказал Семин. — А ведь мог все начисто отрицать — потерпевшего-то и свидетелей нет!

— Это, действительно, странно, — сказал Широков.

Азизов подошел к окну, поглядел на улицу.

— Не странно, майор, а хитро: ему поверят, закончат следствие, осудят на какой-то там срок...

— За кражу, — вставил Семин.

— Да, за мелкую кражу. Он отсидит или, пожалуй, сбежит. И вот он вновь на свободе и может продолжать прерванное арестом дело!.. Главное, чего он боится, это чтобы не развернулось тщательное расследование. Потому и поторопился с признанием.

Полковник вернулся к столу, вновь полистал бумаги из папки, задумался.

— Меня сейчас другое занимает. Как случилось, что он оказался в роли вора и попал в милицию? Кому это понадобилось?..

Часа через три в служебном кабинете Азизова зазвонил телефон. Азизов снял трубку и услышал голос майора Широкова.

— Товарищ полковник, вы просили доложить, если вдруг прояснится...

— Да, да, говорите!

— Так вот, ко мне явилась одна гражданочка... Она, собственно, не о Щуко, о том, другом, потерпевшем...

— Хорошо. — Азизов встал. — Попросите гражданку ко мне.

— Ясно, товарищ полковник. Сейчас явится. Запишите для пропуска: Оруджева Шафига.

Вскоре в дверь кабинета постучали. Азизов, занятый бумагами, не услышал. Стук повторился, и за дверью послышался плач. Полковник удивленно поднял голову, встал и распахнул дверь. На пороге стояла женщина с годовалым ребенком на руках.

— Оруджева? — спросил Азизов.

— Я самая... Да замолчи ты, неугомонный! — прикрикнула она на ребенка.

Полковник пригласил женщину в кабинет, вызвал майора Семина.

— Мы слушаем вас, — сказал он посетительнице.

Та положила на стол большие красные руки и начала:

— Я живу возле цирка. Продуктовые карточки прикрепляю в магазине, который недалеко от дома.. Вот на этой бумаге написан адрес — мы с начальником милиции звонили, узнавали. Большой такой магазин.

— Я знаю, — сказал Азизов, взглянув на бумажку.

— Ну вот, стою это я в очереди...

— Когда?

— Сегодня это было, начальник! Утром, в десять часов. Заняла, значит, очередь, жду. За мной стал какой-то старик. Стоим. Наконец, очередь подошла. Надо входить в магазин. А старик, что был сзади, вдруг заявляет: «Забыл карточки дома». Ну, что тут делать? Говорю: бегите скорей за ними.

— И побежал?

— Да... Время идет, а старика нет. Мне уже и сахар выдали, а его не видно.

— Так и не пришел?

— Не пришел! Что ж, думаю, дело твое. Может, денег не хватило или еще что... А я ждать не могу — у меня ребенок на руках. И ушла. К трамваю иду. На базар ехать. Дохожу до остановки и, что вы думаете, — он!

— Старик?

— Он самый! Хотела подойти, сказать: почему людям голову морочишь? Потом раздумала. Мало у кого какие причины. Я правильно говорю?

Азизов кивнул.

— И не подошла. А тут — трамвай. Я, конечно, с передней площадки — у меня ребенок... Ну, поехали мы. Две остановки тихо ехали, а как стали приближаться к третьей, начал он скандалить.

— Тот самый старик?

— Тот самый. Бумажник, кричит, украли. Я бы не обратила внимания — мало ли что случается. Но вижу — врет.

— Почему так решили? Объясните, пожалуйста, подробнее. Это очень важно.

— Кричит: «Бумажник украли, в бумажнике продуктовые карточки». А я-то ведь знаю, не было там никаких карточек!

— Подробнее, пожалуйста.

— Старик у магазина бумажник наизнанку выворачивал, карточки искал. Тогда не было карточек. А теперь вдруг появились... Я правильно говорю?

— Продолжайте, пожалуйста, — сказал Азизов, все больше заинтересовываясь рассказом женщины.

— Ну, что дальше было, вы знаете... Да, еще! Когда вора на крыше дома ловили, я в тот двор вошла. Там много народу собралось. Оглянулась — рядом со мной старик. «Ах ты, говорю, такой-сякой! Зачем человека зря обвиняешь? Карточек-то не было у тебя!» Здесь все зашумели — милиционер и солдаты вывели ко-

торого поймали. Ну, я на них и зазевалась. Потом оглянулась — старика нет. Его и милиционер искал, да не нашел. И я подумала: надо сходить в отделение. Человека-то, может, зря... Хотя зачем он бежал, начальник?

— Вы все рассказали? — спросил Азизов.

— Что знала, то рассказала.

— Не совсем. — Семин взял лист бумаги. — Как выглядел тот старик? Вспомните его лицо, костюм, шапку. Какого он роста, сколько ему примерно лет?

Женщина подумала и довольно точно описала внешность второго участника происшествия.

Азизов наклонился к Семину, сказал несколько слов. Тот вышел. Вернувшись, положил перед Оруджевой фотографии.

— Скажите, нет ли здесь карточки того старика? — Азизов вопросительно посмотрел на посетительницу.

Женщина оглядела фотографии.

— Нет, — твердо сказала она, — это другие. Это, начальник, совсем другие люди.

— Спасибо, товарищ Оруджева. — Азизов поднялся. — Вы помогли нам. Если вспомните что-нибудь еще — позвоните. Вот, на этой бумажке телефон.

Женщина бережно спрятала бумажку, подняла ребенка и направилась к выходу.

ГЛАВА ВТОРАЯ

1

Убедившись, что человека в ушанке задержали, старик выбрался на улицу и заспешил в обратную сторону. Вскоре он вновь был у дома-

ка с палисадником. Постояв перед дверью, из которой час назад вышел незнакомец, он решительно постучал. На стук никто не отозвался.

«Не хватает только, чтобы ее не оказалось дома», — подумал старик и постучал опять.

За дверью слышались шаги.

— Кто там? — спросил голос.

— Гость.

Дверь отворилась. На пороге стояла пожилая женщина в халате.

— Дома ваш квартирант? — осведомился посетитель, любезно улыбаясь.

— Нег. — Женщина взялась за дверь, чтобы запереть.

— Минуточку! Мне, собственно, не его самого... Понимаете, мы с ним приятели, и я принес по его поручению... Вот! — Старик протянул маленький сверток.

— Дайте мне. — Женщина выставила грязную ладонь. — Давайте, я передам.

— Пожалуйста, — сказал старик, шагнув вперед, но не выпуская свертка из рук. — Только я бы хотел и записочку... Где ее написать? Можно пройти в его комнату?

Женщина молча указала на дверь. Старик толкнул ее, вошел и оказался в маленькой комнатке с единственным окном, выходившим во двор. У стены стояла железная кровать, под нею — фанерный чемодан, возле окна — столик и табурет..

Старик уселся за столик, вынул блокнот и карандаш. Он не торопился, подолгу мусолил карандаш, аккуратно выводя букву за буквой. Женщина стояла в дверях, наблюдая.

В коридоре что-то забулькало, зашипело.

— Кажется, пахнет горелым, — сказал посетитель, нюхая воздух. — Это не у вас?

Хозяйка охнула, метнулась к двери. Послышался грохот кастрюль, что-то упало и покатилося по полу...

Через минуту, когда женщина вновь появилась в комнате, старик сидел в той же позе, но уже не писал. Казалось, он находится в глубоком раздумье.

— Боюсь, что приятель напутает, — нерешительно проговорил он. — Что же делать?.. Знаете, лучше я зайду позже и все объясню... Да, да — так будет лучше. Когда он приходит?

— Кто его знает! — Хозяйка пожала плечами. — Вечером приходит, поздно...

— Ну и отлично. Вечером зайду.

И посетитель сунул сверток в карман. Женщина проводила его, захлопнула дверь. Слышно было, как загремели засовы и дважды повернулся в замке ключ.

Под вечер старик появился на вокзале. А через час с небольшим электричка доставила его на маленькую станцию. Отсюда было рукой подать до селения на берегу моря.

— Слава тебе, всевышний. — прошептал старик, отпирая дверь небольшого домика, стоявшего на краю селения.

Он вошел, старательно запер за собой дверь и со вздохом облегчения опустился на кровать. Хотелось есть, мучила жажда, но не было сил встать, чтобы развести огонь, вскипятить чай и состряпать ужин.

Стемнело. Взошла луна. От окна протяну-

лись по полу тусклые желтые полосы. С улицы слышалось мычание коров, блеяние овец и коз. Захлопали ворота, потянуло дымом. Сельчане убрали на ночь скотину, готовили пищу.

В каждом доме были свои радости и горести, интересы и надежды. Здесь, как и по всей стране, жили вестями с фронта. Шла весна тысяча девятьсот сорок четвертого года, и по мере того, как наши войска все дальше продвигались вперед, люди все с большим нетерпением ждали конца войны и желанного слова — победа!

Не ждал этого только старик.

Лет тридцать назад человек этот имел кое-какую торговлишку, служил некоторое время приказчиком на одном из нефтепромыслов богача Тагиева, позднее состоял в контрреволюционной партии мусават и якшался с турками, когда те оккупировали Баку.

После революции он притих, затаился.

Так бы и прожил он жизнь мелким, незаметным служащим, если бы не пристрастился к картам.

Все началось с карт. Сначала он пытался сдерживать себя, не поддаваться азарту. Но вскоре игра захватила его. В два месяца он потерял все свои сбережения, которые накапливал много лет. За ними последовали вещи, спущенные старьевщику за бесценок. А когда не осталось и вещей, он, кассир крупного завода, стал брать деньги из сейфа. Надеялся, что повезет, но неизменно проигрывал: он и не подозревал, что партнерами его были шулера.

Между тем за ним давно наблюдали. И вот однажды (это было в канун ревизии), когда до смерти перепуганный кассир сидел на примор-

ском бульваре, тщетно пытаюсь собраться с мыслями, к нему подсел человек. Разговорились. Кассир поведал о своем горе. Неизвестный принял в нем живейшее участие.

Через два часа ошалевший от счастья кассир мчался на завод, бережно неся туго набитый портфель.

Дальше все обстояло просто. Агент-вербовщик германской разведки, получив от него кое-какие сведения о заводе, легко подавил слабое сопротивление вконец запутавшегося и деморализованного картежника. Действовал он наверняка, ибо знал кое-что и о прошлом кассира.

Так началась новая жизнь старика — жизнь предателя, изменника родины, провокатора и шпиона.

Много грязных дел было на его совести. И с каждым новым заданием он испытывал все больший страх. Чудилось, что за ним пришли, вот-вот схватят... Днем он еще держал себя в руках, сохранял способность спокойно ходить по улицам, говорить своим ровным, дребезжащим тенорком, даже улыбаться. Ночью же просыпался в холодном поту, с разламывающейся от боли головой, полумертвый от приснившихся кошмаров.

Весть о начале войны застала его на улице. Люди стояли, сгрудившись у громкоговорителя. Какая-то женщина плакала. Он же боялся шевельнуться, чтобы не выдать радости, бушевавшей в груди.

— Все, — шептал он, сидя вечерами в своем домике за очередной сводкой с фронта, мысленно прикидывая, сколько еще немцам осталось до Баку. — Теперь их не остановит сам шайтан!

В эти минуты перед глазами его возникала цепочка тяжело груженных верблюдов. Позвякивая колокольцами, они неторопливо брели по барханам, высоко задрав головы... Дед его и отец всегда гоняли караваны в Персию, выгодно торговали. А чем он хуже их? Но караваны — чепуха. Караваны — это прошлое. Пароходы с доверху набитыми трюмами — вот настоящее дело! И промысел, пусть даже небольшой, нефтяной промысел, который он обязательно приберет к рукам!

Так он мечтал. Но теперь немцы проигрывали войну, и кошмары вновь стали посещать старика по ночам.

Работа агента научила его ничему не удивляться. И все же последнее задание ошеломило. Расшифровав радиogramму, он больше часа сидел за столом, не зная, что и думать. В самом деле, кому и зачем могло понадобиться выдать советским властям такого же агента, как он?

Мучимый сомнениями, он решил отложить выполнение задания, пока не получит подтверждения. Оно не замедлило последовать. Надо было действовать. В пятницу он отправился в город и в полдень был у касс кинотеатра «Баку». Как указывалось в радиogramме, по пятницам и субботам в этот час здесь в ожидании связного должен был находиться Александр Шуко. Старик опознал его по заплатанной крест-накрест брезентовой сумке, которую тот держал в левой руке, проследил, где живет Шуко. Затем вернулся к себе и разработал план операции.

Все это время он не переставал размышлять над причинами, которые побудили разведку вы-

дать своего агента. И в конце концов решил: тот, второй, чем-то не угодил хозяевам. И это — возмездие, кара за непослушание. Он вздохнул. Да, видно, так уж устроено в жизни, что одни — хозяева, другие — слуги. Одним определено командовать, другим — подчиняться.

Внезапно старика ошеломила мысль: выполняя приказ, сегодня он предал какого-то агента. Ну, а завтра? Чей черед будет завтра?..

Старик с трудом поднялся на ноги. Сердце билось тяжелыми, неровными толчками. Глаза застилала пелена. Не хватало воздуха. Он едва добрался до окна и, теряя последние силы, толкнул раму. В комнату хлынул прохладный вечерний воздух. Он долго стоял, прислонившись к стене, пока не прошла слабость.

Что это с ним происходит? Все чаще и чаще внезапные приступы удушья. И они, эти приступы, делаются продолжительнее, сильнее...

Спустя час старик пришел в себя, запер и зашторил окно, включил свет. Было поздно. Он сверился с часами, спустился в подполье, куда вел из кухни замаскированный лаз, нащупал в темноте тайник, извлек из него портативный передатчик и послал в эфир коротенькое шифрованное сообщение.

2

Полковник Азизов весь день занимался текущими делами, которых в его отделе всегда было великое множество. Однако мысленно он вновь и вновь возвращался к странному происшествию в трамвае. Он откладывал перо, откидывался в кресле, строил предположения, догадки...

Взгляд Азизова задержался на фотографии возле чернильного прибора. Молодая женщина и мальчик стояли на берегу моря, улыбаясь в объектив. Это были жена и сын Азизова.

С началом войны, когда резко возросла служебная загрузка чекистов, полковник почти перестал бывать дома. Зарифа попыталась воздействовать на его родительские чувства. Сын неделями не видит отца, тоскует. Другое дело, если бы Азизов находился далеко от семьи. Но раз он здесь — должен воспитывать ребенка.

Не помогло. Однако Зарифа не отступила. Мужу при той тяжелой работе, которую он выполняет, необходимо регулярно питаться. И вот теперь она ежедневно приезжает с едой и ждет внизу, а к полковнику звонит дежурный. Тут уж, хочешь не хочешь, а выберешь время, чтобы спуститься.

Вчера они провели в комнате дежурного полчаса. Он торопливо ел, она рассказывала. Зарифа старалась говорить весело, но в глазах ее была тоска. И Азизов обещал: завтра вечером, что бы ни случилось, он выберет время и придет.

— Не напоминать? — спросила жена, убирая посуду.

— Слово мужчины!

— Ладно, поглядим, какое это слово, — сказала Зарифа.

...Сейчас было около десяти. Время ехать домой.

Азизов стал уже собираться, когда в дверь постучали.

Вошел майор Семин. Он принес документы об арестованном Шуко. Азизов просмотрел их. Ничего нового. Как же действовать? Многое мог бы прояснить допрос самого Шуко. Однако Азизов полагал, что не следует торопиться с допросом. После рассказа Оруджевой он почувствовал некоторое удовлетворение — подтвердилась его догадка, что кража инсценирована. Одновременно то, что сообщила посетительница, запутывало дело. Кто же это такой — старик с седой бородкой, в темном костюме и коричневой каракулевой папаше, владелец замшевого бумажника? С какой целью подстроил он происшествие и передал Шуко в руки милиции? Быть может, мстит за что-то? Нет, вряд ли. Шуко прибыл в Баку недавно, каждый его шаг в этом городе известен, участники встреч сфотографированы, и Оруджева, которой показали их карточки, не опознала среди них Седобородого (так Азизов мысленно называл второго участника происшествия). Значит, не исключено, что Шуко его не знает.

А может быть, знает? Что, если Седобородый — такой же агент германской разведки, как и Шуко? Нет, это маловероятно. Если он и агент, то работает на какую-то другую разведку. Но на какую? И с каких это пор иностранные разведки стали выдавать германских шпионов органам госбезопасности Советского Союза!

— Только что навел справку, — негромко проговорил Семин. — Магазин, в котором прикрепляла свои карточки Оруджева, и квартира арестованного находятся по соседству. Метров сто друг от друга. Так сказать зрительная связь.

— И Седобородый наблюдал за домом, стоя в очереди? Хитро, ничего не скажешь.

— Когда будем допрашивать Шуко?

— Не будем.

Семин вопросительно взглянул на начальника.

— Не будем, — повторил Азизов. — Раз поймали вора, должен быть суд. Так пусть суд состоится. Преступника приговорят по соответствующей статье. А потом, при конвоировании в тюрьму, случится что-то такое, что даст ему возможность бежать.

— Понял, товарищ полковник. — Семин улыбнулся. — Но не исключено, что Шуко не знает того, второго.

— Седобородого?

— Да. Не знает, даже не подозревает о его существовании.

— Все равно. Пусть считает, что его приняли за вора.

3

Часы в углу кабинета пробили десять. Азизов поднялся, запер сейф, взял шляпу.

— Закончим разговор завтра. Утром прошу ко мне пораньше. А сейчас... — Он улыбнулся. — Сейчас я должен идти, ибо опаздываю на свидание.

Зазвонил телефон. Азизов снял трубку:

— Слушаю... Здравствуй сынок. Да, обещал и скоро буду. — И он дал отбой.

— Домой? — спросил Семин.

— Домой.

— А как же свидание?.. А, понимаю! — Майор рассмеялся.

Машина медленно шла по пустынной улице мимо темных, без единого огонька, домов, очертания которых едва угадывались в ночи. Из репродукторов лилась музыка — негромкая, тревожная.

Автомобиль свернул к морю. Луна только что взошла. Каспий лежал в ее мягком свете большой, мирный, весь в мелких серебряных завитках.

Азизов опустил боковое стекло. В кабину ворвались ароматы моря — чудесная смесь запахов йода, смолы и нефти.

— Хорошо, — негромко сказал шофер.

— Хорошо, — повторил Азизов.

Машина проехала набережную, притормозила у небольшого дома.

Азизова ждали. Навстречу кинулся сын, за ним вышла улыбающаяся Зарифа.

Они вошли в дом. И тотчас же зазвонил телефон. Жена взяла трубку.

— Тебя, — сказала она Азизову.

Полковник поднес трубку к уху. Говорил майор Семин. Он сообщил, что арестованный Щуко попытался совершить побег.

— Как это произошло? — Азизов присел на стул, расстегнул воротничок, ослабил галстук.

— Подробностей не знаю, не успел расспросить. Кто-то из офицеров открыл огонь...

— Убили? — Азизов встал.

— Ранили, товарищ полковник. Легко.

— Все равно плохо. — Азизов помолчал. — Где он находится?

— Там же, в отделении.

— Берите нашего врача, выезжайте. Я сейчас буду.

Он положил трубку и виновато посмотрел на жену.

4

Майор милиции Широков доложил Азизову о происшествии. Полковник раздраженно поморщился. Похоже было, что рухнули все планы. У преступника перебита нога. На какое-то время он обречен на неподвижность. Значит, не удастся осуществить комбинацию с побегом, чтобы и дальше наблюдать за связями Шуко.

— Можно устроить так, чтобы распространился слух, будто побег удался? — вдруг спросил он начальника отделения.

Широков был удивлен.

— Ну? — нетерпеливо повторил полковник. — Побег, мол, удался, и арестованный скрылся.

— Полагаю, что можно, — неуверенно ответил Широков.

— Слух должен быть распространен не только среди жителей окрестных домов, но и между работниками отделения. Конечно, не считая тех, которые были здесь во время происшествия. С ними придется поговорить особо. Вы понимаете меня?

— Так точно.

— Тогда действуйте.

Широков вышел. Проводив его взглядом,

Азизов встал. Поднялся и Семин. Полковник обнял его за плечи.

— Поехали, Артемий Ильич, ко мне. Я, когда ты звонил, только в дом вошел. Но одним, так сказать, глазом успел стол оглядеть. Проверишь, сыр видел, долму видел! А по дороге потолкуем. Есть интересная мысль.

— А... работа? — неуверенно проговорил Семин.

— На час едем. На один час. Потом возвращаемся в отдел.

— Едем. — Семин улыбнулся, потер ладони. — Я, брат, знаешь, как долму люблю!

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

1

Обер-ефрейтор Герберт Ланге стоял в офицерском блиндаже и отвечал на вопросы своего ротного командира лейтенанта Шульца.

— Таким образом, вы, Ланге, были дневальным по взводу и дежурили в землянке вторую половину ночи?

— Да, господин лейтенант.

— Никуда не отлучались?

— Нет, господин лейтенант.

— И видели, как вернулся с поста ефрейтор Георг Хоманн?

— Так точно. Он сменился в два часа ночи, ввалился в землянку и стал расталкивать солдат, занявших его место на нарах.

— Ну, а дальше? — Лейтенант испытующе оглядел обер-ефрейтора, его квадратное кисти-

стое лицо, массивное туловище с прижатыми к бокам длинными, тяжелыми руками. — Что было дальше?

— Дальше? — Ланге чуть шевельнул рукой, шире раскрыл свои большие светлые глаза. — Я не знаю, что вас интересует, господин лейтенант.

— Вы ни о чем с ним не говорили?

Ланге облизнул губы, переступил с ноги на ногу, шумно перевел дыхание.

— Говорил, господин лейтенант.

— О чем же, Ланге?

— Да ведь он, Хоманн, только три дня как из отпуска. А мы с ним из одних и тех же мест...

— Остбург?

— Остбург, господин лейтенант.

— Гм.. Так о чем же вы беседовали? Предупреждаю, обер-ефрейтор Ланге, говорить правду, не лгать! Учтите, мне кое-что известно.

— Господин лейтенант в чем-то подозревает меня? — На лице Ланге отразились удивление, растерянность.

— Нет, нет, — быстро сказал ротный командир.

Шульц имел основания верить Ланге — исполнительному и храброму солдату. Но ни в чем ведь нельзя было упрекнуть и ефрейтора Георга Хоманна. Тот тоже считался лучшим солдатом и, кроме того, недавно спас жизнь ему, Шульцу. А вот полчаса назад выяснилось, что Хоманн исчез, причем не просто исчез, но перебежал к русским!

По требованию лейтенанта Герберт Ланге доложил о своей беседе с Хоманном. В ней не

было ничего особенного — ефрейтор Хоманн рассказывал о поездке в Остбург. Там все по-прежнему. Только вот бомбят город здорово. И люди ходят злые.

— Господин лейтенант, — сказал Ланге, заканчивая свой рассказ, — при выезде жандармы предупредили Хоманна, чтобы он держал язык за зубами: ни слова о том, что делается в тылу. Поэтому прошу вас...

Лейтенант вздохнул.

— Идите, Ланге, — вяло сказал он. — От вас ничего не добьешься. Идите, мне надо побыть одному.

Отпустив солдата, Шульц расстегнул воротник мундира, задумчиво подсел к столу. Да, все ощутимее признаки того, что дело близится к развязке. Уже первые солдаты перебегают на сторону противника. В германском тылу, который теперь день и ночь бомбят самолеты американцев, англичан и русских, все больше проклинают войну, Гитлера, фашистов. Ну, а дальше? Какова дальнейшая судьба Германии, немецкого народа, судьба самого Шульца?

Лейтенант Шульц встал, потрянул головой, отгоняя невеселые мысли, неожиданно для самого себя грубо выругался. Он долго ходил по землянке, сильно затягиваясь сигаретой и бормоча проклятия. Затем, несколько успокоившись, подсел к телефону — надо было докладывать об исчезновении Хоманна.

Утром командир батальона майор Гаус зачитал перед строем подразделения приказ. Командир полка объявлял, что ефрейтор Георг Хоманн как дезертир из германского вермахта и предатель дела фюрера лишается воинского

звания, всех наград и прав. В случае поимки он подлежит расстрелу.

2

Хоманн благополучно переполз минное поле, прикрывавшее позиции германских войск, и теперь двигался по «ничьей» земле. Была ночь. Со стороны немцев то и дело взвивались в небо осветительные ракеты, заливая землю холодным голубоватым светом. Он был таким ярким, что проникал в каждую выбоинку и щель. Повисев в воздухе, ракеты устремлялись вниз, и тогда от деревьев и камней бежали резкие, черные тени.

При каждой вспышке Хоманн распластывался на земле и ждал спасительной темноты, чтобы потом, изо всех сил работая коленями и локтями, продвинуться еще на десяток метров.

Было морозно, но он не чувствовал холода. От его спины валил пар, с висков стекали струйки пота, заливая глаза и мешая глядеть. Хоманн продавил ладонью ледок во встретившейся на пути луже, поранил пальцы, но не заметил и этого. Он думал лишь об одном — быстрее миновать открытый и насквозь простреливаемый участок.

Впереди слышался шорох. Хоманн замер. Шорох повторился. На бугре мелькнула тень, за ней — другая, третья.

Хоманн тяжело задышал.

— Геноссе! — позвал он хриплым шепотом.

Тени перестали двигаться, шорох оборвался. Потом слышался металлический щелчок — будто взвели курок.

Мозг перебежчика лихорадочно работал. Сейчас, если он ничего не предпримет, наступит конец. Русские разведчики — а в том, что это именно они, Хоманн не сомневался — вот-вот прошьют его автоматной очередью или угостят ударом ножа. Неужели же придется погибнуть, когда цель так близка? Скорее сделать что-то такое, что остановило бы советских разведчиков! Но — что?

Всё решали секунды. И Хоманн вдруг запел «Интернационал». Он пел, торопясь и волнуясь, с трудом переводя дыхание, захлебываясь и нещадно фальшивя, так что мелодию едва можно было узнать.

Прошло с полминуты. Он оборвал пение, прислушался.

— Ком хер! — негромко сказали из-за бугра. И добавили: — Хенде хох!

— Яволь, яволь, — торопливо зашептал ефрейтор. — Их комме!

Он отбросил в сторону автомат, двинулся вперед. Вот и бугор. Теперь Хоманн видел тех, к кому полз. Их было трое, в пятнистых халатах. Перебежчик уперся грудью в землю и попытался поднять вверх руки с растопыренными пальцами. Люди в халатах метнулись к нему.

...Через час старший тройки разведчиков докладывал о перебежчике своему командиру.

— Говорите, окликнул вас? — переспросил офицер, делая запись в блокноте.

— Первым окликнул, товарищ старший лейтенант!

— И — «Интернационал»?

— Пел, товарищ старший лейтенант. Поет, а сам, чувствую, дрожит.

— Тут задрожешь, — офицер усмехнулся.

Хоманна ввели в землянку. Остановившись у двери, он вскинул голову, изо всех сил стукнул каблуками.

— Не хватает только «Хайль Гитлер»! — пробурчал старший лейтенант. — Кто вы? — спросил он по-немецки.

Хоманн назвал себя, сообщил номер полка и дивизии, где проходил службу.

— Так, — лениво сказал офицер. — А зачем пожаловали?

У Хоманна дрогнули губы. Он как-то обмяк, ссутулился.

Офицер подумал, что слишком уж грубо задал вопрос.

— Садитесь, — сказал он.

Хоманн грузно опустился на табурет. Командир разведчиков перехватил его взгляд, брошенный на пачку папирос.

Встряхнув пачку, он протянул ее Хоманну.

Перебежчик поблагодарил кивком, но папиросы не взял. Он полез в карман, извлек деревянный портсигар, достал сигарету и закурил.

— Так зачем все-таки пожаловали? — повторил вопрос офицер. — Воевать не хочется?

Хоманн выпрямился.

— Нет, — сказал он. — Я еще повоюю!

Офицер поглядел на него с любопытством.

— Я коммунист, господ... простите, товарищ обер-лейтенант! — Хоманн сделал паузу и закончил: — И думаю, что пригожусь.

Офицер насторожился. Он знал, что агенты, которых гитлеровцы забрасывают в тыл советских войск под видом перебежчиков, иной раз

снабжаются даже документами членов коммунистической партии.

— Коммунист? — сказал он, недобро усмехнувшись. — И документ имеете?

Хоманн встал.

— Конечно, я понимаю и ваш тон и ваше недоверие, — тихо произнес он, не поднимая глаз от дымившейся в руке сигареты. — Все это понятно, тут ничего не поделаешь. Но я прошу: проводите меня к вашему начальнику. — Хоманн поглядел офицеру в глаза, нервно повел плечом. — К вашему самому большому начальнику. Я должен сообщить нечто важное.

— Хорошо, — кивнул офицер. — Хорошо, вы будете говорить с начальником. Но это завтра. А пока садитесь и пишите: кто вы, откуда, зачем перешли на сторону советских войск и все, что еще найдете нужным. Вот бумага, ручка, чернила. Не торопитесь. Вам не будут мешать.

И он вышел.

Разведчик, доставивший Хоманна, остался у двери.

3

На следующее утро перебежчик был отконвоирован к начальнику отдела контрразведки дивизии.

Навстречу Хоманну из-за стола поднялся высокий худощавый майор.

— Вы хотите сделать нам заявление? Слушаю вас.

— Это займет полчаса, быть может больше. — Хоманн вытащил портсигар, вопросительно взглянул на офицера.

— Можете курить, — разрешил майор.

Хоманн поблагодарил, раскрыл портсигар и пододвинул майору.

— Не курю.

— Я не об этом. — Хоманн коснулся крышки портсигара. — Она клееная. Два слоя, понимаете? А в середине — первая страничка моего партийного билета. Подпись Эрнста Тельмана.

Майор раскрыл перочинный нож, протянул немцу.

— Нет, — Хоманн покачал головой. — Сам я боюсь это сделать. Клеили каким-то особым составом, намертво. И очень давно — девять лет назад. Лучше, если отошлете специалистам. Можете даже в Москву.

— Почему в Москву?

— Мне кажется, после того, как я сделаю свое заявление, вы отправите туда и меня.

Майор высыпал на стол содержимое портсигара, закрыл его, оглядел мельком и отодвинул в сторону. Хоманн аккуратно собрал сигареты и уложил в карман кителя.

— Ну, я слушаю вас, — сказал майор.

РАССКАЗ ГЕОРГА ХОМАННА

Я родом из Гамбурга. Вы, конечно, слышали об этом городе. Он расположен в низовьях Эльбы, в сотне километров от Северного моря. Отец работал в порту — возил грузы на автокаре. Умер, когда мне было лет тринадцать. Мать вторично вышла замуж. С этим я примириться не мог — отец вечно стоял перед глазами, и было дико, что его место занял другой. Словом, ушел. Скитался по стране, несколько лет про-

вел в Руре, кормился временной работой на шахтах — там, как я думал, всегда можно подыскать какое-нибудь занятие. Но потом работы не стало. И снова скитания. Дважды побывал в трудовых лагерях. Отделался дешево — в общей сложности продержали там не больше года. И вот — вернулся в родные края.

С работой было плохо, но мне повезло — гамбургскому муниципалитету требовался рабочий по очистке канализационных труб. Взялся и тянул лямку до тридцать седьмого года. В том году распространился слух, что в Остбурге (это тоже на Эльбе, но немного выше по течению) нужны рабочие на военный завод. Подался туда. На заводе делал мины, артиллерийские снаряды. К тому времени я уже лет двенадцать был членом компартии. Как уцелел от провала и остался на свободе? По правде говоря, не знаю. Быть может, потому, что не лез вперед, никогда не выступал. Вероятно, в этом вся суть. Словом, так или иначе — но уцелел. Имел работу, которая прилично оплачивалась, имел комнату, почти не пил. Короче, мог обзавестись семьей. Но остался холостяком. И сейчас даже рад этому... Так вот, началась война. Вскоре на мое место поставили какого-то поля-

ка из восточных рабочих, а меня мобилизовали. Года полтора провел во Франции, затем проделал с Роммелем почти весь его африканский поход, едва унес оттуда ноги. Последние полгода был на Восточном фронте. Дней двадцать назад командир роты похвалил меня перед строем за то, что я предотвратил пожар в продовольственном складе, возле которого нес службу. Было объявлено, что мне предоставляется отпуск для поездки в тыл.

Возможно, отпуском я бы и не воспользовался — ехать-то, собственно говоря, было не к кому. Но дня за три до этих событий пришло письмо от приятеля. Зовут его Макс Висбах. Мы вместе работали на военном заводе в Остбурге, Макс и по сей день там... Он ко мне неплохо относился — раз даже выручил, когда мастер, которому я чем-то не угодил, настроил кляузу. О, Макс — сварщик высшей категории, с ним считается даже директор завода!

В письме Макса было только самое обычное: тот здоров, а тот заболел; погода такая-то; на заводе все по-старому. Но, читая, как говорится, между строк, я почувствовал, что Макс чем-то озабочен, встревожен. В конце он писал: «Вот бы удалось тебе вырваться сюда на недельку». И я подумал: быть может, с ним стряслась беда, и он нуждается в помощи, совете? Почему бы и не съездить в Остбург?

И вот я в Остбурге. В первую ночь мы с Максом проговорили почти до рассвета — благо завтра ему предстояло работать во второй смене. На следующий вечер, когда мы поужинали и задымили сигаретами, Макс пододвинулся ко мне и, понизив голос, сказал, что хочет

посвятить меня в одно необыкновенное дело.

Вот коротко, что он мне рассказал. Однажды ночью, это было недели за три до того, как я получил отпуск, к нему постучали. Он уже спал. Стуком поднял его с постели.

«Кто там?» — спросил он, подходя к двери «Откройте, гестапо».

Макс, как и я, ненавидит нацистов. Правда, он не коммунист, но честен, прям и правдив, словом — настоящий рабочий... Так вот, услышав, что ночные гости — молодчики из гестапо, он притаился за дверь. Что делать? Бежать он не мог — квартира на четвертом этаже, и у нее лишь один выход — тот, у которого стоят гестаповцы. Дома у Макса ничего предосудительного не было. Поэтому он решил, что лучше всего, не мешкая, отпереть, показав тем самым, что хозяин квартиры не боится ни ареста, ни обыска, ибо совесть у него чиста. Макс так и поступил.

Вошли трое в черных мундирах.

«Вы Макс Висбах? — спросил гауптман¹. — Электросварщик с завода «Ганс Бемер?»

«Он самый».

«Под водой приходилось работать?»

«Резать?» — в свою очередь спросил Макс, несколько растерянный.

«Резать и варить».

Макс сказал, что проходил службу во флоте и потому знаком с работой под водой.

«Хорошо. — Гестаповец распорядился: — Одевайтесь и едем».

Через несколько минут Макс и его провожа-

---

¹ Гауптман — капитан.

тые уже садились в машину, поджидавшую у подъезда.

Сначала заехали на завод. Гестаповцы прошли к дежурному инженеру, и тот разрешил взять из кладовой два сварочных аппарата и баллоны с газом. Все это погрузили в багажник автомобиля.

«Вперед», — скомандовал гауптман, садясь рядом с шофером.

Двое других офицеров уселись сзади, по бокам Макса. Автомобиль тронулся. Гестаповцы подняли толстое матовое стекло, отделявшее кабину пассажиров от водителя, задернули занавески на окнах. Макс оказался в передвижной тюрьме. Он понял, что его везут на важный объект, местонахождение которого хотят сохранить в тайне. Макс рассудил также, что убивать его по окончании работы, видимо, не собираются. В противном случае гестаповцы не стали бы предпринимать столько предосторожностей.

Поездка длилась часа два. Вначале машина кружила по улицам Остбурга, потом выехала за его пределы — увеличилась скорость, меньше стало поворотов. Последние километры автомобиль шел медленно, то и дело переваливаясь с боку на бок и подскакивая, будто поперек дороги были положены бревна. Макса осенила догадка: они двигаются по лесной тропе, и автомобиль швыряет на вылезших из-под земли корнях старых деревьев. Об этом говорил и приглушенный шум, который стал доноситься откуда-то сверху, — так в ветреную погоду шумит лес...

Наконец, машина остановилась. Максу завязали глаза. Поддерживаемый гестаповцами, он вылез. Теперь, когда мотор автомобиля за-

глох, шум леса слышался отчетливо. Ко всему Макс ощущал еще и аромат хвои.

Его взяли под руки и повели, а какие-то люди (он ясно слышал топот ног) подбежали к автомобилю и открыли багажник.

Несколько десятков шагов Макс сделал по земле.

«Осторожнее, — сказал один из спутников, — здесь лестница».

Спуск продолжался долго. Когда он закончился, Максу разрешили снять с глаз повязку. Макс стащил ее и невольно зажмурился. Он находился в круглой, ярко освещенной комнате со сводчатым потолком. Пол слегка подрагивал под ногами. Откуда-то доносился приглушенный рокот.

Через люк Макс и гестаповцы спустились еще ниже, теперь уже по узкой винтовой лестнице, и оказались на длинном балконе, огороженном металлическими перилами. Под балконом был большой квадратный провал — шагов сорок в длину и столько же в ширину. В нем бурлила вода. У Макса было такое ощущение, что вода медленно прибывает.

К Максу и его спутникам подошел человек в форме генерала СС.

Гауптман доложил, что сварщик с аппаратурой для работы доставлен.

«Этот?» — спросил генерал, кивнув на Макса.

Он взял Макса за плечо, указал вниз.

«Там, под водой, металлическая стена, — сказал генерал. — Сталь, и очень крепкая. Стена ограждает помещение от воды. Но где-то образовалась трещина или пробоина... или еще черт

знает что! Спуститься вниз, под воду, и ликвидировать повреждение сможете?»

Макс, ошеломленный тем, что открылось его глазам, пробормотал:

«Выходит, воды здесь не должно быть?»

«Не разговаривать! — закричал генерал, находившийся, видимо, в большом нервном напряжении. — Да или нет?»

Макс подумал, что будет уничтожен, если откажется от работы. Он ответил, что должен спуститься под воду и осмотреть повреждение. Генерал что-то сказал стоявшему рядом офицеру. Тот ушел и вскоре вернулся с несколькими военными, которые несли водолазный костюм, каучуковые шланги, моток веревки, небольшую помпу для подачи воздуха, а также сварочные аппараты, которые привезли в машине спутники Макса.

Через четверть часа Макс, облаченный в скафандр, погрузился в воду.

Опустившись метра на три, он нащупал дно, сделал несколько шагов против течения — и внезапно провалился еще глубже. Теперь встречный поток воды казался мощнее. Макс продвигался, напрягая все силы. Наконец, он очутился возле стальной стены, о которой говорил генерал СС. Вода отбрасывала его назад, но он все же добрался до стены и ощупью двинулся вдоль нее. Ага, вот она, трещина! Ухватившись за ее край и лежа почти горизонтально в потоке бившей навстречу воды, Макс изучал повреждение. Оно было серьезно. Разошлись края двух заваренных в стык стальных листов. Длиной трещина была около метра. Напор воды выгибал листы, и они расходились все больше. Не-

чего было и думать, чтобы наложить заплату на поврежденное место и приварить ее: вода так давила, что не удалось бы даже приблизить заплату к трещине. Подумав, Макс пришел к выводу, что единственный выход — это приварить к обеим сторонам трещины прочные скобы, а уж по ним надвинуть на поврежденное место стальную задвижку. Ее можно будет прихватить по краям и затем намертво соединить со стеной.

План ремонта был составлен. Пятясь, Макс стал отступать от стены и скоро уперся спиной в выступ. Позади оказался большой ящик из

Рис. к стр. 30

светлого металла. На ящике что-то белело. Макс приблизился и разглядел этикетку. На полоске плотной белой бумаги были заметны буквы — уже расплывавшиеся. Он с трудом разобрал: «Винница, № 12». Над этим ящиком оказался второй, этикетка которого гласила: «Львов, № 5». Макс сделал десяток шагов в сторону, убедился, что ящиков много. Они были уложены в несколько ярусов.

Вот, оказывается, в чем дело! Макс понял, что находится в одном из тайников, о которых до сих пор ему приходилось лишь слышать. Как

утверждали, в таких тайниках руководство НСДАП¹, гестапо, абвера² и других учреждений фашистов хранит ценности или важные документы. В этом тайнике были ящики с грузом, вывезенным из Советского Союза.

Макс дал сигнал, чтобы его поднимали, и вскоре оказался наверху. С него сняли шлем. Он попросил, чтобы позвали генерала. Тот явился и одобрил предложенный Максом план. Оказалось, что гестаповцы уже подготовили к работе сварочные аппараты, доставили листы и полосы стали.

Макс принялся за дело. Часов через пять все было закончено. И тут, наваривая последний шов, Макс подумал, что у него очень мало шансов остаться в живых: он слишком много знает. Надо было найти средство обезопасить себя.

Поднявшись наверх, Макс сказал:

«Господин генерал, получилось очень удачно, что вызвали именно меня. Смею уверить: в нашем городе такой работы не сделал бы никто другой. Откачайте воду, а через недельку привезите меня сюда еще разок. Надо будет взглянуть, как ведет себя пластырь, не следует ли его укрепить».

Так Макс дал понять фашистам, что он, высококвалифицированный сварщик, может пригодиться. По этой ли причине или по какой другой, но его не тронули, доставили в город и отпустили, наказав держать язык за зубами.

Макс подчеркивает: ранним утром, когда он

---

¹ НСДАП — название фашистской партии в гитлеровской Германии.

² А б в е р — военная разведка и контрразведка.

возвращался, солнце было впереди — матовое стекло, разделявшее автомобиль на две части, казалось розовым от пронизывавших его солнечных лучей. Вывод: автомобиль шел с запада на восток. А к западу от Остбурга — Эльба. Значит, тайное хранилище на ее берегу. Теперь прибавьте ко всему и лес: помните, Макс слышал шум деревьев, а затем ощутил и запах хвои?.. Так вот, в районе Остбурга хвойный лес лишь в одном месте.

Вот что рассказал мне Макс Висбах. Потом, помолчав, он вдруг спросил:

«Ты коммунист, Георг?»

Этот вопрос не застал меня врасплох. С Висбахом мы близки, всегда были откровенны, он знал о моих взглядах. Единственное, что я скрывал — это свою принадлежность к партии. Но он, конечно, догадывался, хотя из деликатности помалкивал. И в тот день я открылся. Я понимал, куда он метит. И не ошибся. Висбах сказал:

«О тайнике должно узнать командование советских войск. Я долго думал, как это сделать. Выход один. Ты, Георг, перейдешь к русским. Будь я на твоём месте, поступил бы именно так. Клянусь тебе в этом».

Мне нечего было возразить. Макс был прав. И вот — я здесь.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

1

Ночь старик провел плохо. Он лег поздно, был сильно утомлен пережитым за день и никак не мог уснуть. Видимо, перенервничал. Про-

било час ночи, два часа, три, а он всё ворочался в постели, вздыхал, кашлял, что-то бормотал. Наконец, отчаявшись заснуть, сел в постели, спустил на холодный глиняный пол тонкие ноги с уродливо вспухшими подагрическими коленями, потянулся к выключателю, зажег свет.

За окном мерно шумело море. Но вот к ровному и привычному голосу Каспия стал примешиваться тихий скользящий шорох. Он все усиливался, нарастал. И вскоре по кровле, по окну, по широким листьям инжирового дерева, росшего у входа в домик, забарабанил крупный дождь. С моря донесся отдаленный удар — будто пушка выстрелила. Это в прибрежных скалах разбился первый штормовой вал.

Старик прошлепал босыми ногами к окну, проверил запоры, потом забрался на постель и, закутавшись в одеяло, просидел так до утра.

Рассвет застал его совсем больным. Он сполз с кровати, зажег керосинку. Сейчас девочка, дочь соседки, должна принести бутылку молока.

Ага, вот и она: у дома послышались шаги. Старик отпер дверь, взял молоко, перелил в кастрюлю и вернул бутылку.

— А деньги? — сказала девочка.

— Иди, иди, завтра получишь. — Старик запер дверь, нагнулся над керосинкой.

Скоро молоко было выпито, завтрак, состоявший из сваренного накануне картофеля, съеден.

На душе у старика было беспокойно — задание он выполнил неточно. Радиограмма требовала, чтобы тот, в ушанке, был передан в руки органов государственной безопасности, а не милиции.

Правда, старик предпринял, для этого кое-какие меры, но вдруг в милиции, не разобравшись, выпустят арестованного на свободу?..

Он понимал: хозяева всегда стремятся проверить сообщения своих агентов. Такую работу случалось выполнять и ему самому. Что, если и на этот раз будет предпринята подобная проверка, да еще выяснится, что тот, в ушанке, ускользнул!.. В этом случае Седобородого могут заподозрить в попытке надуть своих хозяев. Тогда наступит возмездие. А он знает теперь, каким бывает это возмездие! Нет, нет, действовать в ближайшие же часы, немедленно. Он должен убедиться в том, что все получилось как надо.

Надев сорочку, Седобородый раскрыл гардероб. Там висел синий костюм, в котором он ездил вчера в город. Он подумал и закрыл дверцу — инстинкт подсказывал, что сейчас следует одеться по-другому.

Через час Седобородый был в городе. Вскоре он оказался на улице, где помещалось отделение милиции, в которое вчера повели задержанного, и с равнодушным видом прошел мимо. Неподалеку была какая-то лавчонка, далее — парикмахерская. Быть может, зайти туда, потолкаться?.. Нет, не стоит. А что это на противоположной стороне? Старик прищурился и прочитал грубо намалеванную вывеску:

ЧАЙХАНА

Он сделал еще несколько шагов. Ну, конечно же, он был как-то раз в этой чайхане. Пом-

нится, хозяин заведения любит поговорить. Пожалуй, то, что нужно...

Старик неторопливо пересек улицу, толкнул дверь под вывеской, вошел. Он оказался в комнате с чисто выметенным полом, белоснежными стенами и потолком, с аккуратными занавесочками на окнах. В дальнем углу стояли на скамьях два больших медных самовара. Чуть поодаль был прилавок со стеклянным коробом, в котором в прежние времена хранились, вероятно, печенье, сахар и сласти, а теперь, в трудную военную пору, сиротливо лежала жалкая кучка слипшегося зеленого монпансье.

Под стать чайхане был ее заведующий — аккуратный старичок в чистом белом фартуке. Мельком взглянув на посетителя, он нацедил стакан чаю, кинул на блюдечко несколько конфеток. Все было сделано быстро, ловко. Седобородый еще только занимал место у окна, а чай уже стоял на столике.

— Салам алейкум, — сказал посетитель, кивком поблагодарив за чай.

— Алейкум салам. — Чайханщик с достоинством поклонился, смахнул полотенцем крошки со стола и ушел к себе в угол.

Старик придвинул стакан и принялся за чай. Сделав несколько глотков, достал из кармана газету и углубился в чтение.

Скоро чай был выпит. Посетитель поднял голову и сделал чайханщику знак принести еще. Когда тот поставил на стол новый стакан, клиент был поглощен чтением. Он взволнованно цокал, качал головой, явно заинтересованный какой-то заметкой. Чайханщик проследил за

пальцем, которым старик водил по газетным строкам, усмехнулся.

— Ну, что скажете? — воскликнул он. — Обокрал квартиру, хозяйку чуть не задушил. Хорошо, поймали негодяя. Война, а он, сын собаки, чем занимается! Расстреливать надо таких.

— Да-а, — протянул старик, — поймали. Сейчас много краж. Вот, шел по улице, встретил знакомого. Рассказывает: вчера в трамвае бумажник у пассажира вытащили.

— Было такое дело, — сказал чайханщик. — Сам видел.

— Сам видел? — недоверчиво переспросил Седобородый.

Чайханщик приподнял на окне занавеску, кивнул на здание милиции.

— Туда вора привели. Вчера там сидел.

— Сидел? А сейчас?..

— Бежал. — Чайханщик вздохнул, скорбно поджал губы. — Бежал, джанум, как джейран мчался по улице. Ночью это было. Стреляли.

— Попали?

— Какие тут стрелки, джанум! Всех порядочных на фронт отправили. Здесь калеки остались. Третий сорт.

Чайханщик хотел сказать еще что-то, но из-за прилавка вылез мальчик.

— Дядя, — сказал мальчик, — почему ты...

— Убирайся, — с неожиданной резкостью прервал его чайханщик. — Убирайся отсюда, сын шакала и гиены!

— Но, дядя! — Мальчик (ему было лет десять) прижал руки к груди, весь подался вперед. — Я хочу, чтобы...

— Кому я сказал! — Чайханщик, не на шутку рассерженный, замахнулся полотенцем.

Мальчик смолк и растерянно отошел в сторону. Заведующий чайханой обернулся к посетителю, улыбнулся.

— Так вот, уважаемый гость, и сбежал этот ублюдок. Сбежал и всех оставил в дураках.

Старика вдруг охватила тревога. Она была очень смутной, агент не знал еще, откуда идет опасность, но отчетливо ее ощущал. Надо было уходить. Он встал, будто отыскивая что-то в кармане.

— Табак, — сказал он в ответ на вопросительный взгляд чайханщика. — Забыл дома кисет.

Заведующий чайханой вытащил и раскрыл большую жестяную коробку. В ней желтел табак.

— Пожалуйста, джанум, гвардейский табачок, достал сегодня целую пачку.

— Нет, — качнул головой Седобородый, — курю только махорку. Легкий табак нутро не принимает. Эй, сынок, — кликнул он мальчика, — за углом, я видел, махорку продавали, сбегай, а?

И он протянул ребенку деньги. Тот взял их и выбежал на улицу.

Чайханщик и посетитель поговорили еще минуты две. Потом Седобородый взглянул на часы, заторопился. Объяснив, что опаздывает, он расплатился и вышел. Стараясь не спешить, старик двинулся в ту же сторону, куда побежал мальчик.

Вот и угол. Мальчишка должен быть где-то

здесь. Так и есть, Седобородый увидел его возвращающимся без покупки.

— Дядя, — сказал мальчик, — я нигде...

— Ничего, ничего, — ласково сказал Седобородый. — Нет махорки — и ладно, потерплю. Деньги оставь себе — в кино сходишь... Ты, кстати, что-то хотел рассказать там, в чайхане?

— Да.

— Так, говори, говори, милый. — Он погладил ребенка по голове. — Говори, мой хороший.

— Почему это он так... про милицию? — Мальчик нахмурился, стиснул кулачки. — Поймали же вора!

У Седобородого стало сухо во рту. Он побледнел и вынужден был опереться на плечо ребенка.

— Не убежал? — прошептал он.

— Что вы, дядя! Один лейтенант ка-ак дал из пистолета!..

— Убил?

— В ногу попал. Ранил. Тут другие прибежали, схватили... А я, понимаете, только услышал...

— Хорошо, хорошо, сынок. — Старик вновь ласково провел рукой по волосам ребенка. — Я тороплюсь, дел у меня много. Иди и ты.

И он двинулся по улице, едва сдерживаясь, чтобы не побежать — так велик был охвативший его страх.

2

Коротко прозвонил телефон. Полковник Азизов снял трубку. Говорил начальник отделения милиции Широков. Он сообщил о посетителе

чайханы, расположенной по соседству с отделением. Чайханщик знал, как надо отвечать тем, кто заинтересовался бы вчерашним происшествием. Но все дело испортил мальчик, племянник чайханщика. Ребенок вступился за честь милиции, и посетитель, видимо, почуяв неладное, успел уйти.

Азизов спросил:

— Старик? Синий костюм, коричневая па- паха?

— Старик, но не в костюме, а в светлой ту- журке и в фуражке.

— Что предприняли?

— Все приведено в действие, товарищ пол- ковник. Ищем.

Азизов положил трубку.

В кабинет вошел Семин.

— Закончили обыск, товарищ полковник. Безрезультатно, за исключением этого. — Он по- ложил на стол большой конверт.

Азизов извлек из него сложенную вчетверо газету, развернул и увидел на полях колонку цифр.

— Думаете, шифровано?

— Возможно.

Полковник позвонил. Вошел секретарь.

— В лабораторию. — Азизов кивком указал на газету. — В лабораторию и на дешифровку. Попросите, чтобы поторопились.

Секретарь взял конверт с газетой и вышел. Семин сказал:

— Установлено, что вчера на дом к Шуко приходили.

— После того, как он был арестован?

— Да, тотчас же после этого. Старик. Квар-

тирная хозяйка впустила его в комнату жильца. Он возился там с четверть часа, писал Щуко записку. Но записки не оставил, передумал. Сказал, что зайдет позже, вечером.

— И не появился?

— Нет. Полагаю, Седобородый.

— Обратите внимание на такую деталь: старик пришел тотчас же после ареста Щуко. Сразу после ареста. Почему?

— Он мог рассуждать так. Щуко арестован, но допросить его еще не успели. Следовательно, сейчас не приходится ждать обыска квартиры. Туда можно идти, не рискуя напороться на оперативников.

Азизов согласно кивнул.

— Просто поразительно, как этот Седобородый заинтересован в Щуко, — пробормотал он. — Вот послушайте.

И Азизов рассказал помощнику об эпизоде в чайхане.

Семин сказал:

— Приходил проверять.

— То-то и оно. — Азизов поморщился, тряхнул головой. — А мы такой возможности не учли. Готовились встретить в доме Щуко, а он появился возле отделения.

...Вечером лаборатория прислала заключение. На газете были обнаружены следы пальцев. Их сличили с дактилоскопическими отпечатками арестованного Щуко. Они не сошлись. Лаборатория исследовала записи на полях газеты. Цифры были написаны короткими, отрывистыми движениями пера. Эксперты сличили их

с почерком Щуко, но к единому мнению не пришли — материала для графической экспертизы было маловато.

Несколько позже поступили данные от дешифровальщиков. Запись и в самом деле оказалась шифрованной. Ее разгадали без особого труда. Текст гласил: «Прибыл благополучно. Жду посыльного с грузом».

— С грузом, — задумчиво повторил Азизов. Внезапно он встал, повысил голос: — А не думаете ли вы, майор, что вся эта история с найденной газетой и шифрованным текстом — чепуха? Да, да — чепуха и ничего больше. Он-то думал, что скушаем и это.

— Он?

— Седобородый.

— Полагаете, газета его?

— Сегодня я вновь внимательно изучил донесения сотрудников, которые сопровождали Щуко от места, где он приземлился на парашюте, до нашего города. Прочтите на досуге, интересно. Щуко раза три мастерски околпачил офицеров на контрольно-пропускных пунктах. А они народ бывалый, много видели. И вот сейчас меня хотят уверить в том, что этот опытный агент сунул себе в чемодан газету с шифрованным текстом. Какая чепуха!

— И ведь зашифровано-то не так, чтобы очень уж ловко, — задумчиво проговорил Семин. — Чтобы мы не слишком трудились...

Через день полковник Азизов и майор Семин направились в больницу, где лежал арестованный Щуко. Оба были в белых халатах. Азизов шел, заложив руки за спину. Семин нес большой портфель свиной кожи.

Войдя в палату, Азизов огляделся. Чистенькая, с ковриком у кровати и тумбочкой, она бы ничем не отличалась от помещений для больных в обычных лечебных учреждениях, если бы не часовая у двери и другой — за окном.

Полковник придвинул к кровати табурет, сел. Семин устроился рядом, неторопливо отщелкнул замки портфеля.

— Приступим, — сказал Азизов. — Арестованный Щуко, мы пришли допросить вас. Задаю первый вопрос...

Щуко шевельнулся в кровати, приподнялся на локте.

— Но меня уже допрашивали. Я все сказал.

— Задаю вам вопрос, — повторил Азизов. — Скажите, арестованный Щуко, есть ли у вас враг в Баку? — Он усмехнулся. — Конечно мы с майором и те, что арестовали вас, а потом поймали при попытке к бегству, — все мы не в счет. Личный, так сказать, враг у вас имеется?

— Нет. — Арестованный закрыл глаза, откинулся на подушку. — Никаких врагов у меня нет. И оставьте меня в покое. Я признался, подписал, что требовалось. Судите — воля ваша, наказывайте по закону.

— За воровство? Точнее, за мелкую карманную кражу? — В голосе Азизова звучала такая откровенная ирония, что Щуко смолк и напряженно поджал губы.

— Хочу предупредить, — продолжал Азизов. — Вас допрашивает полковник государственной безопасности.

Арестованный молчал. Он лежал неподвижно, с закрытыми глазами, и только его большой

кадык пульсировал под тонкой кожей, будто Щуко хотел проглотить что-то и не мог.

— Значит, непонятно, — резюмировал Азизов. — А раз так, надо пояснить. Вас встречали, когда вы изволили выпрыгнуть на парашюте и приземлялись.

Азизов взял у Семина пачку фотографий, стал перебирать их.

— Пожалуйста. Вот — вы приземляетесь... А это — закапываете парашют... Еще фото: садитесь в поезд, и у вас проверяют документы... А это вы уже в Баку.

Разговаривая, Азизов одну за другой передавал Щуко фотографии. Тот молча рассматривал их.

— Некоторые фотографии заставили нас потрудиться — было темновато. Но ради вас постарались — как видите, снимки получились неплохие.

Азизов собрал карточки, отбросил в сторону.

— Ну, рассказывайте.

Щуко с усилием повернулся в кровати.

— Я вас не понимаю, гражданин начальник. Путаєте вы что-то. Пришить мне дело хотите. А не выйдет.

— Рассказывайте, — повторил Азизов, не меняя ровного, спокойного тона.

— Вор я, — сказал Щуко. — Вор, понимаете? И точка.

— Точку успеем поставить, — с угрозой проговорил Азизов. Он взял у Семина конверт. — Сообщаю, что в вашей комнате, той самой, которую вы снимали у вдовы Суховой... Так, кажется, ее фамилия?

— Сухова, — кивнул Семин.

— Так вот, в этой квартире, в вашей комнате был произведен обыск. И в принадлежащем вам чемодане найдена газета.

Щуко пожал плечами.

— Возможно. Человек я грамотный, газеты почитываю. Даже книжками балуюсь.

— Но на газете шифрованная запись!

Щуко удивленно шевельнулся, и это не укрылось от следователей.

— Запись, — повторил Азизов, — вот поглядите.

Он развернул газету, показал арестованному.

— Не моя, — быстро сказал Щуко. — Первый раз ее вижу. И писал не я. Проверьте почерк — не я.

Азизов, словно не слыша, продолжал:

— Запись расшифровали. Она гласит: «Прибыл благополучно. Жду посыльного с грузом». Вот, можете поглядеть сами. Это — запись, а это — ключ к шифру. Так-то, арестованный Щуко.

— Гражданин следователь, — Щуко сел в кровати, схватился за голову, — правду вам говорю: в глаза не видел этой газеты!

— Зачем пожаловали?

Арестованный смолк.

В дверь постучали. Азизов недовольно обернулся. Семин встал и отпер. Минуту он слушал кого-то, стоявшего за дверью, затем вернулся.

— Вас, товарищ полковник, — сказал он.

Азизов вышел. В коридоре стоял сотрудник.

— Товарищ полковник, только что сообщили: в маленьком селении, вот здесь, — сотрудник развернул карту и показал, — обнаружен труп

старика. Умер дома. Внезапная смерть. Кажется, сердце. При осмотре помещения наткнулись на ход в подполье. Там нащупали тайничок и в нем — приемно-передающую радиостанцию большого радиуса действия. Питание подключено — недавно пользовались. Старик был...

Азизов прервал сотрудника:

— Вызывайте машину. И звоните, чтобы ничего не трогали. Пошлите на место экспертов, фотографа. Мы выезжаем.

Он вернулся в палату, задал арестованному еще несколько вопросов. Не получив на них ответа, прекратил допрос.

Десять минут спустя Азизов и Семин мчались в автомобиле к маленькому селению на берегу моря.

3

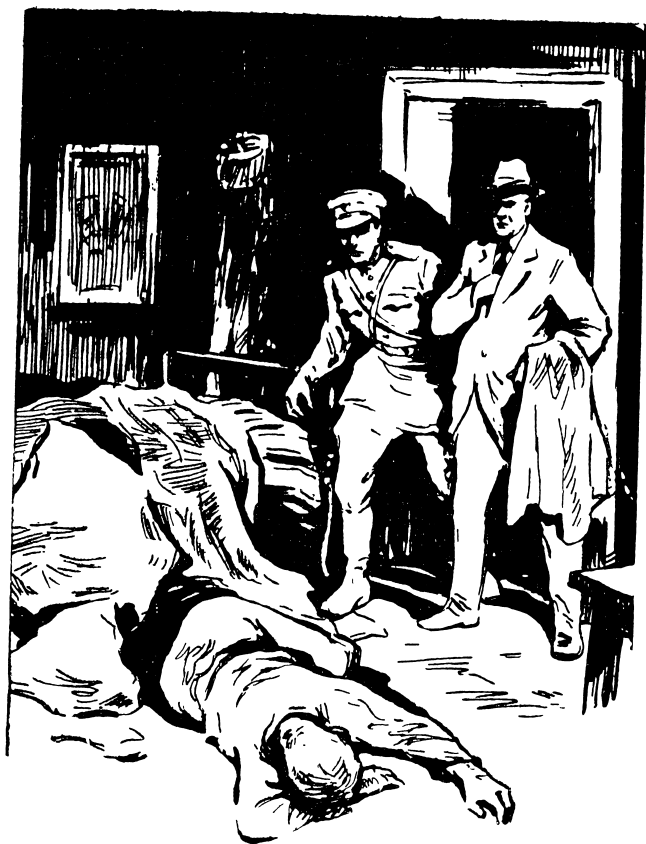
Умерший лежал ничком на полу, выбросив руку и подогнув ногу — будто полз. Он был в нижнем белье. Кровать находилась в сильном беспорядке — тюфяк съехал набок, обнажив часть ржавой сетки, простыня и одеяло были скомканы, подушка валялась на полу.

Все это тотчас же отметили Азизов и Семин. Они внимательно оглядели комнату, прошли по ней, осмотрели запоры на окнах.

— Когда наступила смерть? — спросил полковник дежурившего в помещении сотрудника.

— Труп обнаружили в начале восьмого утра. У соседей есть корова, и старик ежедневно брал молоко. Приносила его девочка, соседская дочка. Она пришла и сегодня...

— Понятно, — перебил Азизов. — Как обнаружили рацию?

— Врачу, который прибыл констатировать смерть, показалось странным: на столе раскрытый коран, рядом лист бумаги с группой цифр. Война, люди насторожены, вот он и дал знать милиции. Оттуда приехали, вызвали специалистов...

— Кораном пользовались, чтобы зашифровать сообщение?

— Так точно. Видимо, старик работал, почувствовал себя плохо, прилег; ему стало хуже, пополз к окну. Не добрался...

— Причина смерти?

— Паралич сердца... Так вот, обнаружив шифровку, стали искать средства связи. Тогда-то и нащупали лаз в подполье и тайничок.

Азизов не дослушал. Семин, разглядывавший что-то в углу, обернулся, кивком подозвал начальника. Полковник подошел и увидел на вешалке каракулевую папаху.

— Коричневая, — сказал Семин.

Азизов кивнул.

— А... синий костюм? — Он беспокойно оглянулся.

Семин прошел к гардеробу, который находился в противоположном конце комнаты, отпер дверцу.

— Есть?

— Есть.

— Карманы! — сказал Азизов.

Семин обыскал одежду. Из внутреннего кармана висевшей на спинке стула тужурки он извлек и передал полковнику желтый замшевый бумажник.

Азизов облегченно вздохнул.

— Хорошо, — сказал он. — Распорядитесь,

чтобы сюда для опознания трупа были доставлены вдова Сухова и заведующий чайханой.

— Ясно. — Семин вышел.

Азизов подошел к подоконнику, уселся, достал папиросы и закурил. Несколько минут он находился в раздумье, вертя в руках обожженную спичку, потом, видимо, приняв решение, позвонил сотруднику.

— Фотограф?

— На месте, товарищ полковник.

— Слушайте внимательно... лучше запишите, это очень важно. Значит так: наденьте на покойника сорочку, синий шевиотовый костюм, что висит в шкафу, и вон ту папаху, на вешалке, видите?.. Затем посадите его на стул и сфотографируйте. С нескольких ракурсов. Он должен быть как живой. Пусть снимок подретушируют, но чтобы все получилось как надо.

— Понятно, товарищ полковник.

Азизов поглядел на часы.

— Потом положите покойника на пол, в прежней позе. Снимки жду в два часа дня.

— Ясно. — Сотрудник торопливо заканчивал запись.

В середине дня Азизов и Семин вновь отправились в больницу.

Азизов продолжал допрос:

— Арестованный Щуко, занимаясь вашим делом, я не раз спрашивал себя: почему кому-то вздумалось пристать к вам в трамвае, обвинить в краже, поднять скандал, вызвать милицию?

— Но я же вытащил бумажник!

— На минуту согласимся с этим. Допустим, что вы говорите правду и действительно совер-

шили кражу. Но вот ведь как странно ведет себя потерпевший. То он вопит на весь трамвай и, вцепившись в вас, тащит в милицию, то вдруг исчезает, когда вас арестовывают. Чем вы объясните, что потерпевший не явился в отделение милиции?

— Не знаю.

Азизов вынул только что доставленную фотографию Седобородого, протянул арестованному.

— Он?

— Да, — сказал Шуко, — это тот самый человек, у которого я стащил бумажник.

— Рад, что узнали его. А теперь не хотите ли, чтобы я объяснил, почему он сбежал?

Шуко молчал.

Азизов переглянулся с Семиным. Тот достал из портфеля фотографии десятка мужчин, разложил в ряд на двух сдвинутых перед кроватью табуретах, прошел к двери.

— Введите гражданку Сухова.

В комнату вошла квартирная хозяйка Шуко.

— Вы знаете эту женщину? — спросил Азизов.

— Да.

— Вы снимали у нее комнату?

— Да.

— Ну, а вы, гражданка Сухова? Знаком вам этот человек?

Сухова подтвердила: это тот самый гражданин, который временно у нее поселился.

— Скажите, гражданка Сухова, к вам приходили в тот день, когда вы последний раз видели своего жильца?

— Ко мне — нет.
— А к кому?
— К нему. — Сухова показала пальцем на лежащего.

— Кто именно приходил?
— Старик какой-то.
— Когда?
— Утром. Часов в одиннадцать.
— Заметьте, Щуко. — Азизов сделал паузу. — Приходил в одиннадцать часов, то есть тотчас же после того, как вас отправили в отделение. — Он вновь обратился к женщине: — И что же произошло дальше?

— Старик попросился в комнату жильца, сказал, что должен написать записку своему другу. Ну, я и впустила...

— Впустили куда? Говорите точнее.

— Впустила того старика в комнату гражданина Щуко.

— Давайте уточним: старик сам просился в комнату Щуко?

— Сам... Ну, вошел он, сел за стол, принялся писать. А потом передумал...

— Простите, что перебиваю. Вы все время были с тем стариком? Быть может, отлучались?

— Каша у меня чуть не сгорела. Я и сбегала на минутку — прикротить газ.

— Выходит, старик в течение минуты один находился в комнате гражданина Щуко?

— Да, не меньше минуты.

— Вы слышите, арестованный Щуко? Старик был один в вашей комнате — целую минуту.

— А потом он ушел, — продолжала Сухова. — Сказал, что после зайдет.

— И не приходил?

— Нет.

— Какой он из себя, этот старик?

— Обыкновенно, какой. Старый. Ну, папаха коричневого каракуля, костюм...

— Узнали бы его, если б встретили?

— Отчего не узнать.

Семин, стоявший перед табуретами с разложенными фотографиями, посторонился, указал Суховой на карточки.

— Нет ли здесь, среди этих снимков, карточки того старика?

— Вот он. — Сухова кивнула на одну из фотографий.

— Возьмите эту карточку в руки и покажите вашему квартиранту.

Женщина подняла с табурета фотографию Седобородого.

— Спасибо, — сказал Азизов. — Вы свободны, гражданин Сухова.

Семин вышел проводить женщину, вернулся, подсел к кровати.

Азизов сказал:

— Теперь, Щуко, вы, я надеюсь, поняли, почему этот человек не явился в отделение милиции. Все еще не понимаете? Тогда объясню. Он торопился в вашу комнату, чтобы успеть подбросить в ваш чемодан вот эту газету с шифрованной записью.

— Почему? — вдруг выкрикнул Щуко, приподнявшись на локтях, побагровев от напряжения. — Почему?!

Азизов пожал плечами.

— Потому что он такой же агент иностранной разведки. И — выдал вас. Сначала инсценировал кражу в трамвае, поднял скандал и до-

бился того, что вас схватили. Затем пробрался к вам на квартиру и подбросил газету. Расчет простой. Раз вас задержали — будет обыск. Тогда найдут газету с шифрованной записью. Запись расшифруют, органы советской контрразведки поймут, с кем имеют дело. И уничтожат агента. То есть — вас.

Арестованный криво усмехнулся.

— Грубо работаете, гражданин следователь. Старуху купили. Этого седого — тоже. И газету подбросили. Липа, начальнички. Липуете, полковник. А я не серый, на липу меня не возьмешь.

— Липа, говорите? — Азизов встал. — Майор Семин, вызывайте машину. — Он обернулся к Шуко. — Готовьтесь, сейчас поедem.

Шуко прищурил глаза.

— Начальничек нервничает... Уж не к старичку ли везете? — Он указал подбородком на фотографию Седобородого.

— К нему самому. Только вряд ли это доставит вам удовольствие...

4

Машина полковника Азизова второй раз за день проделала путь от Баку до селения на берегу моря. Шофер с конвоиром подхватили Шуко и понесли в комнату.

Там все оставалось без изменений. Только труп, лежащий на полу, был покрыт простыней.

Арестованного усадили, подставили под больную ногу скамеечку. По знаку Азизова простыню сняли и перевернули труп лицом вверх.

Шуко вскрикнул.

— Узнали, стало быть, — сказал Семин.

Полковник Азизов подозвал сотрудника:

— Принесите все, что нашли в тайнике.

Сотрудник внес в комнату узел, поставил на стол, распаковал. Там оказалось два металлических ящика с переключателями и шкалами.

— Глядите, Шуко, — сказал Азизов, — это передатчик. А ящик поменьше — батареи к нему. Видите, провода соединены? Значит, питание подключено.

Азизов повернул рычажок. Щелкнул фиксатор, осветилась шкала настройки рации. Вскоре в наушниках послышалось легкое потрескивание.

— Все в порядке, работает. — Азизов поднес наушники к Шуко, дал послушать и выключил передатчик. — Позавчера хозяин этой рации передал вас в руки советской контрразведки, затем побывал в вашей квартире и подбросил газету с шифром. Он вернулся сюда уверенный, что вам теперь крышка. Вернулся и включил этот передатчик. В эфир пошло сообщение о том, что вас больше не существует. Так сказать, поручение выполнено. Чье поручение, Шуко? Очевидно, поручение ваших хозяев. Кто же еще мог навести на вас этого старика!

Шуко сидел, сгорбившись, не отрывая глаз от какой-то точки в стене. Он молчал. Ему не мешали. Так прошло несколько минут. Наконец, он поднял голову.

— Уведите меня отсюда, — попросил он.

Вечером к Азизову явился майор Семин. Он доложил: из больницы передали, что арестованный Шуко просит прийти полковника Азизова.

— Не выдержал, — усмехнувшись, проговорил Семин.

Азизов пожал плечами.

— Он не дурак и не хочет лишить себя последнего шанса.

...Наутро Азизов и Семин направились к арестованному. Увидев их, Щуко приподнялся в постели.

— У меня вчера сломали кость ноги, гражданин следовательно, — сказал он.

Азизов, опешив, смотрел на арестованного. Семин, повернулся к двери, собираясь идти за врачом.

— Подождите, — остановил его Щуко, — вы не так поняли... Кость сломали врачи — рентген показал, что она стала неправильно срастаться. Сломали — потом соединили, как надо, — и снова в гипс.

Щуко откинул край одеяла и показал свежий гипсовый футляр, в котором покоилась нога.

Семин опустился на табурет. Азизов сунул руку в карман за папиросами.

— Так что вы хотите? — спросил он раздраженно.

— Я... — Щуко взволнованно облизнул губы. — Раз врачи меня так... Даже рентген...

— Короче!

— Меня, значит, не расстреляют? — Шуко затаил дыхание, широко раскрытыми глазами впился в лицо Азизова.

— Этого я не знаю, арестованный Шуко, — сказал полковник. — Вашу судьбу будет решать суд. Видите ли, шпион, пойманный с поличным в военное время...

— Делаются же исключения!

— Исключения бывают. Но вы должны знать, что для этого нужны очень веские основания. Конечно, если человек чистосердечно признался и, кроме того, сообщил интересный материал...

— Я расскажу все, что знаю!

— Словом, — продолжал Азизов, — если материалы следствия могут помочь советскому командованию, тогда, конечно, следствие имеет право возбудить ходатайство. Вы понимаете меня?

— Да, да, гражданин следователь, — Шуко говорил торопливо, нервно. — Спрашивайте, и я буду отвечать. Я верю вам, вы...

— Бросьте кривляться, — оборвал его Азизов. — Говорите, если у вас действительно есть что сказать.

— Спрашивайте, гражданин следователь. Я на все отвечу.

— Прежде всего фамилия, — сказал Семин. — Ваша настоящая фамилия?

— Отто Лисс.

— Других фамилий нет?

— Только эта и... Шуко.

— Немец?

— Да.

— Где проходили подготовку?

— Гамбург. Точнее, не Гамбург, а городок несколько выше по течению Эльбы.

— Какой?

— Остбург. Собственно, не сам Остбург, а усадьба близ него. Километров десять к юго-западу.

Отто Лисс подробно рассказал о школе, в которой проходил подготовку, о ее руководителях, о полученном задании. Он должен был организовывать диверсии на промышленных предприятиях, в частности вывести из строя крупнейший нефтеперерабатывающий завод. Лиссу были сообщены адреса двух явок. Однако обе явки оказались проваленными. Агенту едва удалось установить это и благополучно уйти.

Азизов усмехнулся.

— За вами же наблюдали, Лисс. И о школе в Остбурге мы кое-что знаем. Словом, пока вы не сообщили ничего нового.

Лисс молчал.

— Почему вас не снабдили взрывчаткой?

— Должны прислать. Было условлено, что как только устроюсь, свяжусь...

— Чепуха. — Азизов встал. — У вас же не было передатчика.

— Он имелся на явке.

— Быть может, у Седобородого?

— Нет, об этом человеке я никогда ничего не слышал. Я говорю правду, гражданин следователь.

— А он, Седобородый, знал вас и притом великолепно. Почему?

— Думаете, предал меня по заданию... отсюда?

— Вы и сами так думаете.

— Меня забрасывали дважды — во Францию и в Польшу, и оба раза удачно. — Лисс потерял лоб. — И вот теперь... Нет, ничего не понимаю! Неужели то, что вы говорите, правда? Не могу поверить...

— Да. Вас предали свои же.

— Тогда, тогда... — Лисс вдруг напрягся, вцепился руками в край одеяла. — Я раскрою вам одну тайну. Это очень важно. Я узнал о ней совершенно случайно!..

РАССКАЗ ОТТО ЛИССА

Как я уже говорил, подготовку к выполнению задания проходил в Остбурге. Подробности вам известны. Когда все было закончено, я получил несколько свободных дней. Затем меня должен был забрать специальный самолет.

Днем я не показывался в городе, вечером же это разрешалось. С наступлением темноты я отправлялся куда-нибудь в порт. Там много кабачков, где можно приятно провести время.

В последний перед вылетом вечер я приехал в порт в обычное время. И нос к носу столкнулся с человеком, которого знал еще в молодости, но давно потерял из виду. То был Карл Брейер, довольно видный член НСДАП, в прошлом крейслейтер¹ одного из районов Тюрингии, затем руководитель какого-то отдела в кри-

---

¹ Крейслейтер — руководитель местной организации фашистской партии.

по¹, а сейчас, как я узнал, штандартенфюрер² СС и сотрудник СД³.

Мы никогда не питали друг к другу особых симпатий. Но так бывает — два земляка, встретившись в чужом городе, всегда испытывают чувство близости. А я, да и он не имели в Остбурге знакомых.

Спустя полчаса мы сидели в ночном кабаке. Бренчал пианист. Несколько пар танцевали. Мы выпили. Я посоветовал спутнику отыскать себе девицу и тоже стать в круг. Он молча указал на свою левую руку. Тут я заметил, что она странно неподвижна.

«Ушиб, — пояснил он, — сильный ушиб. Словом, не до танцев».

Я вопросительно на него поглядел, но он ничего больше не сказал.

Впрочем, скоро он стал более разговорчив. В кабаке оказался отличный ром и бенедиктин, мы порядочно выпили, и Брейер стал хвастать своими делами. Он ткнул себя пальцем в грудь, на которой болтался новенький «Железный крест», и заявил, что третьего дня получил его лично из рук рейсхфюрера СС Генриха Гиммлера.

«За что?» — спросил я.

Брейер хитро ухмыльнулся.

«Видишь ли, причин много. Но главная — это операция с архивами».

Я недоуменно пожал плечами, не понимая, о

---

¹ К р и п о — уголовная полиция в гитлеровской Германии.

² Ш т а н д а р т е н ф ю р е р — чин в учреждениях СС, соответствует полковнику.

³ С Д — служба безопасности в гитлеровской Германии.

чем идет речь. Он пояснил: в западных районах Советского Союза, так же как в Польше, Чехословакии и других странах, оккупированных вермахтом, были созданы многочисленные отделы и отделения гестапо, абвера и СД. За время оккупации в них накопилось большое количество архивов. Ценность этих архивов огромна. Когда началась эвакуация на запад, поступило строжайшее предписание — архивы вывезти на территорию рейха и сохранить в специально оборудованных тайниках.

«И эту операцию проводил ты?»

«Не всю... — Брейер замялся. — Словом, я вывез большой транспорт архивов из группы городов России».

«Ну, а рука? — не унимался я. — При чем здесь рука?»

Брейер не ответил.

Время бежало. Было уже далеко за полночь, а мы все пили. О поврежденной руке Брейера я больше не спрашивал — мне, собственно, это было ни к чему. Пил и чувствовал себя великолепно. Я полагал, что и он не думает ни о чем, кроме вина. Однако ошибся. Брейер, окончательно опьяневший, вдруг наклонился ко мне, обнял за плечи, зашептал:

«Верись, я чуть было не погиб... Представь, кругом вода, чувствую, что захлебываюсь, тону, и ничего не могу поделать, чтобы спастись»...

«Но ты же цел и невредим», — сказал я.

Брейер кивнул, налил себе полную рюмку, выпил.

«Цел, конечно, — сказал он, — но это происшествие обошлось мне недешево. Вообрази: ты в подземном хранилище, куда сложили эти са-

мые архивы; идут последние работы по укладке в штабеля больших, наглухо запаянных металлических ящиков; привозят новую партию груза в обычной упаковке — дерево и бумага, его надо переложить в металлическую тару... И вдруг — грохот, крики! Старая Эльба сыграла с нами шутку — воды ее протаранили стальную стену, ограждавшую хранилище с запада, и устремились к ящикам. Тогда-то я и заорал. Я был вне себя от страха. Вспоминаю об этом — и по спине ползет холодок. Ведь, если бы вода уничтожила архивы, кто-нибудь из помощников Гимmlера, присутствовавших в хранилище, разрядил бы в меня свой пистолет. Почти не соображая, я кинулся в воду и, напрягая все силы, стал вытаскивать ящики, которые только что принесли. А их уже заливали темные пенные струи... Там я и повредил руку».

Брейер еще долго рассказывал о происшествии, приводил многочисленные подробности. Сболтнул он и о месте, где устроен тайник. Вы помните, Брейер говорил: «Воды протаранили стальную стену, ограждавшую хранилище с запада». Так вот, это почти на десять километров западнее Остбурга. Там лес, берег Эльбы.

ГЛАВА ПЯТАЯ

1

На рассвете с одного из подмосковных аэродромов поднялся транспортный самолет, имея на борту двух пассажиров. Один был полковник Рыбин, другой — его помощник майор Керимов.

В тот год, когда Аскер Керимов закончил среднюю школу, ему не было еще семнадцати лет. Свой дальнейший путь он определил твердо: учеба в индустриальном институте, диплом химика. Кроме того, он будет продолжать совершенствоваться в немецком языке, который изучал с детства.

И вдруг — крутой поворот в жизни. Он получил повестку из военкомата. Прибыл по вызову. Его принял подполковник — Аскер и сейчас помнит его волнистые черные волосы, контрастирующие с ними голубые глаза, высокий с залысинами лоб. Подполковник оказался не военкомом, а представителем органов госбезопасности. Аскеру было сделано предложение поступить в одно из специальных училищ. Он был озадачен. Стать чекистом? Он ведь ничего не умеет! Подполковник усмехнулся и пояснил, что чекистами не рождаются — их воспитывают, долго и тщательно готовят.

К своему удивлению, Аскер обнаружил, что собеседник многое знает о нем — о его страсти к языкам, об увлечении футболом, даже о прыжке на парашюте с самолета, который Аскер совершил год назад. «Но главное, — сказал подполковник, — что серьезен, честен, хорошо учился. — Он помолчал. — Ведь твой отец один из тех, кто устанавливал советскую власть на Кавказе. Так кому же защищать эту власть, как не его сыну!»

Войну Аскер встретил лейтенантом, сотрудником органов госбезопасности в Баку. Затем — Москва, работа по переводам и дешифровке трофейных документов. Рапорты с настойчивой просьбой отправить на фронт. И, наконец —

служба в армейской контрразведке и разведке.

Новая работа позволила Аскеру хорошо изучить повадки врага. Во время одной из вылазок в ближний тыл гитлеровцев Аскер попал к партизанам. Там оказался пленный офицер СС. Возникла мысль — воспользоваться документами эсэсовца. И Керимов был заброшен в глубокий тыл противника. Трудная операция прошла успешно. Добытые сведения помогли обезвредить группу вражеской агентуры, орудовавшую в Советском Союзе.

...Сейчас Аскер вновь служил в Москве. Полковник Рыбин и он летели в Баку, чтобы на месте разобраться в некоторых вопросах, связанных с показаниями агента Отто Лисса о тайнике с архивами германской секретной службы.

Рыбин и Керимов расположились на узенькой алюминиевой лавочке, привинченной к полу кабины.

— Вздремнем, майор, — сказал полковник Рыбин. Он привалился к борту кабины, поднял воротник пальто, надвинул на лоб шапку, глубоко засунул руки в карманы — было холодно.

Рыбин был намного старше Керимова по возрасту и стажу работы в органах государственной безопасности. В памятные январские дни 1924 года, когда страна хоронила Ленина, вагоновожатый московского трамвая Орест Рыбин явился в партийную ячейку депо и положил на стол секретаря исписанный лист бумаги.

Секретарь прочитал его и молча спрятал в папку, лежавшую на краю стола. Рыбин успел заметить, что в папке уже скопилось немало бу-

маг, и каждая, как и принесенная им, начиналась со слова «заявление».

«Ну, как? — сказал он, наклоняясь к секретарю. — Примут меня?»

«Обсудим».

«Нет, ты сейчас говори. — Рыбин зашел за стол, оперся на него руками. — Я теперь же знать должен».

«Обсудим», — повторил секретарь.

Секретарь и Рыбин работали в одной бригаде. Здесь же, в депо, трудились отец и старший брат Ореста. Секретарь хорошо знал всех троих, а со старым слесарем Иваном Рыбиным был в давних приятельских отношениях. Он был уверен: семья Рыбиных — это надежные люди, настоящая рабочая косточка. На них можно положиться. Но сейчас он как-то по-новому смотрел на стоявшего перед ним юношу. Большие голубые глаза, в которых всегда жила лукавая смешинка (Рыбин слыл в депо первым весельчаком и острословом), теперь суровы, в них застыли и скорбь и немой вопрос; губы сжаты так, что побелели; шея, плечи, руки напряжены.

«Волнуешься?» — сказал секретарь.

«Да ответь же, — не выдержал Рыбин. — Не томи!»

«Ладно. — Секретарь помедлил. — Думаю, примем».

«Тогда — вот. — Рыбин полез за пазуху, вынул вторую бумагу. — Я ведь не только в партию хочу. В партию — главное. И это... главное!»

В новом заявлении Орест Рыбин просил партийную организацию направить его на работу в органы ОГПУ, чтобы, как он выражался, «не

давать спуску контре, давить гадов, из-за которых погиб товарищ Ленин и которые замахиваются на всю советскую власть».

Так было в тот памятный год. Двадцать лет службы в органах государственной безопасности, — и сейчас полковник Рыбин по праву считался одним из лучших офицеров управления.

— Ну, вздремнем малость, — повторил он, пытаясь лучше устроиться на жестком сиденье.

— Попробуем, — отозвался Аскер.

— Впрочем, я бы прежде чего-нибудь пожевал, — проговорил Рыбин. — Есть хочется отчаянно. Ты как на этот счет?

— Говоря по чести, мне тоже.

Вчера чекисты закончили свой рабочий день во втором часу ночи, и тогда выяснилось, что надо срочно лететь в Баку. Руководство управления заинтересовалось показаниями Лисса, кое-какие данные свидетельствовали о том, что он мог сказать правду. Надо было срочно допросить агента, изучить его показания, сопоставить их с имеющимися сведениями, перекрыть материалами из других источников.

— Поезжайте, — сказали Рыбину и Керимову, — поезжайте и подумайте на месте. О многом вы осведомлены лучше, чем местные товарищи, сможете помочь полковнику Азизову. Машина уже заказана и ждет. Выезд на аэродром немедленно.

Так случилось, что Рыбин и Керимов отправились в путь, не поужинав.

Аскер распаковал небольшой сверток. В нем оказался хлеб и несколько кружочков копченой колбасы — все, что удалось захватить. Офицеры поели...

Истекал третий час полета. Машина уже миновала Сталинград и взяла курс на Астрахань, когда в пассажирскую кабину вошел радист. Он был озадачен, молча протянул Рыбину радиogramму.

Полковник прочитал:

КОМАНДИРОВКА ОТМЕНЯЕТСЯ тчк НЕМЕДЛЕННО
ВОЗВРАЩАЙТЕСЬ

Л Ы К О В

2

Отправив радиogramму, генерал Лыков поднял трубку телефона, стоявшего поодаль от других аппаратов.

— Слушаю, — раздалось в трубке.

— Докладываю: полковника Рыбина и майора Керимова отозвал.

— Хорошо. — Трубка помолчала. — Если свободны, зайдите.

Лыков собрал со стола бумаги, запер их в сейф и вышел в приемную. Сидевший там офицер встал. Лыков сказал:

— Пошлите на аэродром машину — полковник Рыбин и майор Керимов возвращаются.

— Есть, товарищ генерал.

— А я к начальнику.

Офицер кивнул.

Лыкова принял мужчина лет шестидесяти — высокий, худощавый, большеглазый, с густыми темными волосами, едва тронутыми сединой. Он указал Лыкову на кресло и, когда тот сел, подвинул коробку папирос.

— Спасибо. — Лыков взял папиросу. — У

вас сложилось какое-нибудь мнение, Алексей Ильич?

— Нет.... Распорядились, чтобы Отто Лисса доставили сюда?

— Да, как вы и приказали.

— Хорошо. Завтра, видимо, будет и тот, перебежчик. — Начальник взглянул на лежащую перед ним бумагу. — Георг Хоманн.

— Сложная история, — задумчиво сказал Лыков.

— Сложная. Полагаю, не будете возражать, если обоих поручим Рыбину и Керимову?

— Нет, разумеется. — Лыков пододвинул к себе пепельницу, осторожно стряхнул в нее пепел с папиросы. — Вот только хотелось бы...

— Говорите.

— Видите ли, Алексей Ильич, надо бы как следует прояснить Отто Лисса. Все предпринять, буквально все.

— Вы же знаете, это невозможно.

— Понимаю, но...

— И потом, при всех обстоятельствах верить ему трудно. Давайте думать о другом, о Хоманне.

— Здесь выход один.

— Какой?

— Я навел справку. На том участке фронта сейчас затишье. Наши войска будут молчать, вероятно, еще недели две. Нет данных, чтобы и немцы затевали какие-либо операции в ближайшие дни.

Начальник усмехнулся.

— Поразительно, — пробормотал он.

— Не понимаю.

— Я говорю: поразительно, как иной раз

могут одинаково мыслить люди. Все еще не понимаете? Но вы ведь предлагаете организовать специальную группу и забросить ее в тыл той самой дивизии «Тейфель», откуда перебежал Хоманн, не так ли?

Лыков кивнул.

— Группа должна добыть пленных из батальона, а еще лучше из роты, где служил перебежчик, — продолжал развивать свою мысль начальник. — Так ведь?

Лыков вновь кивнул.

— И это нужно, чтобы допросить пленных и установить, что за птица Хоманн. Я правильно вас понял?

— Именно так.

— Значит, хорошо. — Начальник хитро прищурился. — Могу сообщить: полчаса назад такое задание отправлено на фронт.

— Алексей Ильич, надо его задержать! — Лыков встал.

— Почему?

— Дело слишком сложное и деликатное, чтобы без нашего наблюдения... Словом, хочу направить туда майора Керимова.

Начальник тоже встал.

— Что ж, — сказал он, — вы правы.

— Так я — на аэродром, встречу его, все объясню и отправлю немедленно?

— Езжайте. В штаб армии будет передано, чтобы без Керимова ничего не предпринимали.

3

Аскер уже трое суток находился на этом участке фронта. Он действовал энергично и мно-

гое успел. Хотя с перебежчиком свидетелься не пришлось (Георга Хоманна незадолго до прибытия Аскера направили в Москву), удалось разобраться в обстановке и наметить план действий — на месте осталась копия показаний Хоманна.

В тыл противника были посланы специальные группы с заданием точно установить дислокацию мотострелкового полка дивизии «Тейфель» и его третьего батальона, где служил перебежчик Хоманн. Группы вернулись и доставили ценные данные. Аскер дважды поднимался в воздух на самолете-разведчике, тщательно исследовал интересовавший его участок переднего края немцев. Все это позволило разработать подробный план операции, спешно провести подготовку.

И все же операция не состоялась. Неожиданно в штабе армии был получен приказ о наступлении, ибо новые данные свидетельствовали о том, что противник подтягивает большие резервы. Перед советскими войсками была поставлена задача — разгромить дислоцированного перед ними противника и с подкреплениями, которые уже спешат из тыла, атаковать и уничтожить резервы фашистов, пока они не успели развернуться и подготовиться к обороне.

Начальник штаба армии, сообщивший об этом Керимову, сочувственно развел руками.

— Такие дела, майор.

— Простите, наступление начинается?..

— Планировалось на послезавтра, но теперь время еще больше сокращено. — Полковник понизил голос. — Завтра начинаем, в двадцать четыре ноль-ноль.

— В двадцать четыре ноль-ноль, — пробормотал Аскер. — У меня, стало быть, в запасе сутки?

— Что вы задумали? — Начальник штаба с любопытством оглядел разведчика. — Хочу подчеркнуть: задача, которая стоит перед нашими войсками, трудная и сложная. Сил у немцев много, оборону они построили крепкую. Так что повозиться придется порядочно. Словом, раньше времени тревожить противника не дадим: весь наш расчет на внезапность.

— И не будем тревожить. — Аскер встал. — Разрешите, товарищ полковник, зайти часа через два? Я бы хотел продолжить разговор.

— Пожалуйста, майор. Но, вы понимаете, раз наступление...

— Оно, может, и лучше, что наступление, — сказал Аскер. — Так я зайду?

— Приходите, приходите.

Аскер отправился в отведенную ему землянку. Солдат, прикомандированный к нему в качестве ординарца, растапливал печку.

— Через пять минут жарко будет, товарищ майор, — сказал он, выпрямившись и беря под козырек.

— Жарко — это хорошо, — кивнул Аскер, занятый своими мыслями.

Солдат надел шинель и вышел. Когда он вернулся, майор сидел за столом, склонившись над картой.

...Поздно ночью Аскер вновь постучал в дверь блиндажа начальника штаба.

— Знаете, — сказал полковник, — я и сам тут думал, как вам помочь... Но сначала говорите вы.

Аскер разложил карту, вынул блокнот.

— В сущности, все очень просто. Неожиданный приказ о наступлении лишил нас возможности подготовиться по старому плану, который предусматривал захват нескольких пленных из интересующего нас подразделения. Но наступление открывает возможность действовать по-другому, более энергично. Мы создаем воздушный и танковый десанты. Их задача — проникнуть в район расположения мотострелкового полка дивизии «Тейфель», блокировать третий батальон этого полка, навязать ему бой и взять возможно больше пленных. Вот тут на карте сделаны все расчеты, составлена схема действий десантов.

Начальник штаба просмотрел записи.

— Ну что ж, — сказал он, — не так уж плохо. Я тоже примерно так намечал... Значит, решено. Сами участвовать в операции, конечно, не будете?

— Не могу...

— Да, да, понимаю. Впереди у вас дело посерьезнее, как мне думается, а?

Аскер не ответил, только чуть повел плечом...

4

Апрель был на исходе. Поздним вечером Аскер вышел из кабины лифта, отворил дверь приемной. Сидевший там офицер поднялся, крепко пожал ему руку

— С возвращением, — сказал он.

— Спасибо. — Аскер покосился на дверь кабинета полковника Рыбина.

— Нет его, — сказал офицер. — У Лыкова сидит. Приказал и тебе туда идти, как явишься.

Аскер кивнул, поспешно вышел.

Генерал Лыков и полковник Рыбин поздравили Аскера с выполнением задания. Лыков подвел его к креслу, усадил.

— Рассказывайте, майор.

— Против интересовавшего нас подразделения работали два десанта. Танки вышли на фланги третьего батальона, отвлекли на себя огонь. Десантники, которых они несли на броне, атаковали немцев в лоб. В эти же минуты в тылу батальона приземлились парашютисты.

— Таким образом, смогли изолировать батальон?

— Почти, товарищ генерал. В последний момент противнику удалось накрыть несколько танков минометным огнем. Образовалась брешь, в которую ушли две роты. Точнее, остатки этих рот. Не случись этого, пленных было бы гораздо больше.

— Где находились сами?

— На КП командующего армией, как мне и было приказано.

— Так. — Лыков помедлил. — Ну, а кого привезли?

— Девятнадцать человек, в том числе двух офицеров, товарищ генерал.

— Все из третьего батальона?

— Да.

— Как везли?

— Люди друг с другом не общались.

— Хорошо.

— Я забыл, товарищ генерал: среди пленных — ротный командир перебежчика Хоманна.

— Взять командира батальона не удалось?

— Десантники рассказывали: ушел в последний момент. Бежал на мотоцикле офицера связи.

— Жаль. — Лыков задумался, медленно перебирая лежавшие на столе бумаги.

— Начальнику армейской контрразведки я передал ваш приказ, товарищ генерал: немедленно докладывать, если в их руки попадут пленные из третьего батальона.

Лыков рассеянно кивнул.

— Мать звонила, — негромко сказал Рыбин.

Аскер вздрогнул, выпрямился.

— Что там?..

— Да все в порядке, чудак-человек. Просто беспокоилась. Ну, я и сказал: не волнуйтесь, сынок ваш пребывает в добром здравии, в командировке находится, скоро вернется.

Аскер кивком поблагодарил Рыбина. Тот набросал на клочке бумаги несколько слов, подвинул записку Керимову. Аскер прочитал: «Вечерком, как освободишься, зайди на часок ко мне домой, чайку напьемся и — в шахматы. Буду ждать».

Аскер поднял голову, встретился глазами с Рыбиным, улыбнулся.

Лыков оторвался от бумаг, подозрительно оглядел офицеров.

— Что-то вы замышляете, — пробормотал он. — А ну, выкладывайте!

Рыбин и Аскер промолчали. Лыков взял записку, просмотрел, чуть отодвинул в сторону. Тень пробежала по его лицу. У Рыбина семья была здесь, в Москве. У Аскера имелась мать,

хотя и далеко отсюда. У Лыкова же не было никого. Пять лет назад он похоронил жену, а спустя два года лишился сына.

Рыбин знал это. Он понял состояние генерала.

— Может, и вы заглянете, Сергей Сергеевич? — осторожно спросил он.

— Не знаю... Не знаю, как со временем. Впрочем, почему бы и не посидеть часок втроем, а? — Лыков неожиданно улыбнулся.

Рыбин вздохнул, переглянулся с Аскером.

— А теперь о деле. — Генерал вдруг насутился. — Майор Керимов, вам уже известно, что показаниям Отто Лисса и Георга Хоманна придается серьезное значение. Настораживает, что показания этих двух людей, попавших к нам разными путями и на различных участках, тем не менее абсолютно тождественны. Что из этого следует?

Аскер сказал:

— Можно предположить, что они говорят правду.

— Можно. — Лыков кивнул. — Вот поглядите, это выборка из показаний перебежчика Хоманна. Глядите: Гамбург, затем городок, расположенный выше по течению Эльбы, на правом берегу — Остбург. Далее — район западнее Остбурга, на берегу реки, в хвойном лесу. Теперь показания агента Лисса. И здесь — Гамбург, затем Остбург и в заключение лес, берег Эльбы.

— Все совпадает, — задумчиво сказал Рыбин.

— Абсолютно все. — Аскер беспокойно потер кулаком переносицу. — Даже стальная стена в хранилище. Смотрите, и о ней говорят оба.

— Перебежчик и агент доставлены в Москву. — Лыков пристукнул карандашом по столу. — Так сказать, ждут вас, майор.

— Я бы хотел сначала поработать с теми, кого привез, — сказал Аскер.

— Не возражаю. — Лыков взял лежавшие на столе бумаги. — Действуйте, как найдете нужным, только придется поторопиться. Времени в обрез. Для нас с вами нет сейчас ничего более важного, чем поиск и изъятие этих архивов.

— Понимаю, — Аскер кивнул.

— Архивы, о которых идет речь, — это, несомненно, данные об агентуре, которую немцы оставили на востоке; это документы о том, что творили фашисты на нашей земле. Ценность их колоссальна. Они должны быть в руках нашего обвинения, когда Гитлера и его шайку посадят на скамью подсудимых.

Аскер встал.

— Разрешите приступить к работе?

— Да. — Лыков тоже поднялся. — И учтите: архивы интересуют не только нас с вами. Ими занимаются разведки м-м... некоторых государств. Поэтому торопитесь и торопитесь. Дать кого-нибудь в помощь?

— Нет, товарищ генерал, пока не надо.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Истекли сутки с тех пор, как Аскер прибыл в этот затерянный в лесах Подмосковья лагерь военнопленных, где изолированно от прочих пленных и друг от друга содержались те, кого он привез с фронта. Сутки! Все это время он

вел допрос. В его кабинете побывало уже около десятка бывших солдат и унтер-офицеров того самого третьего батальона, но он ни на шаг не продвинулся вперед. Все те, с кем он разговаривал, были удивительно однообразны. Да, они служили в третьем батальоне мотострелкового полка дивизии «Тейфель». За время службы были свидетелями двух чрезвычайных происшествий — самоубийства писаря Фогеля и дезертирства ефрейтора Георга Хоманна. Что собой представляет Хоманн? Обычный солдат, каких тысячи. Впрочем, он умнее многих, ибо перешел на сторону русских добровольно и, следовательно, может рассчитывать на лучшую долю по сравнению с той, которая ожидает их, попавших в плен. Только три недели назад Хоманн как примерный солдат побывал в краткосрочном отпуске в родном городе, а теперь приказом командира полка, который всем им зачитали перед строем батальона, объявлен изменником, лишен воинского чина, всех прав и наград, подлежит поимке и расстрелу. Вот, в сущности, все, что они знают о Хоманне, ибо в батальоне служат недавно — зачислены всего три месяца назад при реформировании полка.

Аскер внимательно выслушивал пленных, задавал и другие вопросы, не имевшие отношения к Хоманну: свою заинтересованность перебежчиком он старался не выказывать.

Следователь видел — пленные охотно отвечают на вопросы. Показания их примерно одинаковы. Столковаться они не могли, так как изолированы друг от друга. Значит, говорят правду.

Конечно, Аскер имел возможность допросить

командира роты, в которой служил Хоманн. Но с этим он не спешил. Надо было поговорить сперва с рядовыми. Допрос солдат должен был прояснить, что представляет собой командир и как надлежит вести с ним дело.

О ротном командире лейтенанте Шульце Аскер узнал: требователен и строг, но справедлив, по пустякам не взыскивал, солдат жалел. И еще: Георг Хоманн был уволен в отпуск по ходатайству Шульца.

Аскер почувствовал, что его охватывает дрема. Он встал из-за стола, походил по кабинету, разгоня сонливость, выкурил папиросу. В окно была видна часть территории лагеря с несколькими большими строениями для жилья. Возле одного из них группа пленных резала широкой пилой толстые березовые поленья. Другая группа возилась у только что врытого столба, утрамбовывая вокруг него почву. Еще один пленный, нацепив «кошки», карабкался по столбу, держа в руках большой серебристый громкоговоритель.

Отворилась дверь дальнего строения. Из нее вышел немец и за ним конвоир. Это вели на допрос очередного пленного.

Аскер прошел к столу, застегнул пуговицы на воротнике гимнастерки, пригладил волосы, сел.

Вскоре в коридоре послышались шаги. Вслед за тем дверь отворилась, конвойный ввел пленного. Аскер оглядел стоявшего у порога человека, сделал знак конвоиру удалиться. Пленный — пожилой человек, коренастый и чуть кривоногий — тяжело шагнул вперед к стоявшему посреди комнаты табурету, зацепился за что-то ногой и едва не упал. Он смутился, покраснел.

Оказавшись возле табурета, сесть не решился, вопросительно поглядел на советского офицера.

— Садитесь, — сказал Аскер.

Немец сел, положил на колени тяжелые руки с коротко стриженными ногтями, провел языком по губам и вздохнул. Искося он посматривал на следователя. По ту сторону стола стоял высокий статный офицер. Зачесанные назад светлые с рыжинкой волосы открывали большой лоб, из-под которого поблескивали спокойные серые глаза. Пленный отметил хрящеватый с едва заметной горбинкой нос, чуть широкие скулы, твердый подбородок. Гимнастерка ладно облежала атлетический торс, широкий пояс туго стягивал тонкую талию. Все в облике офицера свидетельствовало о силе, энергии, здоровье, и пленный неожиданно для самого себя улыбнулся.

Аскер чуть сощурил глаза, медленно опустился на стул.

— Ваше имя? — спросил он.

Хриплым, простуженным басом пленный сказал, что его зовут Герберт Ланге.

— Чин?

— Обер-ефрейтор.

— Обер-ефрейтор, — повторил Аскер, делая запись в протоколе. — Где служили? Назовите дивизию, полк, батальон и свою должность.

— Дивизия «Тейфель», мотострелковый полк, третий батальон, первая рота, первый взвод.

Аскер насторожился: из первой роты был и Георг Хоманн.

— Хорошо, — сказал он. — Теперь о партийной принадлежности. Вы член НСДАП?

— Нет, — покачал головой Ланге. — И никогда не был.

— Тогда, быть может, вы коммунист?

Пленный шумно вздохнул и вновь покачал головой.

— Я и не коммунист. — Он помедлил и как бы с сожалением повторил: — Да, не коммунист, господин офицер. Я беспартийный. Но беспартийные бывают разные. Есть люди, имеющие твердые убеждения и принципы. А есть болтуны и тупицы. Я принадлежу к числу последних.

— Ого! — усмехнулся Аскер. — Сказано довольно сильно.

— Это как вам будет угодно, — повел плечом пленный. — А говорю так потому, что сочувствовал социал-демократам и, как это ни печально признавать, на собственных плечах привез к власти Адольфа Гитлера и нацистов.

— Каким же это образом? — спросил Аскер, которого стал забавлять необычный допрос.

— Я, разумеется, был не один. Идиотами оказались все те, кого прельстили бредни нации о великой миссии германского народа на земле. А таких, увы, было немало...

— Немало, — согласился Аскер. — Ну, а сейчас каковы ваши взгляды? Они что, переменились?

— Да.

— Под влиянием того, что вы попали в плен?

В вопросе звучала ирония. Ланге покраснел и опустил голову.

— Нет, — пробурчал он. — Плен тут ни при чем. Дело в другом, совсем в другом.

— В чем же?

— В другом, — повторил Ланге. — Во всем виноваты очень хорошие люди, которых мне довелось встретить на своем пути.

— Кто же они?

— Их было трое, господин офицер. Очень разные, но очень хорошие люди. Один остался там, в Германии. Я бы назвал его имя, да вам оно ни к чему.

— А все же.

— Это Лотар Фиш, могильный сторож.

— Кладбищенский, вы хотите сказать?

— Да-да, кладбищенский. Простите меня. — Ланге смутился. — А язык вы знаете лучше, пожалуй, чем я...

— Так чем знаменит кладбищенский сторож Фиш?

— Ничем, господин офицер. Просто — это человек, который открыл мне глаза на многое. Когда-то, в годы моего детства, он был лодочником в Гамбурге. Хорошо знал отца. Нянчил меня, на руках носил... Потом пропал. Уехал. И вот, много лет спустя, я встретил его в Остбурге. Случайно встретил. Мы хоронили кого-то из друзей, и на кладбище вдруг я вижу старого Лотара Фиша! Там же, на кладбище, его сторожка. Он бобыль, живет обособленно. Я остался у него ночевать. И мы скоротали время до утра, сидя за кружкой пива. Помнится, это было в 1938 году, да-да — осенью тридцать восьмого... И знаете, что предсказал Фиш? Войну Гитлера против вашей страны!

— Любопытно, — усмехнулся Аскер.

— Больше того, господин офицер: он предсказал поражение нацизма в этой войне! Лотар

Фиш так и сказал: «Эти русские свернут шею нашему бесноватому. Попомни мое слово, Герберт».

— Он что — коммунист, этот Фиш?

— Нет, не думаю. — Ланге потянулся за сигаретой, зажег ее, осторожно положил в пепельницу обгорелую спичку. — Не думаю, по всей вероятности, нет.

— И Фиш жив?

— Я получил от него весточку месяц назад.

— Ну, а другой?

— С ним я встретился в тридцать третьем году, в ту ночь 27 февраля, когда в Берлине горел рейхстаг. Это была наша первая встреча. Порт Гамбурга гудел, будто потревоженный улей. Там шел митинг. Ораторы вовсю драли глотку. Говорили многие, но громче всех — фашисты. Им подпевали социал-демократы. Все они хором вопили о необходимости «сильной руки», чтобы вновь завоевать стране и нации «место под солнцем», поносили коммунистов. Тогда мне это нравилось, и я орал вместе с другими, потрясая факелом, и готов был хоть сию минуту идти воевать за это самое место под солнцем. «Глупец», — сказал кто-то рядом. Я обернулся и увидел человека в фуражке с лаковым козырьком и в синем комбинезоне. Он жевал сигарету, насмешливо глядел на меня. Это был здоровяк, и я сдержал ругательство, готовое сорваться с губ. А митинг продолжался. Страсти так накалились, что произошла потасовка. Здорово досталось наци, а заодно и эсдекам. В таких случаях полиция тут как тут. И вот уже заработали резиновые дубинки шуцманов. Я счел за благо потихоньку выбраться из толпы.

«Эй!» — окликнули меня. Я оглянулся. Подошел тот самый, в фуражке. «По кружке пива, а? — сказал он так, будто мы были давнишние знакомые. — Я плачú». Он чем-то понравился мне, и я забыл, что несколькими минутами раньше едва с ним не подрался. Мы устроились в маленьком кабачке и тянули пиво. Разговорились. Больше говорил я, а он слушал и лишь изредка вставлял словцо. Я болтал вовсю, рисуя картины новой Германии, одну прекраснее другой. Он слушал. Потом спросил: «Твой отец тоже был докер и жил здесь до мировой войны?» — «Разумеется, — ответил я. — Мы потомственные докеры, здесь трудились всю жизнь и отец мой и дед». — «Как он жил, твой отец: лучше, чем ты?..» Я сказал, что нет, не лучше. Помнится, семья и в те годы считала каждый пфенниг, лишь по праздникам ела мясо. «Вот видишь, — сказал он, — выходит, так было и прежде. А ведь до войны Германия имела и жизненное пространство, и место под солнцем, и колонии, и всякие прочие штуки, о которых сейчас вопят нацисты. Имела все, а твой отец, докер, едва сводил концы с концами. Почему ты уверен, что теперь все изменится и каждый рабочий будет кататься, как сыр в масле?» Настроение у меня упало. Я стал придираюсь к его словам. «Ты сердишься, Юпитер, — улыбнулся он, — значит, ты не прав».

Только много позже я понял, что злился не на него, а на самого себя. Видимо, стыдно было признаться в этом... Вот как мы познакомились. Его звали Отто Шталекер. Оказалось, что работаем на одной верфи, только на разных стапелях. Он был механиком, а я слесарем. Мы по-

дружились, хотя он и постарше годами, после смены поджидали друг друга, вместе ходили в кабачок, если водились деньги. Даже женились на подружках — наших жен и по сей день водой не разольешь... Когда я перебрался в Остбург, туда же переехал и Отто. Работали на одном заводе. Началась война, меня забрали в вермахт, Шталекера же оставили — он большой специалист в своем деле...

— Он тоже не состоит ни в какой партии, этот ваш друг?

— Не знаю, господин офицер, — Ланге помедлил. — Чего не знаю, того не знаю. Но у Шталекера старые счеты с наци. Мерзавцы замучили в лагере его старшего брата. Побывала в их лапах и жена Отто. Словом, он глотку б им перегрыз, если бы мог. Это уж точно.

— А, может, грызет? — проговорил Аскер. — Не сидит, может, без дела в своем Остбурге, а?

Ланге пожал плечами.

— Кто знает? — сказал он. — Отто человек смелый, решительный....

— М-да, — задумчиво протянул Аскер. — Хорошие у вас друзья.

— Неплохие, — кивнул Ланге.

— Ну, а третий?

Ланге сказал:

— Это солдат, с которым я служил, Георг Хоманн.

— Служили, — повторил Аскер, стараясь говорить спокойно. — А что, этот... как его?

— Хоманн, господин офицер.

— А что, Хоманн теперь не с вами? Или погиб?

— Ни то и ни другое.

— Где же он?

— Как объявили неделю назад, Хоманн дезертировал. Перебежал на вашу сторону. Сидит теперь в каком-нибудь лагере военнопленных, вроде этого. Если, конечно, его не подстрелили по дороге.

— Вы говорите так, будто не знали, что Хоманн собирался дезертировать.

— Я и в самом деле ничего не знал.

— Но вы были друзьями!

Пленный выпрямился на табурете:

— Таков Хоманн, господин офицер. Раз он не сказал, значит не мог. Не мог — и баста.

— Вы и до войны знали друг друга?

Ланге покачал головой.

— Нет, хотя и жили бок о бок: он и я в Остбурге. С Хоманном мы знакомы года полтора, с тех пор, как попали в одну роту.

— Давно не были в родных краях, Ланге? — вдруг спросил Аскер.

— Давно.

— Хотелось бы съездить?

— А как же, господин офицер! Но теперь — капут. Надо ждать, когда закончится война или произойдет обмен пленными.

— У вас что, семья в Остбурге?

— Да, господин офицер. Жена и дочь пяти лет. Им сейчас приходится туго — плохо с продуктами, да и Остбург частенько бомбят. Хоманн рассказывал...

— Он что, письма оттуда получал?

— Нет, ездил в Остбург. Я забыл сказать, господин офицер: Георг Хоманн совсем недавно побывал в Остбурге. Ему дьявольски повезло.

И случилось это, когда он был назначен в караул — охранять склад провианта. Хоманн заступил на пост в полночь и только успел раза два пройтись вдоль стены склада, как был окликнут какими-то солдатами, которые оказались неподалеку. «Разиня, — кричали солдаты, — погляди-ка назад». Хоманн обернулся и обомлел: окно склада светилось. Причем свет то усиливался, то почти совсем исчезал. Хоманн понял, что на складе возник пожар, высадил раму, влез в окно. Горела куча пустых ящиков, стоявших у стены. Хоманн раскидал их, принялся гасить пламя. Когда вызванные по тревоге люди прибыли, пожар был уже ликвидирован. Разумеется, Хоманна сменили, отвели в караульное помещение, дали прийти в себя. А наутро он был вызван командиром батальона, и тот наградил его отпуском. Хоманн побывал в Остбурге, привез письмишко от моих. Вернувшись, ходил озабоченный, мрачный. Что-то его беспокоило. Теперь я знаю, что. Георг Хоманн обдумывал свое намерение. И — выполнил его. Вот и вся история, господин офицер.

Ланге смолк. Молчал и Аскер. Он понимал, что все рассказанное пленным — весьма важно. Это подсказывала интуиция, обостренное чутье следователя и разведчика. И еще одно чувство возникло во время допроса: какая-то неясная тревога. Аскер вдруг ощутил потребность побыть одному, подумать, покурить... Он отправил пленного, вышел за черту лагеря, в сосновый бор.

Больше часа провел здесь Аскер, сидя под большим деревом, в задумчивости глядя вверх, где между мохнатыми ветвями елей и сосен

светлело бледно-голубое небо. Затем он вернулся и приказал привести командира роты лейтенанта Шульца.

Шульц оказался человеком лет двадцати пяти, с печальными глазами на тонком девичьем лице, которые он близоручо щурил. Выяснилось, что Гуго Шульц, работавший до войны продавцом в книжном магазине, стал

офицером всего года полтора назад. До этого медицинские комиссии браковали его: он очень близорук, носит специальные очки. В конце концов его все же взяли в армию. Он был послан на ускоренные курсы офицеров, окончил их и оказался на фронте — сначала взводным, а потом заменил убитого командира роты. Остальное известно.

Аскер осторожно перевел разговор на подразделение, которым командовал Шульц. Похоже было, что лейтенант говорит откровенно, не хитрит. Отвечая на вопросы следователя, он назвал больше десятка своих солдат, надевая каждого краткой характеристикой. Наконец, дошла очередь до Хоманна. Шульц сказал:

— Ефрейтор Георг Хоманн служил честно, был скромн и храбр. Только я говорю это вовсе не потому, что однажды Хоманн спас мне жизнь... Так требует справедливость.

— Чувство справедливости всегда руководит вами? — поинтересовался Аскер.

— Полагаю, да.

— А я сомневаюсь.

— Господин майор сомневается? — Пленный растерянно развел руками. — Признаться, я никогда не подозревал, что могу быть обвинен в пристрастии или...

— Вспомните о происшествии в провиантском складе, когда в карауле был Хоманн. Вспомнили?

— Я все еще не понимаю господина майора.

— Хорошо, помогу вам понять меня. Скажите, в ту ночь Хоманн действительно совершил такой уж выдающийся поступок?

Шульц замялся.

— Говорите, говорите!

— Я не понимаю господина майора.

— Ну вот, только что вы заявили: случилось, что Хоманн спас жизнь своему командиру — то есть вам. Это так?

— Да.

— И что же, подвиг солдата был оценен по достоинству? Хоманна наградили?

— Нет. — Шульц помолчал, начиная догадываться, куда клонит следователь. — Нет, господин майор, история прошла незамеченной.

— А произошел пустяковый пожар в складе, и вы уже торопитесь с реляцией о героизме Хоманна.

— Это не я, господин майор.

— Не вы? — Аскер почувствовал, как у него вспотел лоб. — Как это — не вы? Говорите правду.

— Да, не я. Ходатайство было, конечно, мое,

как командира роты, но я подал его не по своей воле. Мне было приказано.

— Кем?

— Майором Гаусом.

— Кто это — майор Гаус?

— Командир батальона.

— Расскажите об этом подробнее.

— После того как пожар был погашен и суматоха улеглась, я вызвал Хоманна к себе, детально обо всем расспросил, похвалил. Он сказал, что не совершил ничего особенного. Опасности пожара фактически и не было. Горели ящики, сложенные у стены. Они были обособлены. Стены, пол, потолок — земля и камень, гореть нечему. Даже краска на стенах не масляная, а известка. В том помещении не имелось больше ни ящиков, ни продуктов, ничего другого, что могло бы гореть. Словом, сгорев, ящики превратились бы в золу, и дело с концом. Я отпустил Хоманна. И вот зазвонил телефон. Говорил майор Гаус. Он спросил о происшествии. Я доложил. Гаус сказал: «Хоманн действовал геройски, надо его поощрить». За что? — спросил я, пояснив, что был лишь жалкий костер из кучи фанерных ящиков. «Все равно, — ответил Гаус, — проявлена самоотверженность, она не может остаться без награды». Я позволил себе поиронизировать и спросил, уж не думает ли майор представить Хоманна к кресту. Гаус сказал: «Ордена не дадим, а в отпуск пошлем, пусть побывает в тылу».

— И Гаус настоял на своем?

— Разумеется. Это же в его власти.

— Хорошо. — Аскер встал. — Закончим пока наш разговор.

Утро следующего дня Аскер посвятил беседе с Георгом Хоманном. Вначале он задал десяток обычных вопросов, приглядываясь к перебежчику. Ответы Хоманна в точности соответствовали тому, что Аскер установил при допросе пленных солдат и офицеров третьего батальона. Хоманн ни разу не солгал даже в мелочах.

Он отвечал четко, охотно, без каких-либо колебаний или уверток. И хотя, после всего того, что узнал следователь от Шульца, к Хоманну надо было бы относиться с недоверием, Аскера не покидало ощущение, что собеседник его честный человек.

Осторожно подвел он Хоманна к эпизоду в провиантском складе. Разговор о происшествии в складе он считал серьезным испытанием для подследственного. Хоманн, если он засланный с какими-то целями агент, должен был всю расписать свое участие в тушении пожара, чтобы дальнейшее — отпуск и поездка в тыл — были возможно лучше обоснованы.

Хоманн же поступил как раз наоборот. Он заявил, что ничего особенного не совершил, и награждать его, в сущности, было не за что.

— Как же так? — удивился Аскер.

Хоманн пожал плечами.

— Я и сам не возьму в толк. Многое непонятно, товарищ майор. Вот, например, месяц назад я спас жизнь ротному командиру. — Он улыбнулся, в голосе его зазвучали теплые нотки. — Был у нас лейтенант Шульц. Это честный парень, нацистов недолюбливает, с солдатами справедлив... И вот однажды случилось так, что я его спас. Был бой, мы отходили, Шульц и я оказались рядом в тот момент, ког-

да неподалеку плюхнулась мина. Я успел швырнуть на землю лейтенанта, упасть сам. И в тот же миг рвануло так, что у нас едва не лопнули барабанные перепонки. Позже, когда мы пришли в себя, Шульц заплакал. Он написал взволнованный рапорт начальству. И вы думаете, меня отметили? Черта с два!

— А теперь — и отпуск, и благодарность?

— Именно! И еще одно: перед отъездом в отпуск я зашел к лейтенанту Шульцу. Знаете, мне показалось, что и он, как бы это сказать... в некотором недоумении, что ли, по поводу всей этой истории.

— Давно знаете майора Гауса?

— Я не понимаю вопроса.

— Ну... быть может, майор Гаус почему-либо особенно расположен к вам?

— Что вы, — Хоманн усмехнулся. — Он, я думаю, до пожара в складе и не подозревал о моем существовании.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

1

Со времени возвращения Аскера с фронта и совещания у генерала Лыкова прошло три недели. И вот Лыков вновь слушает доклад майора Керимова.

Аскер рассказал о допросах лейтенанта Шульца, обер-ефрейтора Герберта Ланге и других, о разговорах с Георгом Хоманном.

— Выводы, — сказал Лыков, когда Аскер закончил. — Делайте выводы, майор.

— Выводы? — Аскер задумался. — Вывод такой: Георг Хоманн говорит правду.

Лыков как-то странно поглядел на офицера, позвонил.

Вошел адъютант.

— Что, прибыл полковник Чистов? — спросил Лыков.

— Да, товарищ генерал. Он здесь и ждет.

— Пригласите.

Вошел Чистов. Это был человек лет шестидесяти пяти, болезненного вида, высокий, худой. Одет он был в штатское, как, впрочем, все находившиеся в кабинете.

— Доложите нам о тайнике с архивами. С самого начала, но коротко, — сказал Лыков.

— Слушаюсь. — Чистов гулко откашлялся в кулак и начал. — Полгода назад нам стало известно, что из РСХА¹ разослана во все органы гестапо, абвера, СД и СА² весьма важная директива. Подписал ее сам рейхсфюрер СС Генрих Гиммлер. Директива предписывает этим организациям, а также альгемейне СС³, ваффен СС⁴, ферфюгунгсгруппен СС⁵ и соединениям «Тотен копф»⁶ принять все меры к тому, чтобы архивы их были сохранены и ни при каких обстоятельствах не попали в руки противника.

---

¹ РСХА — главное имперское управление безопасности в гитлеровской Германии.

² СА — отряды безопасности.

³ Альгемейне СС — общая СС.

⁴ Ваффен СС — войска СС.

⁵ Ферфюгунгсгруппен СС — особые отряды СС.

⁶ «Тотен копф» — «Мертвая голова». Название соединений СС, занимавшихся особо важными диверсионными и карательными операциями.

При эвакуации с востока архивы надлежит под строгой охраной отправлять в определенные пункты, где они должны быть систематизированы и в специальных металлических ящиках сданы на тайное хранение. Где, в каких пунктах и под чьим руководством созданы эти тайники, сколько их и что они собой представляют — мы не смогли еще установить.

— Кое-какие сведения получили только месяца два с половиной назад, — проговорил Лыков. — Причем об одном лишь тайнике, а их, вероятно, несколько.

— В Остбурге? — спросил Аскер.

— Остбург? — Полковник Чистов казался удивленным. — Нет, речь идет о другом населенном пункте.

— Не в Остбурге, — сказал, как бы размышляя вслух, генерал Лыков.

Аскер беспокойно завозился на месте.

— Он, этот городок, расположен в низовьях Эльбы, на ее левом берегу, — продолжал Чистов.

— На каком? — переспросил Аскер.

— На левом, то есть на западном. Точнее, не на самом берегу, а несколько в стороне от реки.

— Название городка?

— Карлслуст, — сказал Чистов. — Предполагается, что близ него, в лесу, где-то у реки, в подземном хранилище и находятся архивы, о которых идет речь. Точнее — часть этих архивов. Тайник сделан с целью сохранить архивы, если война будет проиграна и Германию оккупируют.

— Простите, товарищ генерал. — Аскер приподнялся. — Могу я спросить об источнике, из

которого полковнику стало известно об архивах и тайнике?

— Можете. — Лыков взглянул на Чистова. — Ответьте майору Керимову.

Чистов сказал:

— Источник — это наш разведчик, действующий по соседству.

Аскер встал, подошел к карте Европы, занимавшей одну из стен кабинета, приложил линейку, что-то прикидывая, потом вернулся.

— Всего полтораста километров, — сказал он. — Только сто пятьдесят километров отделяют Остбург от Карлслуста. Города — на разных берегах реки. В остальном все совпадает — расположение тайников, устройство, метод хранения, упаковка.

— Да, даже упаковка, — кивнул Лыков.

Чистов молчал. Он был дисциплинирован и вопросов не задавал: все, что нужно, генерал Лыков скажет.

— Два тайника в соседних городах... — Аскер потер переносицу. — Странно.

— Послушаем полковника Чистова, — сказал Лыков.

Аскер сел.

Чистов продолжал:

— Архивы ищет специальная группа. Она в Карлслусте, заброшена удачно, действует активно. Определился район нахождения объекта. Это все. Дальше группа не может продвинуться ни на шаг. Контрразведка едва ее не нащупала. Теперь там все настороже, и малейшая оплошность может привести к катастрофе.

— Простите, когда это произошло? — Аскер беспокойно задвигался на стуле.

— Вы спрашиваете, когда произошло осложнение и немцы встревожились? — переспросил полковник.

— Да.

— Дней сорок назад...

— А что, — задал вопрос Аскер, — разве трудно архивы вывезти и в каком-нибудь другом месте соорудить новый тайник?

— Мы предусмотрели такую возможность и наблюдаем за транспортом. К тому же архивы, о которых идет речь, — это сотни больших ящиков. Передвинуть колонну машин с таким грузом незаметно для вражеской разведки, которая находится в данном районе и специально охотится за этими архивами, вряд ли возможно. Немцы поумнели по сравнению с тем, как действовали в первый период войны. Сейчас они далеки от того, чтобы недооценивать силы и возможности советской разведки.

Генерал поблагодарил Чистова. Тот попрощался и ушел.

— Ну, — сказал Лыков, когда он и Аскер остались одни, — что вы обо всем этом скажете?

Аскер молчал.

— Говорите же, — усмехнулся Лыков.

Аскер встал, взялся за спинку стула.

— И все же я верю персбежчику Хоманну, — тихо, с большой убежденностью проговорил он.

Лыков не ответил.

— Верю, — продолжал Аскер, — и ничего не могу с собой поделать. Вот я разговариваю с ним, он глядит мне в глаза, я слушаю его неторопливую, обстоятельную речь и чувствую — Хоманн говорит правду!

— Любопытно, — протянул Лыков, страхи-
вая с папиросы пепел.

— Товарищ генерал, он ни на гран не выго-
раживает себя, напротив — часто говорит вещи,
которые могут только навредить ему. Говорит и
понимает, что действует себе во вред, — я вижу
это по его глазам, по тому, как меняется его на-
строение, голос... А ведь к этому его никто не
принуждает. Он поступает так добровольно, хо-
тя о многом мог бы и словом не обмолвиться.
Сергей Сергеевич, все то из его показаний, что
я имел возможность проверить, — правда, одна
лишь правда, от начала до конца, от главного
до последней мелочи... Могут сказать: это при-
ем, применяя который, подследственный хочет
расположить к себе следователя, чтобы тот по-
верил его дальнейшим показаниям. Но такой
прием хорош лишь в одном случае. А именно,
когда преступник знает, что следствие имеет воз-
можность проверить его показания. Ведь так?

— Пожалуй.

— А Хоманн и не подозревает, что в наших
руках и лейтенант Шульц, и обер-ефрейтор Лан-
ге, и многие другие из тех, с кем он служил.

— Что же вы предлагаете, майор? Как нам
отнестись к тому, что сообщил полковник Чи-
стов?

Аскер промолчал.

— Ну хорошо. — Лыков встал, давая понять,
что разговор окончен. — Вы принесли показания
Хоманна?

— Да, они в этой папке.

— Оставьте. Сегодня вызову перебежчика.
Хочу познакомиться с ним. Вас жду завтра, в
десять утра.

Наутро Аскер вновь был в кабинете начальника. Лыков выглядел уставшим, так как провел бессонную ночь. Он сказал:

— Хоманна допрашивал. Впечатление — сходное с вашим.

Генерал взял со стола карандаш, задумчиво повертел между пальцами, отложил.

— Итак, — проговорил он, — мы условились, что верим Хоманну... Ну, а как быть с тем, что докладывал полковник Чистов? Есть у вас основания не верить ему и его людям?

— Нет, товарищ генерал.

— И у меня таких оснований не имеется.

Наступила пауза. Аскер и Лыков сидели в задумчивости.

— Быть может, тайники есть и в Остбурге и в Карлслусте? — продолжал генерал. — Предположение при данных обстоятельствах правдоподобное. Но пока я не могу его принять. Удерживают две причины. Первая: города слишком близко расположены, чтобы был смысл дважды производить одну и ту же большую работу... я имею в виду сооружение тайника. И вторая причина: данные полковника Чистова о тайнике поразительно похожи на данные Хоманна и арестованного в Баку агента. Напрашивается мысль: а не идет ли в этих двух случаях речь об одном и том же хранилище? Припомните: сходится все — устройство тайников, место расположения, система хранения...

Генерал поднялся, прошелся по кабинету, остановился за спиной Аскера.

— Ночью я докладывал начальству. Меня

спросили: «Не следует ли рискнуть и группу, работающую в Карлслусте, перенацелить на Остбург?» Я не считал это возможным. Мы пришли к заключению заслать в Остбург разведчика. Пусть во всем разберется на месте.

Аскер хотел встать. Лыков придержал его за плечо, обошел стол, тяжело опустился в кресло.

— Вам придется ехать, товарищ Керимов...

Аскер кивнул.

Лыков взял его руку.

— Мы уже говорили о том, как нужны нам эти архивы. Хотел бы напомнить о старой фашистской агентуре и о тех новых шпионах, которых оккупанты, конечно же, постарались завербовать и, уходя, оставить на нашей земле. Вы представляете, сколько ценнейших сведений обо всех этих негодях содержат архивы, которые мы с вами ищем! Но это далеко не все. Подумайте, сколько советских патриотов схвачено и умерщвлено в застенках гестапо, абвера и СД! Сколько наших людей приняло мученическую смерть в подвалах и крематориях различных зондеркоманд и эйнзатцгрупп¹... В тех архивах, несомненно, сохранились данные о том, как они жили, как боролись и умирали. Теперь дальше. К нам разными путями просачиваются данные: негодяи занимаются преступными опытами над пленными, убивая их кислородным голоданием, сверхнизкими температурами и сверхнизким давлением. Пленным впрыскивают яды, на них пробуют действие отравляющих веществ, испы-

---

¹ Зондеркоманды и эйнзатцгруппы — специальные команды и группы СС, занимавшиеся карательными операциями и уничтожением военнопленных и мирного населения.

тывают новые виды оружия — гранаты, мины, фугасы. Кто знает, не найдутся ли данные и обо всем этом в секретных архивах фашистов!.. И еще раз подчеркиваю: списки и сведения об агентурной сети гитлеровцев! Беда, если мы запоздаем. Необходимо во что бы то ни стало, любой ценой перехватить эту документацию. Учтите: она интересует не только нас. Далеко нет. Страна не простит нам, если документы, о которых идет речь, окажутся в лапах разведки других государств. В этом случае фашистские шпионы получили бы новых и весьма энергичных хозяев.

— Все понял, товарищ генерал, — сказал Аскер.

— Поняли и прониклись важностью задачи, которую будете решать?

— Так точно, товарищ генерал.

— Вы сколько лет в партии, товарищ Керимов?

— Три года. — Аскер поправился: — Почти три года.

— Нашу работу я расцениваю как важное задание партии, — сказал Лыков. — Полагаю, что только так и может думать чекист.

— Именно так!

— Никогда не забывайте об этом. И еще: думайте о родине нашей, о народе, о товарищах, о семье своей. Верьте мне, помогает, когда трудно.

— Понимаю, товарищ генерал.

— Там... — Лыков помолчал, кивнул куда-то в сторону. — Там уже знают, что идете вы. Знают и одобрили мой выбор.

— Спасибо, Сергей Сергеевич, — хрипло про-

говорил Аскер. — Клянусь вам, все сделаю, чтобы...

Он не закончил фразы, порывисто пожал руку, которую ему протянул Лыков.

Генерал сказал:

— Разработкой операции по заброске вас в Остбург уже занимаются. Все это поручено Рыбину.

— Ясно.

— Задача сложная, поэтому в помощь полковнику Рыбину я подключил и группу полковника Чистова. У него тоже имеются кое-какие возможности. Но, быть может, у вас сложится свой план проникновения в Остбург? Подумайте и доложите. Скажем, дня через три. Утром, часов этак в десять.

— Слушаюсь, товарищ генерал.

Аскер и Лыков встретились взглядами.

— Вы славный парень, — сказал генерал. — Вот и у меня был такой. Был... до декабря сорок первого. Под Москвой убили. Да вы знаете...

Лыков горько улыбнулся и, ссутулившись, побрел к окну.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

1

В назначенный день Аскер входил в кабинет начальника.

Лыков снял очки, — он просматривал бумаги, — указал офицеру на кресло возле стола.

— С чем пришли, товарищ Керимов?

Аскер изложил свой план. Генерал надолго задумался. Все в этом плане было смело и не-

обычно. Впрочем, «необычно» — не то слово. В разведке, естественно, не бывает проторенных путей. Ибо тогда враг, изловивший одного разведчика, сможет без особого труда выловить и многих других. В глубоком вражьем тылу разведчики всякий раз действуют по-иному, непрестанно изобретая, маневрируя, запутывая след, чтобы сбить с толку контрразведку противника, тоже весьма сведущую в этом сложном искусстве.

Все это, разумеется, прекрасно знал генерал Лыков. Но даже ему, человеку опытному и искушенному во всех тонкостях своего ремесла, план Аскера показался слишком рискованным и смелым.

Аскер сказал:

— Мне долго казалось, что фашизм принят германским народом, стал его идеологией. Казалось, это весьма прочно, его не вытравить из душ немцев. Но, пожив среди них, я понял, что ошибался. Здоровые, жизнедеятельные силы народа мощнее, гораздо мощнее, чем надеялись фашисты. Это довольно определенно ощущалось еще тогда, год назад. Теперь же, к середине сорок четвертого года, режим Гитлера ослаб еще больше.

— За это нам надо благодарить в первую очередь свою партию и народ, свою армию!

— Понимаю, товарищ генерал, все понимаю. Но я сейчас не касаюсь причин, я беру следствие.

Лыков заглянул в принесенные Аскером бумаги.

— Значит, Ланге?

— Да, товарищ генерал. Именно он, а не

Хоманн, хотя, вероятно, подошел бы и тот. Но Георг Хоманн — перебежчик. Он и перебежчик, и коммунист, и сам вызвался...

Лыков понимающе кивнул.

— А Ланге чист, — продолжал Аскер. — Как стеклышко чист. Я проверял его еще более тщательно. Все использовал, все привел в действие. И Хоманн, и полтора десятка других немцев, что служили в третьем батальоне, единодушны в его характеристике. Вот их показания. — Он пододвинул генералу толстую папку. — А ведь они и не подозревают о том, что Ланге у нас. Более того, пущен слух, будто Ланге погиб. Так что о нем говорят совершенно откровенно, не стесняясь... И еще. Это, пожалуй, главное. Герберт Ланге обращается к вам с заявлением, товарищ генерал. Он просит использовать его на любой работе, в любых условиях, лишь бы это хоть в какой-нибудь степени способствовало разгрому гитлеровского режима в Германии. Да вот это заявление.

Несколько минут генерал читал документ, затем отложил, вынул платок, протер стекла очков.

— Сильно написано, — негромко сказал он.

— Сильно, — кивнул Аскер. — И заметьте: ни слова о том, чтобы «с оружием в руках» или что-либо в этом роде. Нет — тыл, работа, тяжелая работа в любых условиях. — Аскер улыбнулся, взял заявление, нашел нужное место. — «Если советские власти сочтут необходимым послать меня в страшную Сибирь, где царит мрак и ледяная стужа, то и туда поеду с радостью. Куда угодно, только бы не сидеть сложа руки».

— Мрак и ледяная стужа, — повторил Лы-

ков, невольно улыбнувшись. — Вот ведь как они о Сибири...

Аскер продолжал:

— Несколько дней назад у работников полковника Чистова я знакомился с наметками по заброске меня в Остбург. Они ничем не могли порадовать.

— Я знаю.

— Предложили два варианта. В первом случае заброска производится в район Гамбурга, а уже оттуда, спустя некоторое время, я самостоятельно...

— Это исключено.

— И второй вариант — ждать. Ждать, пока не будут созданы необходимые условия для заброски непосредственно в Остбург. А это — несколько месяцев. Долго.

— Долго, — кивнул Лыков. — Столько ждать не можем. — Он помолчал и пояснил: — Наши опасения подтверждаются. Есть данные, что к различным архивам фашистов все больший интерес проявляет одна иностранная разведка. Та самая, о которой я вам как-то говорил. Короче, может случиться, что у нас появится соперник. Причем весьма активный и напористый. Вы понимаете?

— Да.

Помолчали.

— Товарищ генерал, — осторожно сказал Аскер, — мне ничем не может помочь группа, действующая в Карлслусте?

Лыков резко качнул головой.

— Ни в коем случае. О них забудьте. — Он поправился: — Пока забудьте. Не исключено, что придется действовать вместе. Но это после,

не сейчас. Они в таком положении... Словом, появление нового человека, малейшая неточность — и провал неизбежен. Погубим и вас и их.

— Тогда, — Аскер помедлил, пододвинул к себе папку с материалами допросов, решительно поднял голову, — тогда остается одно — принять мой план.

— Я тоже склонен так думать, — проговорил Лыков. — В пользу вашего плана говорит то обстоятельство, что в этом районе Германии имеется сильное антифашистское подполье... Но я еще подумаю, посоветуюсь. Разговор продолжим после. Вызову вас. А утром пришлите ко мне Ланге.

Разрешение на участие Герберта Ланге в операции было дано. И тогда Аскер впервые поговорил с немцем откровенно обо всем. Ланге разволновался.

— Это правда, вы верите мне? — сказал он срывающимся голосом. — Отвечайте, господ...

— Вы можете говорить мне «товарищ».

— Мы предали огню тысячи советских городов и сел, кровь ваших людей льется рекой, а вы со мной... так!

— От немецкой бомбы погибла моя сестра. У генерала, с которым вы беседовали, убит на войне единственный сын.

— Можете мною целиком располагать, — горячо сказал Ланге. — Только скажите, ради всего святого: полностью ли мне доверяете или, как бы это выразиться... я буду только лишь орудием? Нет, нет, я согласен на любую роль! Это в конечном счете не так важно. Важен ре-

зультат: я окажусь полезен и хоть чем-нибудь помогу похоронить нацизм!

Аскер сказал:

— Я свою жизнь доверяю вам, товарищ Герберт.

— Спасибо. — Ланге порывисто встал. — Спасибо, мой друг. — Он поморщился, коснулся пальцами лба. — Если б вы знали, что сейчас тут у меня творится. Боюсь, не выдержит череп!..

2

И вот Аскер снова в кабинете генерала Лыкова. Осень уже на дворе. За окном влажно поблескивают кровли домов, матово отсвечивает мокрый асфальт площади. Серо и небо и земля. Холодно, тоскливо. Или, быть может, это только кажется так Аскеру? Ведь он сегодня последний день в Москве, на своей земле. Ночью — вылет. Туда, за линию фронта, в далекий Остбург.

Закончена большая подготовительная работа. Трудно даже перечислить все то, что входило в нее. Тут и прыжки Аскера и Ланге на парашюте с самолета; улица за улицей, квартал за кварталом тщательное изучение Остбурга — по карте, по различным материалам, по подробным рассказам Герберта; «вживание в образ» новых людей, какими Аскер и Герберт будут там, за линией фронта, и многое, многое другое... А работа с приемно-передающей радиоаппаратурой, тренировка в радиообмене, в настройке и ремонте станции, в мгновенной смене частот и диапазонов передач, чтобы до предела затруднить перехват сообщений и пеленгацию передатчика

контрразведкой противника! А громада фашистской литературы — газет, журналов, бюллетеней, сводок, которые пришлось проштудировать, чтобы быть в курсе того, что сейчас происходит там, на западе, где еще хозяйничают гитлеровцы!..

Да, теперь все это позади — огромный, тяжелый труд, колоссальное напряжение воли и мускулов, работа по восемнадцати часов в сутки, когда валишься с ног от утомления, но не можешь сомкнуть глаз, как бы велика ни была потребность в сне.

Все это позади. И все это — ничто по сравнению с тем, что предстоит испытать...

Аскер поднимает голову, глядит на генерала. Тот беседует с Рыбиным и Чистовым, людьми, которые руководили подготовкой Керимова и Ланге и теперь докладывают о результатах. Но Аскер почти ничего не слышит. Это не потому, что беседуют они негромко. Просто он слишком сосредоточен, полностью ушел в себя. Снова и снова перебирает в сознании все то, что для него и Герберта начнется уже нынешней ночью...

Все согласовано, предусмотрено, решено — все что можно предусмотреть при подобных обстоятельствах. А можно так немного!.. Аскер и Ланге имеют в Остбурге два убежища. Там они первое время будут чувствовать себя сравнительно безопасно. Одно — домик кладбищенского сторожа, старого друга семьи Герберта, Лотара Фиша, другое — жилище давнишнего дружка Ланге, механика завода «Ганс Бемер» Отто Шталекера. И тот и другой — люди надежные, живут в Остбурге уже много лет, от обоих Гер-

берт месяца полтора-два назад получил письма. Следовательно, они и сейчас там.

Разведчики полностью экипированы, снабжены всем необходимым; у них несколько комплектов хороших документов. Это подлинные бумаги. Об их прежних владельцах все известно. Таким образом, можно не беспокоиться и за специальную проверку, если она будет произведена по месту жительства тех, на кого документы выписывались.

Это всё. Остальное зависит от разведчиков. Их задача — закрепиться в городе, выждать некоторое время, затем нащупать остбургское антифашистское подполье. В этом должен помочь Отто Шталекер. Ланге свяжет Аскера с ним, потом исчезнет. Ему нельзя оставаться в городе. Правда, Ланге изменит внешность, у него будут другие документы, но все же опасно: вдруг произойдет неожиданная встреча с людьми, которые его хорошо знают!.. Предусмотрено, что, выполнив свою миссию, Ланге с документами возвращающегося из отпуска солдата выедет на восток. На территории Польши, в одном из местечек по пути следования, его будут ждать, проведут к партизанам, а те переправят через линию фронта.

Итак, Аскер будет действовать один. На случай особых, чрезвычайных обстоятельств, в которых он мог бы оказаться, ему сообщена еще одна явка — адрес того самого разведчика, о котором упоминал полковник Чистов. Но это — на самый крайний случай.

Остбург!.. Аскер откидывается в кресле, прикрывает веки. Перед глазами встает главная магистраль города. сплошь застроенная тяже-

лыми серо-дымчатыми зданиями с крутыми островерхими кровлями, пересекающие ее улочки, которые ведут на рабочие окраины, к заводам... Особенно отчетливо видит Аскер кладбище — оно на пригорке, окаймлено двумя рядами тополей; слева, если идти от города, небольшое строение: красные стены, два окна, крыша из волнистого железа. Это и есть сторожка Лотара Фиша... И еще — узкое высокое здание со стрельчатыми окнами, с башенками по углам кровли и четырьмя шпилями — бывший музей палеонтологии, а ныне абверштелле¹ Остбурга...

Разговор закончен. Лыков встает. Быстро подымается с кресла Аскер.

— Кажется, все. — Генерал протягивает ему руку. — Возвращайтесь!

«Возвращайтесь» — так Лыков говорит всегда, провожая кого-нибудь из своих в дальний и опасный путь.

— Спасибо, Сергей Сергеевич!

Аскер крепко пожимает руку начальника. Они обнимаются.

— Береги себя, — чуть слышно шепчет генерал. — Лучше гляди, сынок.

Аскер вновь благодарит Лыкова, спешит скорее попрощаться с Рыбиным и Чистовым. Это — трудные минуты.

— Позовите Герберта Ланге, — говорит генерал.

Ланге входит в кабинет. О, сейчас у него другая походка, совсем другие глаза!

С ним прощаются так же тепло.

---

¹ А б в е р ш т е л л е — управление военной разведки и контрразведки.

— Возвращайтесь, — говорит и ему генерал Лыков. И прибавляет: — Мы ждем вас, товарищ. А потом поедете к себе, в новую Германию!

— Вернусь, обязательно вернусь. — Ланге широко улыбается, своими большими ладонями бережно берет руку советского генерала, осторожно пожимает. — Еще раз спасибо. Спасибо, что поверили. За все спасибо!

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

1

Налет советских бомбардировщиков на расположенные по окраинам Остбурга военные заводы начался поздно ночью. Вскоре в районе заводов заревом было освещено полнеба, оттуда доносился грохот рвущихся бомб, залпы зениток, скороговорка крупнокалиберных пулеметов.

После окончания налета шеф абверштелле Остбурга штандартенфюрер Гейнц Больм покинул убежище, отдал необходимые распоряжения и вернулся домой. Он тотчас же лег, надеясь провести в постели хоть остаток ночи. Надо было отдохнуть — утром предстояло множество дел.

Отдохнуть, однако, не пришлось. Резкий телефонный звонок поднял Больма с постели. Говорил дежурный по абверу. Голос его звучал взволнованно. Дежурный доложил: ограблено железнодорожное отделение рейхсбанка. Вскрыты три самых крупных сейфа, в которых было около полумиллиона марок. Кража совершена

во время бомбежки, когда сторожа больше думали о собственной безопасности, нежели об охране порученного объекта.

— Понятно, — сказал Больм. — Все понятно, кроме одного: за каким дьяволом вы звоните мне? Или нет уже на свете крипо с ее филерами и прочей швалью?

Дежурный замялся:

— Здесь директор банка господин финансовый советник Грубих...

— Дайте трубку господину Грубиху.

— Здравствуйте, господин штандартенфюрер Больм!..

Шеф абвера отодвинул от уха трубку — так громко звучал в ней взволнованный голос финансового советника.

— Ну-ну, — сказал Больм, — говорите потише, я, слава богу, не глухой.

Торопясь и нервничая, Грубих рассказал о краже. Тяжелые последствия ждут банк, если деньги не будут найдены. Дело так серьезно, что он, Грубих, был вынужден позвонить в Берлин, рейхсминистру Шахту, и тот возмущен царящими в Остбурге беспорядками.

Внезапно разговор был прерван. Штандартенфюрера Больма вызвал Берлин. Шефу абверштелле Остбурга было приказано помочь крипо в расследовании происшествия в банке.

Больм повесил трубку, затем соединился с дежурным и приказал прислать автомобиль.

— Слушаюсь, — ответил дежурный.

— Вызовите и направьте в банк оперативную группу.

— Она здесь и сейчас выезжает, господин штандартенфюрер.

— Хорошо. Где штурмфюрер¹ Адольф Торп?

— Полагаю, дома.

— Поднять немедленно. И — собак. Собак с проводниками. Проследите, чтобы обязательно был Цезарь.

— Ясно, господин штандартенфюрер.

— Моя машина?

— Уже выслана.

Закончив разговор, Больм начал поспешно одеваться. Вскоре за окном заурчал мотор «Мерседеса».

Помещение банка, в котором находились главные сейфы, было расположено под землей. И сейчас большой бетонированный подвал, залитый ярким светом электрических ламп, с раскрытыми настежь дверями трех сейфов, с проломом в одной из стен, представлял странное зрелище...

Войдя в хранилище, штандартенфюрер Больм проследовал к работникам, возившимся у одного из сейфов. Среди них выделялся рослый молодой человек в отлично сшитом костюме. Это был штурмфюрер Адольф Торп.

Он подвел начальника к стене, указал на пролом.

— Конец подкопа, — сказал Торп. — Начали метрах в двадцати отсюда, в люке канализационной системы. Придумано ловко. Вырытую землю ссыпали вниз, и текущая по трубе вода уносила ее.

У входа слышался шум шагов, лай: прибыли проводники с ищейками. Впереди шел солдат с черной, как смоль, овчаркой. Это был лучший вожатый с Цезарем.

---

¹ Штурмфюрер — чин в учреждениях СС, соответствует лейтенанту.

— Можно начи-
нать? — спросил Торп.

Больм кивнул.

Цезарь взял след,
зарычал и метнулся к
пролому. Туда же потя-
нули и другие ищейки.

...Истекло почти два
часа с начала погони.
Преследователи минова-
ли несколько улиц, оста-
вили позади вокзал с
паутиной железнодорож-
ных путей, достигли ле-
са. Рассвело. Впереди бе-
жали Цезарь и его про-
водник. За ними, немно-
го отстав, еще двое сол-
дат с собаками. В лесу
движение замедлилось. Цезарь тяжело поводил
боками. Две другие собаки выбились из сил и
порывались лечь. Не меньше были утомлены и
солдаты.

Больм и Торп оставили автомобиль, который
подвез их к опушке, и тоже вошли в лес. Вско-
ре они нагнали проводников с ищейками. Вожа-
тый Цезаря обернулся.

— След все свежее, — прохрипел он, с тру-
дом переводя дыхание. — Мы настигаем их...

Он не договорил, споткнулся и грохнулся на
землю, выпустив поводок.

Больм и Торп продолжали путь. Вдруг они
услышали голос солдата.

— Глядите, — кричал он, указывая на зем-
лю, — глядите, за что я зацепился!

Контрразведчики подбежали. Солдат показал им высовывавшуюся из земли петлю белого блестящего шнура. Торп взял ее, осторожно потянул.

Через несколько минут из земли были извлечены три парашюта.

2

Бомбоубежище было заполнено до отказа. Воздушная тревога в глубокую ночную пору согнала сюда людей прямо с постелей.

В помещении стоял негромкий говор. При каждом разрыве, когда стены и сводчатый потолок убежища начинали гудеть, а крохотная угольная лампочка металась на длинном шнуре, говор ненадолго смолкал. И тогда было слышно, как в дальнем углу всхлипывает ребенок.

Ребенка, пятилетнюю девочку, держала на руках женщина с печальными глазами и скорбно опущенными углами рта.

— Спи, Рози, спи — говорила она, укачивая дочь. — Скоро всё кончится, и мы пойдем домой.

Сидевшая неподалеку старуха в больших роговых очках пододвинулась ближе, поправила на девочке плед, порылась в ридикюле и, вытащив дешевую конфетку, протянула Рози. Та качнула головой, закрыла глаза.

— Возьми, — сказала старуха и наставительно прибавила: — Раз взрослые дают, маленькие должны брать.

— Возьми, Рози, — прошептала мать.

Девочка взяла конфету, но есть не стала.

Старуха тяжело вздохнула и вытерла украдкой слезу. Бедные люди. Такая была чудесная

семья. Но вот хозяина взяли на войну, и теперь пришло письмо в конверте с траурной рамкой.

Старуха осторожно обняла соседку, притянула к себе.

— Вот так-то лучше, — пробормотала она, когда женщина привалилась к ее широкому теплему боку. — Попробуйте вздремнуть, милочка.

— Хорошо, фрау Штрейбер.

— Бедняжечка вы моя, — прошептала старуха. — Спите, спите...

На рассвете фрау Штрейбер, Рози и ее мать покинули убежище. Жили они неподалеку, на восточной окраине Остбурга. Фрау Штрейбер имела маленький домик, оставшийся после мужа, — на его покупку супруги Штрейбер копили деньги почти два десятка лет. Такой же домик, но несколько дальше, был у соседки.

Старуха проводила соседку с девочкой до калитки и ушла. Вскоре маленькая Рози была раздета и уложена в постель.

Прилегла и мать. Но сон не приходил. Слишком велика была усталость, слишком возбуждены нервы. Женщина лежала на спине, плотно смежив глаза, часто и глубоко дыша. Потом дыхание ее участилось, сделалось коротким, прерывистым, она откинулась на подушку и зарыдала.

Она долго плакала, прижимая к губам подушку, чтобы не потревожить дочь. Затем стихла, задремала.

Ее разбудил шорох в коридоре. Лизель — так звали мать Рози — открыла глаза, села в кровати. Шорох повторился — на этот раз громче. Теперь было ясно слышно, как скрипнула рама того самого окна, что находилось в конце

коридора и глядело в садик. Она затаила дыхание и отчетливо различила шум шагов.

Не помня себя от ужаса, Лизель соскочила с кровати, кинулась к двери, чтобы запереть ее. Но не успела. С той стороны нажали на дверь секундой раньше. Лизель оцепенела. Глаза ее были широко открыты, из прокушенной губы сочилась кровь.

— Лизель,— негромко сказали за дверью.— Лизхен!..

Женщина коротко вскрикнула, осела на подогнувшихся ногах.

— Герберт,— прошептала она, теряя сознание.

Герберт Ланге торопливо шагнул через порог, подхватил на руки жену.

3

Чрезвычайные обстоятельства вынудили Аскера идти в дом Ланге. Еще в Москве было решено: в этом доме не появляться. Ведь семья Ланге уже могла получить извещение о гибели Герберта. Правда, в своей супруге Герберт был уверен, она умела держать язык за зубами, но, даже если согласиться с этим и довериться Лизель, дом все равно мог бы стать для них ловушкой: там имелась еще и пятилетняя Роза. Одно неосторожное слово ребенка — на улице, в магазине, соседям, — и разведчики будут схвачены.

Но случилось непредвиденное.

Их самолет, шедший в общем строю, отвалил в разгар бомбежки в сторону и направился в район вокзала. Неподалеку находился лес. Над

ним, как это и было намечено, Аскер и Ланге выпрыгнули на парашютах. Приземлились удачно, быстро отыскивали друг друга и грузовой парашют с чемоданами, зарыли парашюты.

Теперь предстояло пробраться на вокзал, дожидаться утреннего поезда с востока и вместе с высадившимися из него людьми покинуть станцию. Аскер и Ланге направились к опушке леса. Но там оказалась позиция зенитной батареи. Они подались правее, однако и здесь путь был перекрыт — вдоль опушки тянулась изгородь колючей проволоки, за которой виднелась стена. Пришлось предпринять глубокий обход, пройти с десяток километров, прежде чем они оказались у цели.

Истекали последние минуты ночи, до вокзала оставалось несколько сот шагов, когда на пути вырос патрульный.

— Пропуск, — потребовал он.

Аскер и Ланге остановились.

— Мы на поезд, — сказал Аскер. — Мы солдаты и идем на вокзал.

— Пропуск! — упрямо повторил солдат.

— Послушай, — сердито сказал Ланге, — не будь дураком. Ну, откуда у нас пропуск? Мы с батареи, что позади, на опушке, идем к поезду, видишь — чемоданы. Берегись, — добавил он с угрозой, — я еду домой, и если опоздаю, дождусь, когда сменишься, и так тебя отделаю, что мать родная не узнает.

Неизвестно, что подействовало на солдата — слова Аскера или упоминание Ланге о зенитной батарее, но патрульный вдруг отошел в сторону и махнул рукой.

— Проходите, — устало сказал он. — Прохо-

дите, да поторапливайтесь, черт бы вас побрал. До поезда четверть часа, если не меньше.

Путь был свободен. Они медленно двинулись вперед. Аскер был раздосадован. Вот и первая неприятная неожиданность: их увидели выходящими из леса. Первая ниточка, которая может потянуться к контрразведке. Мелькнула мысль — убрать патрульного. Сделать это легко: вот он, почти рядом, в темноте смутно белеет его лицо. Одно движение и... Нет, тело не спрячешь. Да если б и удалось спрятать — солдата все равно хватятся. Начнутся поиски. Нет, нет, это — хуже! А так можно надеяться, что болтать не станет. Не в его интересах.

И Аскер с Ланге продолжали путь.

— Эй, — донеслось сзади, — эй ты, длиннорукий!

— Кажется, меня, — шепнул Герберт. — Ну, что надо? — крикнул он обернувшись.

— Ты эти угрозы побереги для другого, — сказал солдат. — А я на них плевать хотел. Я бы и сам почесал кулаки о чью-нибудь морду.

Не отвечая, разведчики ускорили шаг.

Спустя несколько минут они были на вокзале. Патрульный сказал правду. Почти тотчас же объявили о подходе поезда с востока. Аскер и Ланге вышли на перрон, оставив чемоданы под присмотром старушки, поджидавшей какой-то более поздний состав.

Поезд подкатил к платформе. Ланге остался на перроне, Аскер же взобрался в один из вагонов. Он торопливо прошел по коридору, будто кого-то разыскивая, затем вернулся к отделению проводников.

— Билеты, дружище, — сказал он слугите-

лю, занятому чисткой своего кителя. — Верните мне билеты.

— Билеты? — удивился тот. — Но я их давно роздал.

— Ага! — Аскер улыбнулся. — Их, значит, забрал мой спутник, обер-ефрейтор. Отдали ему, не так ли?

Проводник кивнул.

Аскер вытащил сигареты.

— Закурим на прощанье, Гейнц!

— Я Карл, а не Гейнц.

— Кури, Карл. Сигареты отличные.

Проводник взял сигарету. Аскер дружески кивнул ему и вышел. Сойдя на перрон, он запомнил номер вагона.

У чемоданов поджидал Герберт.

— Все в порядке, — сказал он.

— У меня тоже. — Аскер поднял чемодан. — Пошли.

По дороге он пересказал товарищу свою беседу с проводником.

Ланге сообщил:

— Выехали без опозданий. В Берлине сняли с предпоследнего вагона каких-то двух типов. Оба — штатские, один в синем пальто, другой в куртке серого драпа, на голове тирольская шляпа. Учтите: скандал был громкий, сбежался весь состав, потому и описываю так подробно.

В заключение Герберт показал два билета, подобранные им на перроне.

Все это требовалось на случай, если бы Керимову и Ланге пришлось доказывать, что они прибыли в Остбург по железной дороге.

Контрольный пост у выхода с вокзала миновали легко — пожилой солдат в очках полистал документы, мельком оглядел их владельцев и коротким кивком разрешил им идти. Стоявший рядом офицер, казалось, не обратил на них внимания.

Рассвело. Они вышли на площадь: Аскер, высокий, широкоплечий, тонкий в талии; Ланге — ниже ростом, грузнее, с сильными округлыми плечами, чуточку кривоногий; оба в поношенных военных мундирах, Ланге — с погонами обер-ефрейтора, Аскер — капрала, оба с простенькими чемоданчиками и шинелями через руку. Узнать Ланге было бы трудно — небольшая борода, усики с закрученными вверх концами, темные очки совершенно его преобразили.

Привокзальная площадь была невелика. Правое крыло ее занимало большое приземистое здание, расположенное по дуге.

— Пакгауз, — негромко сказал Ланге, перехватив взгляд товарища. — Военные грузы.

Аскер кивнул. Он узнал и стены темно-красного кирпича, и забранные массивной решеткой окна, и тяжелые металлические двери на роликах. Ланге был точен в своих описаниях города.

Слева, тоже по кривой, расположились три жилых дома с остатками плюща на стенах. Один из них — узкий, высокий, с узорчатыми окнами и замысловатыми балкончиками — устремил в небо длинный шпиль, плоский и иззубренный, как таран пилы-рыбы.

Здания охватывали площадь полуколыцлом. Там, где кольцо обрывалось, начиналась магистраль.

— Марианненштрассе? — спросил Аскер.

Ланге не успел ответить. Подошла женщина с саквояжем.

— Простите, — обратилась она к Аскеру, — как попасть на Гроссаллее?

— Пожалуйста, — поспешил с ответом Ланге. — Вот подходит трамвай. Это тот, что вам нужен. Четвертая остановка, и вы в центре. Там начинается нужная вам улица.

Женщина поблагодарила и направилась к трамваю.

Аскер оценил действия спутника. Да, видимо, он не ошибся в Герберте. Держится хорошо, спокоен, собран.

— И нам на этот трамвай, — сказал Ланге.

Они вошли в вагон. Народу было немного — женщина, что подходила к ним на площади, старик со свернутым пестрым пледом, несколько других пассажиров. Кондуктор, девушка в темных узких брюках, раздала билеты и устроилась у окна, раскрыв газету. Аскер прочитал название: «Остбургер цейтунг». Интересно, что там пишут. Текста он не мог разглядеть. Единственное, что ему было видно — это большая фотография: улыбающаяся физиономия в стальном шлеме, автомат в обнаженных по локоть руках. Фоном служили строения, охваченные языками пламени.

Аскер перевел взгляд на улицу, по которой бежал трамвай. Тротуары были пустынные. Редкие прохожие, надвинув шляпы и капюшоны, торопливо пересекали мостовую: начинался дождь. Старуха в дождевике силилась поднять железным крючком гофрированную штору магазина. Чуть дальше начинались развалины. Они занимали целый квартал. В пустые окна была

видна часть бетонного перекрытия, повисшего на прутьях арматуры. Мимо развалин прошагал патруль — унтер и двое рядовых с карабинами.

Аскер вздохнул и отвернулся. Из головы не выходил разговор с патрульным, встреченным ночью у вокзала.

Трамвай доехал до конца Марианненштрассе, свернул и оказался на окраине. Слева, вдали, катила свои волны Эльба. Впереди виднелись металлические кружева большого железнодорожного моста. Справа, на невысоком холме у кладбища, двумя рядами тянулись тополя.

Они были у цели. Где же домик сторожа? Ага, вот он, тотчас за оградой. Стен не видно, но ясно различима кровля волнистого железа.

Разведчики встретились взглядами.

— Он, — сказал Ланге.

Трамвай описал круг и остановился.

— Пошли. — Аскер подхватил чемодан.

По неширокому шоссе, выложенному камнем, они поднялись на возвышенность. Вокруг не было ни души. Вдали чуть погромохивал шедший обратным рейсом трамвай. Сторожка была совсем рядом. Из низкой трубы вился едва заметный дымок.

— Дома, — сказал Ланге.

— Можно идти. — Аскер усмехнулся: — С богом.

Попытался улыбнуться и Ланге. Улыбки не получилось.

— Спокойнее. — Аскер взял его под руку.

Вот и сторожка. Они поднялись по нескольким ступеням крыльца. Ланге коснулся подковки, висевшей на проволоке у двери. Где-то в глубине дома тоненько звякнуло. Послышались

шаги. Дверь отворилась. На пороге стояла девушка в комбинезоне и грубых ботинках с квадратными носами.

Старый сторож жил один, родных в городе не имел. Кто же эта девушка?..

— Здравствуйте, — сказал Аскер. — А где дядюшка Лотар?

Девушка всплеснула руками.

— Бог мой, вы его племянник?

— Смотри, какая хитрая, — улыбнулся Аскер: — сразу хочет все узнать.

— Племянник! — настаивала девушка.

— Да вы говорите толком. Где же дядюшка?

— Я и отвечаю: поехал к вам. То есть, к Гансу. Тот выписался из госпиталя, получил месяц отпуска на поправку. Дядюшка Лотар хотел было сразу и отправиться в Гамбург, но тут пришла телеграмма. Ганс написал, что выезжает сюда на денек и заберет его с собой. Вот он и ждал. А вчера заходит к нам, мы живем на хуторе, по ту сторону кладбища. «Эмма, — говорит, — этот бездельник запаздывает. А меня отпустили только на три недели. Так что, еду. А ты посиди у меня, погляди за домом. Если Ганс явится — гони его обратно в Гамбург. Я там его буду ждать».

— Вот так и бывает, — сказал Аскер, адресуясь к Ланге. — Жаль, что не застали. Что же делать? Пошли.

— А что передать дядюшке Лотару?

Аскер усмехнулся, погрозил девушке пальцем.

— А может, мы сделаем ему сюрприз? Возьмем — да и заявимся прямо в Гамбург!

— Ну, как знаете. — Девушка стрельнула

глазами на стройного капрала. — Зашли бы, отдохнули...

— Спасибо. — Аскер дружески помахал ей рукой.

Девушка долго стояла на крыльце, провожая их взглядом.

Некоторое время они шли молча. Прекратившийся было дождь, вновь заморосил, мелкий, холодный. Он будто висел в воздухе, покрывая крохотными капельками лицо, руки, одежду. Остановились, надели шинели. Когда Аскер вновь поднял свой чемодан, он показался гораздо тяжелее...

Ланге шел молча.

Аскер сказал:

— Сейчас будем звонить на завод, Шталекеру. Разговаривать с ним не надо — только убедимся, что он там. Потом решим, как быть.

— Понимаю. — Ланге помедлил, поднял глаза на Аскера. — Я немного волнуюсь... Что-то у нас не так пошло. Сразу не так... И солдат у вокзала, и старый Фиш. Угораздило же его. Ведь годами не трогался с места!..

— Бывает... Ну, идемте. Где здесь телефон?

— Будка возле остановки, чуть поодаль.

— Идемте, — повторил Аскер.

В будке Ланге набрал номер коммутатора завода. Телефонистка ответила.

— Третий цех, — сказал Ланге.

Через несколько секунд мужской голос сказал, что третий цех слушает.

— Пожалуйста, механика Отто Шталекера.

— Шталекер будет через два часа, — ответил голос.

— Простите, он дома?

— Работал в вечерней смене. Видимо, дома.
В трубке раздался щелчок.

Аскер и Ланге вышли из будки.

— К нему? — спросил Герберт.

— Да. Только прежде войду я. Неизвестно, кто там может быть еще, вдруг — ваш знакомый.

— Раннее же утро. Соседи — исключено. У них отдельный домик, живут обособленно.

— Все равно.

Вновь потянулись улицы. Аскер шел все так же неторопливо, не теряя из виду Ланге, двигавшегося шагов на сто впереди. Перекресток. Здесь поворот и через два квартала — нужный им домик.

На перекрестке стоял патруль. Офицер движением руки подозвал Ланге. Тот с готовностью подбежал, полез в карман, видимо, за документами.

Когда Аскер приблизился, Ланге уже возвращали бумаги.

Аскер подошел к патрульному, щелкнул каблуками.

— Тоже с востока? — спросил офицер.

— Да, господин лейтенант.

Офицер помедлил.

— Ну, как там?..

Аскер неопределенно повел плечом.

— Делаем все, что можем... Но мы еще покажем им!

— Ладно, — сказал офицер, и Аскеру почудилась досада в его голосе. — Идите!

Аскер сделал четкий поворот.

Еще квартал позади. Теперь уже недалеко. Вон там, впереди, маленький сквер, дальше пу-

стырь, а затем первый дом — с ним уже поровнялся Ланге. Ага, он переходит мостовую. Теперь должен дойти до конца улицы и, выждав немного, повернуть назад. За это время Аскер успеет побывать в доме. И если все благополучно, туда войдет и Ланге.

Но что это? У дома Шталекера стоит автомобиль! Странно. У механика не было машины. Откуда автомобиль? Чей?

Аскер подошел ближе. Это была большая легковая машина с откидным верхом. За рулем сидел солдат. Вот отворилась дверь дома. Вышли еще двое военных — офицеры. Шофер выскочил из автомобиля, принял из их рук чемоданы, отпер багажник. Откуда-то из глубины цветничка, которым был окружен дом, доносился надсадный лай собаки...

Что здесь произошло? Неужели Шталекер провален, и теперь в доме хозяйничают фашисты? Похоже, что так оно и есть. Но вот в дверях дома появляется женщина. Судя по описаниям Герберта — это жена Шталекера, Берта. Она улыбается, машет офицерам рукой, те отвечают. Как же может вести себя так жена антифашиста, который взят, сидит где-нибудь в гестапо? И еще: почему по телефону ответили, что Отто Шталекер придет на завод через два часа?.. Что-то здесь непонятно. Но ясно одно: идти сюда нельзя.

Эти мысли вихрем проносятся в голове, пока Аскер проходит мимо дома. Все время он не теряет из виду товарища. Тот замедляет шаги. Теперь они гораздо ближе друг к другу. И вдруг Ланге торопливо сворачивает в боковую улочку. Да, да — торопливо, Аскер это ясно ви-

дит. Почти тотчас появляются двое мужчин. Чем же они так напугали Ланге?

...Через несколько минут Аскер и Ланге сидят на скамеечке в сквере, дымя сигаретами. Для женщины, которая катит мимо колясочку с ребенком, это — два солдата, занятые ленивой беседой. Если б знала она, что сейчас у них на душе!

— Это были рабочие, двое знакомых парней с завода, — шепчет Ланге. — Обомлел, когда их увидел. На всякий случай решил свернуть...

— Ну, они бы вас не узнали, — успокаивает Аскер.

— Все же... Что будем делать? — в голосе Герберта тревога.

— Покурим, — говорит Аскер. — Подумаем.

— Выход один!

Аскер не отвечает. Он знает, что имеет в виду Ланге. Но это опасно, очень опасно. Если бы не дочь Герберта!..

А время идет. Надо решать.

— Выход один, — повторяет Ланге, зажигая новую сигарету.

— Но ваша дочь?

— Это я устрою!

— Как?

— Мы не покажемся ей на глаза.

Мимо проходят трое — мужчина и две женщины. Одна из них с любопытством оглядывает сидящих, что-то говорит подруге. Обе смеются.

Аскер напряженно размышляет. Быть может, отправиться на третью явку — ту, что на самый крайний случай? Но туда надо ехать поездом, они же — только с вокзала, их видели там патрульные, которых, вероятно, еще не успели

сменить. И потом на третью явку может идти только он один. А как же Герберт?

Снова прохожие. Один отделяется, идет к скамье.

— Нет ли огонька?

Аскер молча достает зажигалку. Ланге сидит, будто окаменев.

И Аскер решается:

— Идемте!

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

1

Стоя в конце коридора, Аскер видел, как Герберт успокаивал плачущую жену.

— Ну, перестань, перестань, — бормотал он, глядя ее волосы, вытирая платком глаза, щеки.

— Как... как это случилось? — шептала женщина. — Ведь ты...

— Случилась ошибка. Бывает же, правда?

Женщина кивнула. Она немного пришла в себя, и теперь лишь изредка судорожно всхлипывала.

— Рози? — негромко сказал Герберт.

— Ой!.. Ты же не видел еще ее!

Лизель хотела было идти в комнату. Герберт взял ее за руку.

— Мне нельзя к ней.

— Почему, Герберт?

— Объясню после. Пока запомни: Рози не должна знать, что я приехал. Ни Рози, ни родные, ни соседи. Никто, поняла?

Женщина растерянно кивнула.

— Никому ни звука. Ни обо мне, ни о моем товарище. Мы приехали тайно, по особому поручению. Очень важное поручение для Германии, понимаешь?

Лизель снова кивнула.

— Роза спит?

— Да, бедняжка только недавно уснула. Мы провели такую ночь!..

— Слушай меня внимательно, Лизель. Мы пройдем на кухню. Ты разбудишь Розу, оденешь и отведешь к твоей матери. Надеюсь, она здорова?

— Да, Герберт.

— Очень хорошо. Отведи девочку и оставь у бабушки. Скажи, что будешь занята, мобилизована или что-нибудь в этом роде. Словом, Роза должна пробыть там два дня, поняла? И быстрее возвращайся.

— Хорошо, Герберт.

— Только еще раз предупреждаю: о нас — ни одной живой души. Ведь я пропал без вести, да? Ты такое письмо получила?

— Да.

— Ну, вот и хорошо. Пропал, значит пропал. Подошел Аскер.

— Меня зовут Краузе. Курт Краузе. Мы приехали вместе. Я друг вашего мужа. Он так взволнован встречей с вами, что забыл представить...

— Лизель, — сказал Ланге, — Курт Краузе мой самый большой друг. Знай: мы с тобой обязаны ему тем, что я сейчас здесь. Да и вообще...

— Спасибо вам! — Лизель порывисто протянула руку. Аскер пожал ее.

— У меня к вам просьба, фрау Лизель, —

сказал Аскер. — Вы должны вести себя так, будто ничего не произошло. У вас покраснели глаза. Освежитесь, успокойтесь. А уж потом уходите.

Аскер и Ланге прошли в кухню. Сначала они слышали журчание воды в умывальнике. Затем раздались торопливые шаги Лизель. До них донесся ее голос и лепет девочки. Прошла еще минута. Вот хлопнула входная дверь, и в доме стало тихо.

Герберт и Аскер вышли в коридор, приникли к окошку, чуть отодвинув занавеску. По дорожке шла Лизель, ведя за руку Розы. Аскер скосил глаза на товарища. У Ланге были плотно сжаты губы, дрожал подбородок.

Аскер обнял его.

— Хотите сигарету?

Ланге кивнул. Покурили, сидя на стареньком диванчике. Аскер поднял глаза и увидел на стене портрет Герберта, увитый траурной лентой.

— Совсем как у Марка Твена, — пошутил он, чтобы разрядить обстановку. — Почти что присутствуете на собственных похоронах.

Ланге встал, шагнул к портрету.

— Не трогайте!

Ланге остановился, озадаченно поглядел на товарища. Сообразив, кивнул.

— И жене скажите, когда придет.

— Понимаю...

Они прошли в ванную. Умывшись, вернулись в комнату.

Аскер сказал:

— Придет Лизель, попросите ее сходить к Шталекерам домой. Никаких разговоров: про-

сто — зашла, чтобы проведать подругу. Пусть попытается узнать, что за люди были в доме, что там произошло.

— Быть может, сперва позавтракаем? Наверное, голодны? Да и я, признаться, не прочь...

— Не мешает, — согласился Аскер, у которого давно сосало под ложечкой.

Вскоре вернулась Лизель. Она сообщила: бабушка очень обрадовалась внучке. Девочка пробудет у нее три дня.

— А теперь завтракать, — сказал Ланге. — Придумай что-нибудь, Лизель.

Женщина опустила голову, поджала губы.

— Понятно, — сказал Герберт. — Но я уверен, кое-что найдется в моем чемодане. Иди, Лизель, распакуй тот, что побольше.

Лизель просияла и выбежала из комнаты.

— Хорошая она у вас, — тихо проговорил Аскер.

— Еще бы! — Ланге поднял на Аскера счастливые глаза. — А вы? Ваша жена... — Он не договорил, увидев, что товарищ чем-то озабочен.

— Передатчик! — негромко сказал Аскер.

Ланге кивнул, открыл чемодан Аскера. На дне чемодана был небольшой металлический ящик, Ланге извлек его. Затем он и Аскер прошли на кухню. Лизель возилась у плиты, ставя на газ воду.

— Скажи, Лизель, помойное ведро — это то, что стоит в углу у раковины?

— Да, Герберт. — Женщина улыбнулась. — Ты же знаешь, оно всегда там стояло.

— Всегда, ты права. — Ланге направился к ведру.

— Но зачем оно тебе, Герберт? Уж не думаешь ли ты выносить его сам?

— Да, Лизель. Буду выносить все время, пока мы здесь, в Остбурге. Ты же не должна к нему прикасаться. Лей и швыряй в него все, что вздумается, но — не трогай его, поняла?

— Нет, Герберт...

— Лизель, — сказал Ланге, указывая на ящик, — эта штука очень для нас с тобой дорога.

— Это золото, Герберт? — шепотом спросила женщина.

— Ценнее, чем золото. Поняла?

— Да, — неуверенно произнесла Лизель.

— Ну, вот и хорошо. Я хотел оставить его в чемодане, но потом рассудил, что так будет опасно.

— Опасно, Герберт?

— Представь, что в квартиру проникли воры. Куда они прежде всего полезут? Конечно же, в чемоданы.

— Сейчас много воров, Герберт. Совсем недавно, третьего дня, обокрали квартиру по соседству. Вынесли буквально все.

— Вот видишь! Ну, а какому вору взбредет в голову искать ценности на кухне, да еще в помойном ведре?

— Да, Герберт, ведро ему было бы ни к чему.

— Значит, решено. Гляди, я опускаю ящик в ведро.

Женщина кивнула, хотя все еще плохо понимала мужа.

— Гляди, Лизель, как ловко — он совершенно скрылся под картофельными очистками.

— Ящик так и будет находиться в ведре?

— Да, там ему ничего не сделается. Футляр устроен так, что не пропускает воду. А когда будет надо, мы его вынем и ополоснем... Только, Лизель, о ящике никто не должен знать. Ни одна живая душа. — Ланге усмехнулся. — Если, конечно, не хочешь, чтобы меня затаскали по всяким учреждениям: откуда взял, да как, да что.

— Все будет так, как ты скажешь, Герберт.

— Вот и отлично. Торопись с завтраком, Лизель. Мы так голодны, что, кажется, съедем друг друга.

— Лизель, ты все еще дружна с Бертой Шталекер, не так ли? — спросил Ланге, когда с едой было покончено.

— А как же, Герберт! Она очень хорошая, Берта.

— Что она, здорова?

— Я видела ее позавчера. Здорова, но очень ей достается.

— Не пойму. Они же одни с Отто? Детей-то нет.

— Нет детей, есть взрослые нахлебники.

— О ком ты?

— Офицеры у них живут. Два офицера. Гостиницу ведь разбомбили. Вот к ним и определили двоих. И стирай на них, и готовь. — Лизель вздохнула. — Правда, сегодня, кажется, должны были уехать.

Ланге шумно перевел дыхание. Не смог сдержать вздоха и Аскер.

Он сказал:

— Мы хотим попросить вас отправиться к Берте Шталекер. Поговорите с ней, поинтересуйтесь, будут ли у них жить другие офицеры. О нас, разумеется, ни слова.

— Сейчас?

— Пожалуйста. Только не задерживайтесь. Мы ждем вас.

Лизель вновь покинула дом.

Когда она вернулась, Герберт заканчивал бритье. Аскер дремал, положив голову на руки: дали себя знать события минувшей ночи и то, что произошло в первые часы их пребывания в городе. Скрипнула дверь. Аскер вскочил на ноги.

— Это я, — сказала Лизель. — У Шталекеров все в порядке. Берта одна в доме. Гостей больше не предвидится.

— А Отто? — спросил Ланге.

— Он на заводе.

И Лизель принялась стаскивать плащ.

— погоди раздеваться. — Герберт подошел, ласково коснулся руки жены. — Очень устала?

— Нет, что ты!

— Тогда придется выйти из дома еще раз. Но это — в последний.

— Присядьте, фрау Лизель, — сказал Аскер. — Значит, так. Мы просим вас позвонить на завод... Но все по порядку. Звонить надо не из аптеки или, скажем, из магазина. Только из будки, чтобы вас не слышали посторонние, поняли?

— Да.

— Из будки, — повторил Аскер. Он обернулся к Герберту. — Теперь говорите вы.

— Звони по тому же номеру, что и ко мне, когда я работал на заводе. Номер помнишь?

— Конечно, Герберт.

— Но проси на коммутаторе не седьмой цех, а третий. Запомни: третий цех. И, когда ответят, скажешь, чтобы позвали к телефону механика Отто Шталекера.

— Третий цех, механика Отто Шталекера, — повторила женщина.

— Ему, то есть Отто, скажешь: «Говорит Лизель. Вы мне нужны по срочному делу. Жду вас у ворот завода через пятнадцать минут».

— Поняла.

— Подъедешь туда, встретишь его и объяснишь, что я вернулся, и Отто должен немедленно после работы прийти к нам домой. И пусть он никому не говорит об этом. Все поняла?

— Да, Герберт.

— Ну, отправляйся.

Лизель в третий раз покинула дом.

Для Аскера и Ланге вновь потекли минуты томительного ожидания.

2

В одиннадцать часов дня лаборатория, производившая по заданию абверштелле анализ найденных в лесу парашютов, дала заключение: шелк советского производства.

Несколько позже из Гамбурга прибыли авиационные эксперты. Они заявили: предъявленные парашюты — русские.

В середине дня оперативные группы абвера закончили исследование района, где были обнаружены парашюты. Поиски результатов не дали. В числе многих допрошенных был патрульный, останавливавший Ланге и Аскера на пути

к вокзалу. О своей ночной встрече солдат умалчивал, боясь, что ему нагорит. Однако позже он под большим секретом рассказал обо всем дружку. Тот оказался осведомителем армейской контрразведки и об услышанном немедленно донес абверофицеру, у которого находился на связи.

Патрульного арестовали. Он показал: один из встреченных ночью военных упомянул о зенитной батарее на опушке леса, утверждая, что идет оттуда.

Немедленно был опрошен командир батареи. Он заявил, что в указанное время ни один солдат или офицер не покидал огневой позиции. Все были на местах, ибо часть ночи подразделение вело огонь по самолетам русских, а затем приводило в порядок орудия и приборы.

Установив все это, шеф абвера штандартенфюрер Больм вызвал помощника, штурмбаннфюрера¹ Бруно Беккера. В кабинет вошел невзрачный человек с массивной челюстью, непрестанно двигавшейся, будто ее обладатель все время что-то жевал. В вечном движении находились и руки Беккера, точнее — его пальцы, длинные, гибкие, тонкие. Они то ласково поглаживали друг дружку, то беспокойно ощупывали портупею или борт мундира, то короткими торопливыми движениями разминали сигарету, если Беккер собирался закурить.

Беккер был умен, хитер и умудрен большим жизненным опытом. Карьеру, как он сам любил говорить, он выстрадал, начав с рядового

---

¹ Штурмбаннфюрер — чин в учреждениях СС, соответствует майору.

детектива в криминальной полиции во времена, когда еще и не пахло нацистами. Своего начальника штандартенфюрера Больма он считал образцом контрразведчика и стремился во всем ему подражать.

— Ну, — сказал Больм, — докладывайте, Беккер, да поживее.

— Вы имеете в виду дело с парашютами, господин штандартенфюрер?

— Его, Беккер, что же другое? Парашютов было три. Полагаете, надо искать троих?

— Один или два парашюта могли быть грузовыми, — осторожно сказал Беккер. — Один уж во всяком случае.

— Резонно. Вот и патрульный показал: ночью из леса вышли двое. Однако никто не поручится за то, что не прилетели трое. Один, отделившись от партнеров, мог уйти в другом направлении. Искать троих, Беккер!

Штурмбаннфюрер наклонил голову в знак того, что согласен с шефом. Однако в действительности он придерживался другого мнения. Приземлиться ночью в незнакомом лесу и ночью же идти на станцию — это было слишком рискованно, вряд ли пошли бы на такой риск вражеские разведчики. Пальцы Беккера задвигались и осторожно ощупали край стола, возле которого он стоял.

— Все это хорошо, — проговорил он, — если только...

— Говорите, Беккер. — Больм выпрямился в кресле, выжидательно поглядел на подчиненного.

— Если только те два солдата действительно были парашютисты...

— По-вашему, в этом можно сомневаться?

— Они солгали, сказав, что идут с батареи. Но... разве это доказательство? Разве другие солдаты, оказавшись на их месте и при сходных обстоятельствах, не поступили бы точно так же? Почему не предположить, что их ответ был продиктован стремлением отвязаться от длительной проверки и не опоздать на поезд? Я навел справку: в тот день из близ расположенных частей уволено в отпуск более десятка людей. Солдаты и унтер-офицеры.

Больм неопределенно повел плечом. Беккер продолжал:

— Разумеется, солдат, прибывших в Остбург вчера и сегодня, мы проверим. И я сказал о своих сомнениях лишь для того, чтобы мы не ограничивались поисками этих двух... Вы понимаете меня, господин штандартенфюрер?

— Да, — сказал Больм. Помолчав, он задумчиво прибавил: — Однако при всех обстоятельствах это не те, кого мы ждем...

— Почему же?

— Потому что гости должны быть из Карлслуста, а это всего полтора-два километра, и ни один здравомыслящий человек не станет покрывать такое расстояние на самолете.

— А если они прямо с востока? — Беккер наклонился вперед, вцепился пальцами в край стола. — Что, если один из них — тот самый парень?..

— Георг Хоманн?

— Да!

Больм поджал губы.

— Это было бы слишком большой удачей!

— Но почему не быть удаче, если она подготовлена кропотливым трудом, господин штандартенфюрер! Вспомните, чего нам стоила эта операция!..

— Труд был огромный, — вздохнул Больм.

— Я уверен, мы на верном пути, — продолжал Беккер. — А если наши выводы верны, и один из них перебежчик Хоманн, то им не миновать «Зеленого».

— Стоп! — Больм встал, обошел стол и приблизился вплотную к Беккеру. — Сейчас же связаться с «Зеленым»!

— Все уже сделано, — улыбнулся Беккер, взглянув на часы. — Встреча состоится сегодня. Что касается других мероприятий, то вот перечень. — Он положил на стол лист бумаги.

Вернувшись к себе, Беккер вызвал штурмфюрера Адольфа Торпа, занимавшегося расследованием кражи в банке. Тот не мог сообщить ничего утешительного. След воров затерялся по ту сторону леса, на шоссе. Очевидно, там их ждал автомобиль.

Беккер распорядился, чтобы расследование хищения в банке было передано другим работникам, а Торп занялся парашютистами.

В абвер доставили списки лиц, прибывших в город за последние двое суток. Беккер и Торп просмотрели их без особого интереса. В глубине души они не верили, что те, кем они интересуются, будут регистрировать свое появление в Остбурге.

Первой в списке значилась группа военнослужащих, выписанных из госпиталя и получивших отпуск для окончательной поправки. Их было семеро. В комендатуру они явились вместе,

некоторые в сопровождении жен. Двух из них работники комендатуры знали как местных жителей. Большм повертел список и решительно вычеркнул всех семерых. Далее значились двое коммерсантов из Берлина, еще один коммивояжер, имеющий постоянное жительство в Гамбурге, и монахиня.

Офицер, доставивший списки, пояснил: берлинские коммерсанты — старики, каждому перевалило за шестьдесят; гамбуржец ездит в Остбург четвертый год, он торгует мелкой галантереей, и его здесь многие знают. О монахине же и говорить нечего.

Заинтересовали Беккера два солдата, прибывшие утреним поездом. Контрольный пост на вокзале, естественно, не записал их фамилии, но запомнил, что такие были. Ни тот, ни другой не явились в комендатуру, чтобы отметить-ся и получить полагающееся продовольствие.

— Почему? — спросил Беккер, делая пометку на листке.

Торп пожал плечами.

— Мало ли что? Может, сидят дома и пьют, а завтра явятся. Или даже сегодня — день-то ведь не закончен.

Беккер отложил списки, решив вернуться к ним позже.

3

С того момента, как Лизель отправилась на поиски Отто Шталекера, истек час. В ожидании ее Аскер, растянувшись на диванчике, отдыхал. В сознании постепенно восстанавливалось все то, что обрушилось на них с первых же минут пребывания в Остбурге — вся цепь неожиданных

осложнений, нарушивших планы, которые, казалось, были составлены так тщательно. Случайность, внезапный поворот событий, и они на грани провала... Где же фрау Лизель, удалось ли ей встретиться со Шталекером, или и на этот раз возникло какое-нибудь препятствие, осложнив и без того трудное положение, в котором они оказались?

Как бы в ответ на эти мысли по гравию дорожки зашуршали шаги. Щелкнул замок — Лизель всякий раз уходя из дому, запирала мужа и его товарища.

Мужчины поднялись ей навстречу.

— Все хорошо, Герберт, — сказала женщина, снимая шляпку. — Звонила из той будки, что возле кино, ты ее помнишь, конечно... С Отто встретилась неподалеку от завода. Он был очень удивлен и обрадован. Хотел было расспросить подробнее, но я сказала, что он все узнает, когда придет. Конечно, предупредила, чтобы никому ни слова.

— Придет сегодня?

— Он кончает работу в пять. Явится прямо с завода.

— Спасибо, Лизель. — Ланге расцеловал жену. — Ты у меня такой молодец!

— Молодец, — сказал и Аскер.

Лизель зарделась.

Вскоре все трое сидели за столом. Лизель разлила суп, принесла графин с рюмками.

— Тут совсем немного, — сказала она, взглянув на мужа и виновато улыбнувшись. — Осталось с тех пор...

Аскер понял: с того дня, когда ушел на военную службу Герберт Ланге.

— Крепко же ты ее хранила, — пробормотал Ланге.

— Я ждала, — прошептала Лизель.

Она разлила водку. Две рюмки оказались полные до краев; третью — налитую до половины — Лизель придвинула к себе.

Герберт удивленно глядел на жену: она никогда не прикасалась к спиртному.

— Сегодня я выпью с вами... — едва слышно сказала она. — Я не могу не выпить, Герберт. Я бы хотела, чтобы этот день...

Лизель не договорила. Внезапно она уронила голову на руки, истерически разрыдалась. Начался сильный нервный припадок: сказались бессонные ночи в убежище и приезд мужа, которого она уже оплакивала, считая погибшим.

Герберт кинулся к жене, подхватил ее на руки, отнес на кровать.

Аскер вышел в коридор, притворил за собой дверь.

Лизель рыдала все громче. Из комнаты выбежал Герберт.

— Умирает, — прохрипел он, — глаза закатили, бьется, пена изо рта!.. Надо врача. Телефон за углом!

И, прежде чем Аскер успел что-либо сказать, кинулся вон из дома.

— Стой, — крикнул Аскер, — пойду я!..

Но Ланге не слышал. Он словно обезумел.

Лизель продолжала кричать и метаться в кровати. Аскер беспомощно стоял над ней. Сообразив, сбегал к умывальнику, принес смоченное в воде полотенце, положил ей на лоб. Затем отыскал в шкафу велерьянку, накапал в стакан и с трудом заставил Лизель сделать глоток.

Прошло несколько минут. Женщина стала успокаиваться. Рыдания звучали глуше. Обессиленная, она лежала неподвижно, лишь изредка конвульсивно вздрагивая.

...Четверть часа минуло, а Герберта нет. И Аскера вдруг охватила щемящая тоска. Где он? Почему задержался?

Выйдя из комнаты, Аскер взволнованно заходил по коридору.

В доме стояла тишина, прерываемая лишь редкими всхлипываниями Лизель, едва доносившимися из-за прикрытой двери. Аскер поежился, непослушными пальцами достал сигарету, зажег спичку.

Еще минут пять прошло. Теперь Аскер уже не сомневался: что-то случилось. Надо уходить. Он должен уйти. Уйти, пока не поздно!

Но минута проходила за минутой, а он все стоял, не в силах сдвинуться с места: еще теплилась какая-то надежда...

За окном слышались голоса. Аскер чуть отодвинул занавеску. К дому медленно, тесной группой приближалось несколько мужчин; казалось, они что-то несут.

— Сюда, — сказал один из мужчин. — Я видел, он выскочил из этого дома.

У Аскера кольнуло в сердце. Он часто задыхался, лоб его стал влажным...

В дверь постучали.

— Кто там? — спросил он и не узнал собственного голоса.

— Откройте, — сказали из-за двери. — Откройте, случилось несчастье.

Аскер рванул дверь, рванул еще и еще. Поняв, что она заперта, нащупал и с грохотом ото-

двинул засов. Дверь распахнулась. Четверо мужчин держали на руках Герберта Ланге — неподвижного, бледного, в грязном изорванном мундире.

Люди протиснулись в коридор.

— Куда его? — спросил один из мужчин, обратив к Аскеру напряженное лицо с закушенной губой. По тому, как был задан вопрос, Аскер понял, что Ланге мертв.

Пятясь, Аскер отступил к двери в спальню, привалился к ней спиной.

Тело внесли в кухню. Аскер видел, как его устраивали на сдвинутых вместе табуретах, как одна из рук Ланге, сложенных на груди, вдруг скользнула вниз и ударилась кистью о пол...

В кухне негромко разговаривали. В коридор донеслись обрывки фраз: «Бежал сломя голову, через улицу... Из-за угла грузовик...»

За спиной Аскера, в спальне, скрипнула кровать, послышался шорох.

Аскер подавил крик. Он понимал: смерть Ланге — это почти неминуемая катастрофа для него, разведчика, оказавшегося в этом чужом городе без крова и связей. Умер Ланге — значит, с минуты на минуту явится полиция и сотрудники военной комендатуры. А сейчас в коридор выйдет Лизель и увидит то, что случилось с ее мужем, только полчаса назад здоровым, полным жизни!

За дверью спальни раздались нетвердые, шаркающие шаги. Аскер отпрянул в сторону, круто обернулся. Увидел: ручка двери медленно поворачивается.

Он метнулся к вешалке, сорвал с нее пилотку и шинель и кинулся вон из дома,

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

1

Лизель вернулась с похорон мужа совершенно разбитая. Соседка, крепко держа ее под руку, довела до дому, усадила, дала стакан воды. Потом она ушла.

Позвонили. Лизель отперла. На пороге стояли штурмбаннфюрер Бруно Беккер и штурмфюрер Адольф Торп. За ними маячил солдат с большим пакетом.

— Фрау Ланге, — сказал Беккер, сняв фуражку и поклонившись, — нас прислал сюда господин военный комендант Остбурга. Господин военный комендант соболезнует, он скорбит по поводу преждевременной смерти обер-ефрейтора Герберта Ланге. Солдат Ланге был примерным воином, хорошо выполнял свой долг перед фюрером и нацией, и сейчас вермахт склоняет знамена над его прахом.

Произнеся эту тираду, Беккер снова поклонился. Торп, у которого была забинтована шея и скула, последовал примеру начальника. Солдат стащил с головы пилотку.

Женщина посторонилась. Военные прошли в дом. Они разместились в гостиной полукругом — Лизель в центре, Беккер и Торп по бокам. Солдат положил сверток на край стола и вышел в коридор.

Хлопнула входная дверь. Это пришла соседка, старая фрау Штрейбер. С достоинством кивнув военным, она уселась рядом с хозяйкой.

Воцарилось молчание. Беккер прервал его, испустив вздох и откашлявшись. Затем, как бы думая вслух, он сказал, обращаясь к спутнику:

— А ведь этого могло и не быть.

— Что поделаешь, такова, значит, судьба, — возразил Торп.

— Судьба! — Беккер горько усмехнулся. — Судьба тут ни при чем. — Пальцы его задвигались, ловко распустили узлы бечевки на свертке. — Фрау Ланге, примите этот небольшой знак внимания господина военного коменданта. Здесь немного консервированного молока, а также масло, сахар и варенье. Дочери и вам это будет очень кстати.

Женщина чуть наклонила голову и вновь застыла в неподвижности, с глазами, устремленными куда-то поверх головы штурмбаннфюрера.

Обращаясь к Беккеру, Торп сказал:

— Вы утверждаете, что судьба тут ни при чем? Но я не понимаю вас. Ведь это был лишь несчастный случай. Внезапно вынырнул из-за угла грузовик и...

— Грузовик! — Беккер сердито поджал губы. — Если бы капралу, который прибыл вместе с супругом фрау Лизель с фронта, не захотелось вдруг водки, господин Ланге был бы сейчас жив и здоров.

— Так Ланге бежал за выпивкой для гостя? — воскликнула фрау Штрейбер.

— Разумеется, — снисходительно пожал плечами Беккер. — Этот парень неисправимый пьянчуга. Алкоголик.

— О! — воскликнул Торп.

— Я слышала, у них бывают запои, — испуганно проговорила фрау Штрейбер.

— Именно это с ним и случилось в тот несчастный день, — кивнул Беккер. — Вы очень точно определили, сударыня,

— И что же произошло дальше? — задал новый вопрос Торп.

— Дальше? — Беккер помолчал. — Дальше случилось вот что. Когда Ланге отправился на рынок, капрал выбежал за ним, окликнул. Ланге как раз переходил улицу. Он обернулся. Гость стал просить, чтобы тот взял побольше спиртного. Тут-то и вынырнул из-за угла грузовик!..

Вновь наступило молчание. Его нарушали лишь вздохи соседки.

Беккер продолжал:

— Но и это не все. Знаете, что сделал этот человек, когда под колесами пятитонки хрустнули кости его фронтового товарища? Вы думаете, попытался остановить какой-нибудь автомобиль и отвезти господина Ланге в больницу? Ничуть не бывало. Он поспешил в дом, вытащил все самое ценное из своего чемодана, затем из чемодана Ланге и был таков.

При этих словах Лизель вскочила на ноги, с грохотом свалив стул. В глазах ее был ужас. Поддерживаемая соседкой, она прошла в спальню, где были чемоданы. Беккер спокойно глядел ей вслед. Пока хоронили Ланге, контрразведка поработала в доме покойного, и штурмбаннфюрер знал, что хозяйка найдет чемоданы пустыми.

Раздался короткий женский вскрик. Беккер и Торп были удивлены — он донесся не из спальни, где, они, знали, находились чемоданы, а из кухни.

В столовую вошел солдат, поманил их пальцем. Контрразведчики встали. Солдат подвел их к двери в кухню. Беккер и Торп увидели женщину, склонившихся над помойным ведром.

— Пустое! Оно пустое, фрау Штрейбер, — в отчаянии восклицала Лизель.

— Пустое, милочка, потому что я сама его опорожнила сегодня утром, — отвечала соседка.

— И... там ничего не было?

Фрау Штрейбер с тревогой посмотрела на Лизель.

— А ящик?.. Маленький черный ящик вы там не заметили? — прошептала Лизель.

— В ведре? — Соседка вытаращила глаза.

— Да! — Лизель упрямо качнула головой. — Ящик был! Герберт так берег его. Он сказал, что в нем много ценностей.

— Но почему тогда их швырнули в это ведро?

— Спрятали, фрау Штрейбер, спрятали, а не швырнули. Это сделал Герберт. Он объяснил: если в дом заберутся воры, они будут искать везде, но никому не придет в голову лезть в помойное ведро.

— А кто знал, что ящик в ведре?

— Герберт и... Краузе.

— Подлый негодяй! — Фрау Штрейбер гневно выпрямилась.

Лизель заплакала. Фрау Штрейбер помогла ей встать.

Беккер коснулся плеча Торпа. Абверовцы

скользнули в гостиную. Минутой позже туда вернулись женщины.

— Господин офицер, — сказала соседка, — вы были правы, фрау Ланге действительно обокрали. И я уверена, это Краузе, который прикидывался другом Герберта. Я буду молиться, чтобы вы нашли вора и примерно наказали.

— Это составляет и наше желание, — ласково сказал Беккер. — Совершив кражу, он, очевидно, скрывается. Но где? Уважаемая фрау Ланге, помогите нам. Вспомните, какие он называл адреса, фамилии? Что предполагал делать, чем собирался заняться?..

— Не знаю... Ничего не знаю, ведь он так мало пробыл у нас...

— Ну, а ваш муж? Капрал Краузе мог поделиться с ним планами. Герберт Ланге ничего вам не рассказывал?

— Ничего...

— Вспомните, — настаивал Беккер.

— Не могу — Лизель с гримасой боли коснулась лба. — Здесь будто раскалывается. Ничего не помню...

— Фрау Ланге, — вмешался Торп, — этот тип может вернуться. Надеюсь, вы не останетесь в квартире одна? Надо, чтобы кто-то мог сообщить нам.

— Что вы, что вы! — Соседка замахала рукой. — С бедняжкой день и ночь нахожусь я. Все сделаю, будьте покойны!

— Вы и вчера были с фрау Ланге? — спросил Торп.

— Разумеется.

— Весь день?

— Да.

— И... кроме вас, никого? Никто из знакомых не считал нужным явиться и выразить вдове свое соболезнование?

— Почему вы так думаете, господин офицер? Здесь все время люди.

— А вчера в послеобеденное время тоже были посетители?

Старуха кивнула.

— Да, человек десять.

— Кто же такие?

— Я их не знаю.

— Ну, а вы, фрау Ланге?

Лизель пожала плечами.

Беккер и Торп переглянулись, встали.

— Прощайте, фрау Ланге, — сказал Беккер. — Мы к вам еще зайдем.

Выйдя из дома, контрразведчики сели в поджидавший их автомобиль.

— Ну, — произнес Беккер, снисходительно глядя на спутника, — что вы теперь скажете?

Торп значительно улыбнулся.

— То-то же. Запомните: всегда добиваешься большего, когда действуешь исподволь, мягко... Допросив ее в обычном порядке, мы бы не много узнали. Верно, Торп? Она бы озлобилась, замкнулась и — дело с концом.

— Но все же не установлено главное. Мы не знаем, где прячется этот человек.

— Зато всплыла история с ящиком в ведре. Ящик! Что в нем могло быть, Торп?

— Поначалу я думал, взрывчатка.

— Чепуха. Будь это даже самая сильная взрывчатка, ее едва бы хватило на то, чтобы поднять на воздух какую-нибудь кузню... Нет, то была не взрывчатка!

— Тогда оружие?

— Но какое оружие можно запаковать в маленький ящичек? Разве что пистолеты или ножи. — Беккер сделал паузу и закончил: — Это была радиостанция, Торп.

— Во что бы то ни стало надо установить, кто был на квартире покойного вчера после обеда, примерно между семью и восемью часами вечера.

— Не понимаю?

— Вчерашняя встреча с тем человеком произошла именно в семь часов — и неподалеку от дома Ланге. Я сразу почувствовал: он выглядит подозрительно и здесь не случайно. Пошел следом и...

— Дальше известно. Так вы думаете, они связаны?

— Кто знает? Но судите сами, господин штурмбаннфюрер. Внезапная смерть Ланге автоматически разоблачила и его самого и спутника. Поэтому-то Краузе стремительно покинул дом покойного, а затем действовал столь решительно, когда почувствовал за собой слежку. И я спрашиваю себя: почему этот несомненно опытный и умелый разведчик идет на такой страшный риск, как появление в районе дома Ланге? И отвечаю: потому что Краузе хотел во что бы то ни стало заполучить оставленную рацию, которую он не смог вынести раньше.

— Смелая версия.

— Смелая, — согласился Торп. — Смелая, но единственно приемлемая. Если, конечно, в том ящике действительно был передатчик. Однако я не кончил. Краузе слонялся неподалеку от дома, а в самом доме находился кто-то из его зна-

комых. Можете вы поручиться за то, что Краузе не попросил кого-нибудь отправиться к вдове Ланге со специальной целью — изъять тот самый металлический ящик?

— Нет, — медленно проговорил Беккер, — я бы за это не поручился. — Он скосил на собеседника глаза. — Однако вы не дурак, Торп.

2

Беккер и Торп были очень близки к истине.

В тот день, когда так нелепо погиб Герберт Ланге, механик завода «Ганс Бемер» Отто Шталекер, закончив работу в обычное время, вымыл руки, переоделся и направился к выходу. Здесь он задержался. У двери стояла группа эсэсовцев. Это был конвой из соседнего концентрационного лагеря. В цехах завода работало около сотни лагерников. По утрам конвой приводил их сюда, а в конце дня, пересчитав, препровождал в лагерь.

Стоя у выхода, Шталекер наблюдал, как, повинуясь знаку конвоиров, заключенные отходили в сторону, строились в группы и выходили во двор.

Лагерников увели. На заводской двор со всех сторон стекались рабочие, направляясь к воротам. Здесь было устроено нечто вроде узкого коридора. По обеим его сторонам стояли вахтеры, бесцеремонно ощупывавшие каждого выходящего.

Миновав контроль и оказавшись на улице, Шталекер зашагал по направлению к дому Ланге.

На душе у механика было тревожно. Не давал покоя странный разговор с фрау Лизель. Подумать только — вернулся Герберт, и вот сейчас, через несколько минут, они увидятся!

Шталекер глубоко верил своему старому дружку. Он знал, что Герберт — человек высокой чести и никогда, ни при каких обстоятельствах неспособен на предательство. Но приезд Герберта был поистине необъясним.

Вот и его жилище. Сколько славных вечеров провели в нем Шталекеры и Ланге!

Через минуту, потрясенный трагедией, которая разыгралась здесь несколькими часами раньше, Шталекер сидел у тела друга, поддерживая заливавшуюся слезами Лизель.

Вдова, судорожно всхлипывая, в который раз пыталась рассказать о случившемся. Из ее отрывочных слов механику стало известно: Герберт вызвал его так срочно, чтобы познакомиться со своим спутником. Далее Шталекер понял: Герберт не хотел покидать дом — видимо, чего-то боялся.

В двери показался один из соседей Ланге — рабочий, которого Шталекер давно знал. Сосед поманил пальцем механика.

Шталекер оставил вдову, вышел. Рабочий отвел его в конец коридора, боязливо оглянувшись, зашептал:

— Была полиция!

— Зачем?

— Сначала они явились со своим врачом, чтобы зарегистрировать смерть, составить протокол и прочее.

— Ну, а потом? Они что, приходили еще раз?

— Да. И тогда с ними были представители военной комендатуры.

— Это естественно.

Сосед неопределенно пожевал губами.

— Они забрали документы Герберта. Знаете, я наблюдал за ними, когда они листали его удостоверение... Мне они не понравились — глаза так и шныряли по бумагам. И я подумал...

— Ну, и в этом нет ничего странного, — равнодушно проговорил Шталекер. — Время военное, надо все уточнить, расследовать. Осторожность никогда не мешает.

— Конечно, конечно, — заторопился сосед. — Но...

— Они приходили и в третий раз? — спросил Шталекер, видя что собеседник не договаривает.

— Официально нет. Но только недавно тут вертелись двое каких-то типов...

Шталекер вернулся к Лизель. Он просидел в доме еще с полчаса.

3

На следующий день, как только прозвучал сигнал к окончанию работы, Шталекер заторопился к выходу. Он спешил домой, чтобы пообедать, а затем отправиться с женой в дом покойного друга.

— Послушайте! — окликнули его сзади.

Шталекер обернулся. Его догонял высокий человек в форме унтер-офицера.

— Простите, как ваша фамилия? — спросил военный, подойдя и вежливо кивнув.

— Меня зовут Отто Шталекер.

— Вы механик?

— Да.

— Вы были у Ланге и все знаете, не так ли?

— Был и все знаю.

— Я тот, который приехал вместе с Гербертом. Нам надо поговорить. Где это можно сделать?

Шталекер пожал плечами.

— Быть может, куда-нибудь зайдем?

Через четверть часа они сидели в маленьком кабачке, расположенном неподалеку от домика, где жил механик.

Аскер рассказал о случившемся с Лизель припадке, о том, как произошла катастрофа с Гербертом, как сам он вынужден был немедленно уйти из дома.

— Кто вы? — спросил Шталекер.

— Я? — Аскер помедлил. — Я коммунист, товарищ Шталекер. Мы с Ланге дезертировали из вермахта, решив уйти в подполье. И помочь нам в этом должны были вы.

Шталекер усмехнулся.

— Вы говорите поразительные вещи, говорите прямо, не зная толком, с кем имеете дело!

— Мне не остается ничего другого. — Аскер пожал плечами. — Погиб Герберт Ланге. Теперь я один, без документов. Вообще говоря, документы есть, но я лишился пристанища и меня очень быстро схватят. А Герберт говорил о своем друге Шталекере только хорошее. Я многое знаю о вас, товарищ!

— Допустим, что это так. Но мне о вас никто и словом не обмолвился. Простите, как вы разыскивали меня? — Шталекер старался говорить спокойно, но было видно, что он волнуется.

— Просто. Знал, где работаете, ждал неподалеку от завода. Закончилась смена. Люди стали выходить. Подошел к одному из рабочих, спросил, как найти механика Шталекера, и мне указали на вас. А я, повторяю, многое знаю о вас. Герберт рассказал мне все — как вы впервые встретились с ним на митинге в гамбургском порту в ночь, когда в Берлине горел рейхстаг, как затем вы поучали его, сидя за кружкой пива... Я знаю о вашем брате, погибшем от рук нацистов, да и о жене вашей — ведь и она побывала в их лапах.

— Черт возьми! — вырвалось у Шталекера.

— Но это не все. Мы прямо к вам и должны были идти. Однако в то утро у вашего дома стоял автомобиль с военными. И мы не рискнули...

— Вы сказали, что являетесь коммунистом? — вдруг спросил Шталекер.

— Да.

— Немецким коммунистом?

Аскер поглядел на собеседника, кивнул.

— Я неспроста задал этот вопрос, — проговорил Шталекер. — Дело в том, что Герберт Ланге считался погибшим. Погиб, а потом вдруг объявился!

— Как видите, извещение оказалось ошибочным, — Аскер пожал плечами. — Вы же знаете, так случается.

— Это не извещение, — покачал головой Шталекер. — Мне написал один солдат того полка, где служил Герберт. Он сам видел, как советские танки ворвались на позиции батальона Ланге. Оттуда мало кто выбрался живым. И Герберта среди них не оказалось...

Аскер не ответил. Минуту он сидел, склонив-

шись над кружкой, затем выпрямился и взглянул в глаза Шталекеру.

— Я коммунист, — тихо сказал он. — И это все, что я могу сейчас сообщить о себе.

Шталекер промолчал.

— Что я могу для вас сделать? — сказал он после паузы.

— Прежде всего надо пойти в дом Ланге. Сам я не могу...

— Так вы не были там со вчерашнего дня?

— Туда мне нельзя. — Аскер понял, что должен быть откровенным до конца. — Нельзя, товарищ Шталекер, потому что в том бою Ланге... действительно пропал без вести. И теперь, когда он мертв, все выяснится очень быстро.

— Похоже, что уже, — проворчал механик.

— Почему вы так думаете?

— Приходила полиция. Затем какие-то военные. Вели себя странно... — Шталекер прервал себя. — Да, так что вам надо в доме Герберта?

Аскер рассказал о спрятанном на кухне ящике.

— В ящике радиостанция. Я не могу не сказать вам об этом: вы должны знать, какому подвергаетесь риску.

— Понимаю, чем это пахнет... Позвольте, но где вы были вчера? Где провели ночь?

— В развалинах какого-то дома...

— И, конечно, ничего не ели?

Аскер не ответил.

Шталекер поднялся.

— Идемте.

Они вышли на улицу и вскоре оказались перед уже знакомым Аскеру маленьким домиком, окруженным цветочными клумбами. Шталекер

отпер дверь, пропустил Аскера, вошел сам. На встречу вышла его жена. Шталекер представил Аскера.

— Берта, — сказал он, — сейчас мы с тобой отправимся в дом покойного Герберта. Наш гость останется здесь.

— Быть может, сперва пообедаем? Вот и гость, наверное, голоден.

— Нет. — Механик переглянулся с Аскером. — Нет, обедать будем после. Кстати, захвати свою большую сумку. Мы кое-что купим по дороге.

Берта Шталекер пошла одеваться.

Аскер сказал:

— Фрау Лизель ничего не должна знать.

— Понимаю... Но вам надо переодеться. Роста мы примерно одинакового, только я чуточку шире. Сейчас принесу.

Шталекер вышел и вскоре вернулся с коричневой пиджачной парой и сорочкой. Затем ушел снова и принес старые туфли.

— Все, что у меня есть, — сказал он. — А доспехи ваши снимите и затолкайте под диван. Вернемся — уничтожим.

4

Отто и Берта Шталекер ушли. Аскер поспешно переоделся, приблизился к зеркалу. Оттуда на него глядел человек в мешковатом костюме, поношенном и несколько просторном, с усталым, помятым лицом.

— Сойдет, — пробормотал он, переложил в карманы пиджака и брюк документы, пистолет, сигареты со спичками и вышел.

Супруги Шталекер были уже в конце улицы. Аскер последовал за ними, держась в отдалении.

Проводив БERTУ и Отто до дома покойного, он вздохнул с облегчением. Проверка прошла благополучно. Механик и его жена ни с кем по дороге не разговаривали, не подходили ни к одному из многочисленных телефонов-автоматов, встречавшихся на пути.

Шталекеры скрылись в домике Ланге. Аскер неторопливо двинулся в обратную сторону, зорко приглядываясь к тому, что делается на улице. Правильно ли он поступил, оставшись в Остбурге? После гибели Герберта, казалось, уже ничто не мешало ему отправиться в соседний город, где находилось третье убежище. Однако уехать туда — значило спастись самому, но задержать выполнение задания. А здесь была еще надежда... И он не ошибся: удалось главное — он связался со Шталекером!

Рассуждая так, Аскер дошел до перекрестка и вдруг почувствовал, что за ним наблюдают. Быть может, тревога ложная, и только показалось, что встретившийся на пути человек в светлом пальто слишком уж внимательно на него поглядел?

Аскер вытащил сигареты и спички, как бы невзначай обронил коробок. Поднимая его, осторожно оглянулся. Так и есть — тот, в светлом пальто, неторопливо шел следом.

Это был Адольф Торп.

К сильным, волевым людям приходит в минуту опасности очень большое спокойствие, какая-то особенная собранность и ясность мысли. Это позволяет мгновенно оценить обстановку, при-

нять нужное решение, быстро и точно осуществить намеченное.

Таким ценным для разведчика качеством Аскер обладал. Но что он мог сделать сейчас на пустынных в это предвечернее время улицах германского города — чужого, враждебного!

Аскер прошел сотню шагов, еще сотню, задержался у витрины магазина, будто рассматривая выставленный товар, скосил глаза в сторону. Человек в светлом пальто не отставал: остановился Аскер — задержался и наблюдатель, подойдя к афишной тумбе.

Все окончательно прояснилось. Продолжая путь, Аскер медленно опустил руку в карман, нащупал пистолет, отодвинул предохранитель.

Позади еще один квартал. Дальше начинается улица, застроенная многоэтажными домами. И один из них, третий от угла, — с несколькими дворами. Кажется, проходными. Вчера, когда они с Ланге шли к дому Шталекера, неподалеку от этого здания слепой старик продавал газеты. Ага, вот он — на своем месте. Чуть дальше, как запомнил Аскер, вход в первый двор — узкий туннель. До него полсотни шагов. Дом с проходными дворами! У Аскера перехватило дыхание. Но ведь о них, разумеется, знает и тот, что идет следом. Знает и, конечно, не останется ждать на улице — устремится за ним в туннель.

«Хорошо, — решил Аскер, — пусть идет!»

Вот и дом — серая каменная громада. Только бы не оказалось людей у входа!

Ворота, несколько вдвинутые в толщу стены, обозначились, когда до них осталось метров двенадцать. Они были свободны. Аскер заставил себя спокойно подойти к ним и — кинулся

бежать. Скользнув в ворота, он отпрянул в сторону и затаился у стены, прикрывшись одной из створок двери.

Прошла секунда, другая, послышался шум шагов. На землю у входа легла короткая тень. Аскер затаил дыхание. Он бы и удары сердца приглушил, если б мог. Мгновение тень была неподвижна, потом удлинилась. Из-за створки ворот появился профиль мужчины. Аскер отчетливо разглядел высокий красивый лоб, правильной формы нос, энергичный подбородок, пульсировавшую на шее маленькую синюю жилку.

В шею он и ударил — тем коротким сильным тычком, который долго тренировал и выучился производить безошибочно.

Прежде чем Торп упал, Аскер подхватил его, прислонил к стене, снова ударил — на этот раз в подбородок — и опустил на землю обмякшее тело врага.

Глубоко вздохнув, он вышел из ворот и неторопливо двинулся по улице. Машинально опущенная в карман рука наткнулась на рубчатую рукоять пистолета. Аскер вновь поставил его на предохранитель.

Торп открыл глаза, оглядел сводчатый потолок, под которым лежал. Сильно болела голова. Он с трудом перевалился на живот, поднялся, цепляясь за стену, побрел к выходу.

Подскочил прохожий.

— Что случилось? О, у вас кровь! — Он указал на скулу Торпа, с которой падали тяжелые темные капли.

— Позовите шуцмана, — с трудом проговорил штурмфюрер.

Прохожий поспешил на перекресток и вскоре вернулся с полицейским. Возле Торпа стали собираться зеваки. Шуцман растолкал их, остановил проходивший автомобиль и усадил Торпа.

Спустя полчаса штурмфюрер Торп, морщась от сильной боли в голове, сидел в своем служебном кабинете. Фельдшер бинтовал ему скулу и шею. Вошел Беккер. Его маленькие глазки гневно сверкали. Торп попытался встать. Беккер досадливо шевельнул плечом.

— Сидите, сидите, — проскрипел он. — Вы можете вскочить при появлении начальника, щелкнуть каблуками, колесом выгнуть грудь, с собачьей преданностью глазеть на шефа. Но при всем этом вы остаетесь круглым идиотом!

Фельдшер поспешил закончить работу и уйти.

— Да, да, — продолжал бушевать Беккер, — вы идиот, Торп, идиот и тупица! Что вы наделали? Какой был приказ?.. Отвечать, когда спрашивает начальник!

Торп пробормотал, что приказ гласил отправиться для наблюдения за домом обер-ефрейтора Герберта Ланге в сопровождении двух контрразведчиков.

— Значит, втроем?

— Да, господин штурмбаннфюрер.

— А вы? Что сделали вы? Отправились один и вас провели, как ребенка.

— Но кто мог подумать? — Торп заговорил торопливо, горячо. — Я увидел его, и сразу же возникли подозрения. Двинулся следом. Он ничем не показал, что заметил слежку. Я был спокоен — все идет, как надо, провожу его до логова, и тогда дело в шляпе.

— В шляпе, — передразнил Беккер. — Если говорить о шляпе, то ею оказались вы, штурмфюрер Торп, с треском проваливший важнейшее поручение!

— Но я не сказал всего... Итак, я шел следом. Я своевременно вспомнил, что мы приближаемся к дому с проходными дворами. Приготовился. Оказывается, об этом знал и он. Поставьте себя на мое место: до ворот дома десяток шагов, и преследуемый вдруг стремглав мчится к ним. Ведь, юркнув в ворота, он проскочит дворы, окажется на главной магистрали, а там — ищи его! Что бы вы предприняли? Накажи меня бог, если бы не кинулись вслед. Так поступил и я. А он сыграл на этом! На том, что кинусь за ним и вбегу в ворота. И — ждал меня... — Адольф Торп смолк, горестно наклонил голову.

— Понимаете ли вы, Торп, что Ланге, у которого были найдены чужие документы, и тот, второй, посланы русскими?

— Да, — прошептал Торп. — Они те самые парашютисты.

— Наконец-то вы прозрели, Торп!

Штурмфюрер застонал.

— Вам, может быть, плохо? — издевался Беккер. — А то самое время закатить истерику.

— Вы обозвали меня идиотом, но вы еще списходительны ко мне. Я хуже, гораздо глупее и безнадеежнее!

Беккер сел, зажег сигарету.

— Вы, Торп, — сказал он, — собственными руками швырнули кошке под хвост «Железный крест», чин оберштурмфюрера, а, может быть, и еще кое-что в придачу.

Торп горестно наклонил голову.

— Надо поймать парашютиста, — сказал Беккер, выставив вперед кулаки. — Поймать, чего бы это нам ни стоило!

Торп поднял руку, будто произнося присягу.

— Клянусь, он не уйдет от меня!

— Полагаю, — сухо проговорил Беккер, — что главную ставку следует делать на «Зеленого». Это подсказывает шеф, и он прав. Итак, все внимание «Зеленому». Тот, за которым мы охотимся, обязательно попытается с ним связаться.

В заключение Беккер и Торп разработали план посещения вдовы Герберта Ланге.

Как этот план был выполнен, читатель уже знает.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

1

Супруги Шталекер вернулись домой часам к восьми. Аскер видел в окно, как они неторопливо шли по улице. Отто бережно вел под руку жену, он же нес и сумку фрау Берты.

Не дожидаясь звонка, Аскер отпер дверь. Шталекер едва заметно кивнул.

Пообедали молча. Потом фрау Берта ушла к себе, и мужчины остались одни.

Шталекер встал, раскрыл стоявшую на диване сумку, извлек рацию.

— Спасибо! — Аскер стиснул механику руку.

Шталекер унес аппарат и через несколько минут вернулся.

— Запомните на всякий случай: передатчик спрятан у сарая для угля. Там, возле сарая, собачья конура. В конуре он и лежит, под соломой.

— И собака там?

— Да, презлющая собака.

— Что ж, — Аскер улыбнулся. — Это, пожалуй, остроумно.

— Ну, а что будем дальше делать? — спросил хозяин дома. — Каковы ваши планы?

Аскер не ответил. Помолчав, рассказал о том, что с ним произошло на улице.

Шталекер задумался.

— Трудное у вас положение.

— В таких обстоятельствах легких не бывает...

— Во всяком случае, — решительно сказал Шталекер, — вам где-то нужно выждать. Скажем, неделю.

— Это было бы хорошо. Но — где?

— Вы, как я понимаю, совершенно одиноки?

Аскер промолчал.

— Одиноки, — повторил Шталекер. — В таком случае, решение может быть одно. Придется остаться здесь.

— Вы пойдете на такой риск? — негромко спросил Аскер.

— Но у вас же нет другого выхода!

Аскер вновь промолчал.

— Оставайтесь, — продолжал механик, — а потом посмотрим, как быть.

— Нельзя, товарищ Шталекер. Слишком опасно, особенно для вас и супруги. Уже сейчас, конечно, вся служба безопасности поднята на ноги, чтобы найти меня и схватить. Ну-ка, давайте поглядим на все глазами гестапо и абвера. Представим себе, как они могут рассуждать. Прежде всего скажут: тот, другой, прибыл вместе с Гербертом Ланге, остановился у него, то

есть у Ланге. Почему? Вероятно потому, что не имеет в Остбурге квартиры.

— Согласен, — кивнул Шталекер.

— Дальше. Герберт Ланге, прибывший с чужими документами, мертв. Гость ушел из его дома, был выслежен, сумел ускользнуть. Значит, он в городе (надо учесть, что сейчас все выезды из Остбурга надежно перекрыты). Знает, что его ищут. Конечно, прячется. Но где? Скорее всего, у своих друзей или у друзей Ланге.

— Словом, могут нагрянуть с обыском?

— Все может быть, товарищ Шталекер. И тогда вам с фрау Бертой не сдобровать. Тем более, что с точки зрения фашистов ее прошлое небезупречно.

— О себе вы не говорите, — проворчал механик.

Аскер пожал плечами.

Шталекер задумался. Он сидел, опустив голову на грудь, барабанил пальцами по столу.

— Ладно, — сказал он, выпрямившись и поправляя галстук. — Решим так. Вы окончательно превращаетесь в штатского, а это, — он указал на мундир Аскера, — все это немедленно сжигает в печке фрау Берта.

— Но...

— О ней можете не беспокоиться. Фрау Берта прошла отличную школу ненависти к наци — концентрационный лагерь. И потом, черт возьми, она моя жена!.. Словом, Берта знает о вас все. — Шталекер поправился: — То есть все то, что знаю я...

— И о передатчике?

— А вы думаете, я сам вылавливал его из

помойного ведра? Это сделала она, — гордо сказал Шталекер. — Пока я сидел возле покойника, успокаивая бедняжку Лизель и следя за обстановкой в доме, Берта действовала на кухне. Когда она вошла, без кровинки в лице, но спокойная — я понял, что дело сделано... Теперь скажу следующее. Чтобы вам было легче. Знайте: в моем доме уже возникали ситуации, подобные нынешней. Вы, словом, у нас не первый...

Аскер с облегчением вздохнул. Наконец-то Шталекер заговорил в открытую.

— Но мы отвлеклись от темы, — продолжал механик. — Таким образом, решено: ваше обмундирование сжигают, вы, одетый в штатское, сидите дома. А я отправлюсь потолковать о том, что с вами делать дальше. Но — условие: обещайте, что ни в коем случае не покинете дом, чтобы проверять, не стану ли я звонить в гестапо!

Несмотря на всю серьезность минуты, Аскер не смог не улыбнуться.

— Обещаю, — сказал он.

— Итак, — проговорил Шталекер, не глядя на собеседника, — я представляю вас как немецкого коммуниста?

Аскер кивнул.

— Ну что ж, немецкого так немецкого. — Механик вздохнул. — Как будто договорились обо всем. — Он встал. — Я ухожу. Сидеть здесь, вести себя прилично и ждать.

— Слушаюсь, — снова улыбнулся Аскер.

Шталекер отворил дверь в соседнюю комнату.

— Берта, — крикнул он, — мою шляпу и зонт!

Отто Шталекер пересек городской центр, затем довольно долго шел по нешироким улочкам северной окраины Остбурга. Несколько раз он заходил во встречавшиеся по пути магазины, купил пару носовых платков, отдал ремонтировать зонтик. И из каждого магазина, улучив секунду, он внимательно оглядывал улицу, редких прохожих... Шталекер шел к руководителю местной подпольной организации антифашистов и должен был соблюдать сугубую осторожность.

Убедившись в том, что все спокойно, он неторопливо свернул в переулок, оказался перед большим мрачноватым домом и вошел в подъезд. Лифт поднял его на четвертый этаж. На площадку выходили три двери. Механик подошел к крайней справа, постучал. Отворилась соседняя дверь, находившаяся в центре площадки. Из нее выглянула женщина.

— Нет их, — сказала женщина. — Уехали и неизвестно, когда будут.

— Очень жаль. — Шталекер вынул из левого кармана платок, вытер лоб, спрятал платок в правый карман. — Очень жаль, я так давно не видел фрау Юлию.

Женщина кивнула, посторонилась. Шталекер вошел в ее квартиру.

За столом писал худощавый человек средних лет. Черная шелковая шапочка, закрывавшая лоб почти до бровей, придавала ему вид ученого. Он встал, протянул Шталекеру руку.

— Что случилось, Отто?

— Важное дело, — сказал Шталекер, кладя шляпу на краешек стола.

— Понимаю, что важное, раз вы пришли.

— У меня прячется человек, которого я имею основания считать русским разведчиком.

Собеседник, собиравшийся переложить на столе бумаги, задержал руку.

— Быть может, я плохо понял. Беглый пленный?

— Да нет же. — Шталекер сделал нетерпеливое движение. — Настоящий разведчик. Хотя, конечно, помалкивает на этот счет. Впрочем, он в таком положении, что молчание носит скорее символический характер.

И Шталекер пересказал вкратце события истекших двух суток.

Человек в шапочке сказал:

— Кое-что уже знаю. Позавчера на рассвете в лесу, близ вокзала, были найдены три парашюта. Далее мне известно о происшествии у дома с проходными дворами.

— Это был он. Я переодел его, но он не хочет оставаться у меня... Вам надо встретиться.

— Он сам просил об этом? — быстро спросил собеседник.

— Что вы! О вас он и не подозревает. Это — мое мнение.

— Так... Какой он из себя, Отто? Опишите его.

— Ему что-то около тридцати. Тридцать или немного меньше. Высок, светловолос, четкий профиль, светлые глаза. Широкоплеч и строен, чувствуется много энергии и силы. Еще: разговаривая, глядит прямо в глаза.

— Он, я вижу, понравился вам?

— Да, не могу этого скрыть. Между прочим, по облику — настоящий немец.

- Но вы говорите — русский?
- Быть может, из эмигрантов. Кстати, назвался германским коммунистом.
- Любопытно.
- Знаете, мы как-то сразу стали понимать друг друга.
- Любопытно, — повторил человек в шапочке.
- Встречу нельзя откладывать.
- У вас можно?
- Ни в коем случае. Не исключено, что нагрянут с обыском.
- Хорошо. — Собеседник Шталекера помедлил. — Адрес, которым вы пользовались прошлый раз, помните?
- Домик у железнодорожного моста?
- Да. Там, где мы прятали польского профессора. Время явки, сигнал — все, как и прежде.
- Таким образом, сегодня?
- Да.

3

Наступил вечер. Огни в домике Шталекера были погашены, окно раскрыто. Фрау Берта стояла у окна, придерживая за ошейник собаку, которую незадолго до этого перевели из конуры в дом.

Висевшие над камином старинные часы зашипели, раздалось десять ударов.

— Время, — прошептала фрау Берта. — О, всемогущий господи, помоги моему мужу и его другу в их святом промысле, не оставь своими заботами и милостями!

Прошло еще несколько минут. Потом за окном, где-то вдали, раздались короткие автомобильные гудки, послышался рокот мотора. Овчарка глухо зарычала.

— Тихо, Дик. — Женщина пригладила шерсть на загривке собаки. — Тихо, нельзя шуметь!..

Сигналы слышали и мужчины.

— Скорее, Краузе, — прошептал Шталекер. — Скорее, ему нельзя останавливаться!

Шталекер и Аскер отворили дверь, поспешили к калитке. По обеим сторонам дорожки росли цветы, и сейчас, в ночную пору, от них шел сильный, пьянящий аромат.

Шум мотора стал слышнее. Аскер поглядел в сторону, откуда он доносился, увидел смутно вырисовывавшийся в темноте грузовик. Машина приближалась.

Шталекер нагнулся, пошарил в цветах и извлек передатчик, который заблаговременно перетаскил сюда. Затем он отодвинул щеколду калитки.

Когда грузовик поравнялся с домом, шофер распахнул дверку. Шталекер и Аскер выбежали на тротуар и на ходу вскочили в кабину. Дверка захлопнулась. Машина увеличила скорость.

Где-то в центральной части города перед автомобилем замаячил патруль. Шофер грузовика, молодой парень с темной повязкой на левом глазу, сказал:

— Если остановят, все мы — рабочие с «Ганса Бемера». Везем песок. Застряли у реки из-за неисправности мотора. Пропуска на всех троих в порядке.

Машина неторопливо проследовала мимо по-

ста. Два солдата и полицейский равнодушным взглядом проводили тяжело осевшую под грузом песка восьмитонку.

Спустя полчаса грузовик оказался на противоположной окраине Остбурга. Домики, окруженные крохотными садиками, стояли здесь в отдалении друг от друга. Впереди маячила громада железнодорожного моста.

— Подъезжаем, — сказал Шталекер, взявшись за ручку двери. — Вон тот дом, среди деревьев, с двумя окнами, закрытыми ставнями. Видите, Краузе?

— Да, — кивнул Аскер.

Грузовик принял вправо, сбавил скорость. Дверка распахнулась. Шталекер и Аскер выпрыгнули из кабины. Автомобиль дал газ и уехал.

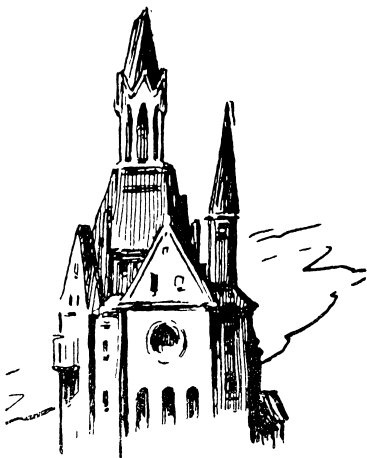
— Даже не поблагодарили его, — пробормотал Аскер.

— Бог даст, еще встретитесь!

Шталекер приблизился к окну, постучал в ставень — дважды и, немного погодя, третий раз. Из-за ставня раздался ответный удар.

— Идемте, — сказал Шталекер.

Они миновали парадную дверь, на которой висел тяжелый замок, обошли дом. В задней стене Аскер увидел вторую дверь, поменьше.

Шталекер толкнул ее, пропустил Аскера, вошел сам и затворил дверь, повернув ключ в замке. Щелкнул выключатель. Стало светло. Из комнаты вышел мужчина, с которым Шталекер встретился несколькими часами раньше.

Секунда, и, вскрикнув, он кинулся к Аскеру. Шталекер был ошеломлен. На его глазах руководитель остбургского антифашистского подполья Шуберт и незнакомый ему человек тискались друг друга в объятиях, выкрикивали какие-то слова, целовались...

Оскар Шуберт! Керимов мгновенно вспомнил лето минувшего года, лес на севере Силезии. Он за рулем «Штеера», рядом — со связанными руками начальник агентурной школы... Аскер заброшен сюда, чтобы установить, где школа, и ликвидировать группу фашистских агентов, подготовленных для действий в тылах советских войск. Отчаянные усилия, предпринятые для того, чтобы проникнуть в школу, не увенчались успехом. Оставалось одно: захватить начальника школы. И вот Аскер везет его в лес, где, как он знает, скрывается группа беглецов из концентрационного лагеря. Аскер должен предупредить беглецов о том, что убежище их обнаружено и в абвере готовится операция... Там, в лесу, он впервые встретился с Шубертом. После допроса начальника школы у Аскера оказались весьма важные данные. Их необходимо было немедленно переслать руководителям советской разведки. Но Аскер не имел средств связи. Как быть? Шуберт посоветовал ему перейти линию фронта, а сам с товарищами взялся уничтожить агентурную школу — теперь, располагая новыми материалами, можно было надеяться, что это

удастся... Позже Аскер узнал, что Оскар Шуберт сдержал слово. Но было известно и другое — почти все участники операции погибли...

И вот сейчас Шуберт, живой и невредимый, стоит перед Аскером, широко улыбается, щурит свои большие светлые глаза!..

— Да, — говорит он, откидывая назад сильно поседевшие волосы, — там было жарко, я уж думал — не выбраться... Но — жив! Уцелел всем чертям назло, чтобы встретить вас на этом свете!

Шталекер, наконец, обрел дар речи, взял руку Аскера, крепко пожал.

— Простите меня, приятель, — сказал он, — теперь верю, что вы — немецкий коммунист!

— Ну, а я могу теперь сказать, что вы ошибаетесь.

Шталекер растерянно посмотрел на Шуберта.

— Возвращайтесь домой, Отто, — сказал Шуберт. — Вам пора, уже ночь.

— Да, Оскар. — Шталекер обернулся к разведчику. — Доброй ночи, товарищ! — Он протянул Аскеру руку, улыбнулся. — А ведь у меня чутье на хорошего человека!

— А у меня? — Аскер хитро прищурил глаз. — Я тоже не ошибся, не так ли?

Шталекер ушел.

Шуберт взял Аскера под руку, провел в соседнюю комнату, усадил на диван.

— Рассказывайте.

— Прежде несколько вопросов. В Остбурге действует организация антифашистов?

— Да.

— И во главе ее — вы?

— Так решили.

— И давно вы здесь?

— Без малого год. После ликвидации школы из наших только трое уцелели. Мы перебрались в Польшу, пробыли там что-то около месяца. Затем было решено направить меня сюда.

— Понятно. — Аскер помолчал. — Товарищ Шуберт, вам знакомо такое имя: Макс Висбах?

— Сварщик с завода «Ганс Бемер»?

— Он самый. Мне надо установить, что это за человек.

— О нем хорошо отзываются.

— Я бы хотел поближе приглядеться к Висбаху. Да и вообще, можно будет устроить так, чтобы за ним понаблюдали?

— Полагаю, да.

— Должен сказать, что Висбах сейчас главное для меня.

— Лично хотите им заняться?

— Это было бы лучше всего. Видимо, придется пожить в вашем городе.

Шуберту было непонятно, почему вдруг советский разведчик интересуется каким-то сварщиком. Но он, сам опытный подпольщик и конспиратор, вопросов не задавал. Не сказали — значит, так надо.

— Пожить в городе, — повторил Шуберт. — Тогда придется где-то работать. Нужна легальность.

— Да. — Аскер встал, прошелся по комнате. — У меня хорошие документы. Очень хорошие. Не страшна никакая проверка.

— А свидетельство шофера есть? — вдруг спросил Шуберт. — Ведь вы великолепно водите машину. Помню, как петляли на своем «Штете-ере» там, в лесу.

— Шоферское удостоверение в порядке. Но прежде хотелось бы изменить внешность.

Шуберт вопросительно поглядел на собеседника.

— Не думайте обо мне слишком плохо, — сказал Аскер. — Никаких накладных бород или повязок на глазу. Просто — обрею голову, чуть отпущу усы. И — очки. Обычные. Скажем, со стеклами плюс один, простенькие...

— Это будет.

— Затем костюм. Что-нибудь типично шоферское — фуражка с лаковым козырьком, куртка поскромнее, бриджи, высокие башмаки на шнуровке.

— Для этого потребуется время...

— Придется выждать. Все равно надо, чтобы отросли усы, — усмехнулся Аскер. — Иначе — слишком опасно. Тот, с кем я столкнулся у дома с проходными дворами, хоть мельком, но все же видел меня.

— Есть еще вдова Герберта Ланге. Вначале у меня мелькнула мысль предупредить ее, чтобы помалкивала. Но, подумав, понял, что делать этого нельзя.

— Ни в коем случае! Она в таком состоянии... — Аскер опустил голову. — Бедняга Герберт, как все нелепо получилось! Представляю, как Лизель убивается. И, конечно, считает меня самым большим мерзавцем. А раз так...

— Ничего, будем надеяться, что все обойдется, — ободряюще сказал Шуберт. — Ведь фотографии вашей они не имеют... А вот со мною посложнее. О, меня знают великолепно! Каждый шпик может заприметить. Поэтому днем не выхожу, в ночное время — лишь в случае край-

ней нужды. Как, например, сегодня. А в общем рисковую ничуть не больше любого солдата, который под пулями идет в атаку... — Он помолчал. — Да, тяжело. Тяжело, но нам не надо другой жизни, пока не кончится весь этот кошмар и Германия не вздохнет свободно. Подумать только, что они сделали с людьми, как искалечили их души! — Шуберт встал, взволнованно заходил по комнате. — Иной раз спрашиваю себя: неужели это тот самый народ, который дал миру Гёте и Эйнштейна, Бетховена и Баха?.. Нет, нет! — воскликнул он, видя, что Аскер сделал протестующее движение. — Хотите сказать: это не народ — кучка предателей и прохвостов? Знаю, все знаю. Но почему они взяли верх именно в моей стране!

Он смолк. Молчал и Аскер. Так прошло несколько минут. Шуберт снова сел, нервно постучал пальцем по столу.

— Я знаю: они сгинут. Ни тени сомнения насчет этого. Но сколько предстоит сделать, чтобы нация снова обрела себя, вновь налилась силой!.. Вы понимаете, какую именно силу я имею в виду?

Аскер кивнул, взял его руку.

— То-то же. — Шуберт снова широко, по-детски улыбнулся. — Но давайте о вас поговорим... Хотели бы на тот завод, где работает Висбах?

— Это было бы подходяще. Но я не знаю, какие у вас возможности...

— Кое-какие имеются. На заводе работает наш человек.

— Шталекер?

— Есть еще и другой... Словом, попробуем.

Не выйдет — попытаемся на соседний, а там будет видно.

— Оскар, — проговорил Аскер, положив ладонь на руку немца. — Год назад вы рассказывали о своей жене и дочери. Ведь они остались в лагере?..

Шуберт кивнул.

— И... никаких сведений?

Шуберт не ответил.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

1

Восьмого ноября 1923 года город Мюнхен был взбудоражен. Во всю ширину мостовых двигалась пестрая толпа. Мелькали береты и тирольские шляпы с перышком, штатские пиджаки и военные кителя без погон, ботинки и высокие лаковые сапоги. Но больше всего было каскеток и коричневых рубаш, заправленных в такого же цвета бриджи. Демонстранты, основательно подогретые пивом и водкой, самозабвенно орали фашистские песни. Почти каждый размахивал резиновой дубинкой, хлыстом, стальным прутом.

Из баров и кабачков выбегали новые группы бургеров, мелких лавочников, студентов, дельцов, раскрасневшихся от спиртного, с бутылками и палками в руках. Они вливались в толпу, которая все густела.

Вскоре шествие загрохотало улицей. В реве демонстрантов тонули свистки полицейских и гудки автомобилей, тщетно пытавшихся проложить себе дорогу.

Толпу вели двое.

Один был почти старик — неторопливый, чопорный, важный, с отличной выправкой, свидетельствовавшей о том, что это бывший военный. Другой — парень лет тридцати, остроносый, тонкогубый, с потной челкой над лихорадочно блестящими темными глазами. Первый был генерал Эрих Людендорф, второй — ефрейтор Адольф Шикльгрубер, Гитлер.

Так начался «пивной путч» мюнхенских фашистов, целью которого был государственный переворот.

В толпе путчистов можно было заметить малого лет двадцати пяти, рыжеволосого, кряжистого и сутулого, с толстым багровым затылком. Парень имел привычку выставлять вперед подбородок и щурить маленькие, узко посаженные глаза, а при ходьбе — сильно размахивать руками, такими тяжелыми и длинными, что они, казалось, достают до колен. Всем этим парень сильно напоминал молодую гориллу, на которую почему-то напялили штаны и высокие башмаки на шнуровке. Он горланил громче других и первым швырнул большой булыжник в окно еврейского магазина, когда путчисты подходили к Фельдхеррnhалле¹. Звали парня Гейнц Упиц.

В том году «пивной путч» с треском провалился. Гитлера и некоторых фашистов даже посадили в тюрьму, в которой «бесноватый Адольф», кстати, и написал свою гнусную книжонку «Майн кампф».

Несмотря на неудачу, нацисты не отчаялись.

---

¹ Ф е л ь д х е р р н х а л л е — здание-памятник германским полководцам в Мюнхене.

И среди тех, кого Гитлер запомнил в тот день, запомнил и приблизил к себе, был обезьяноподобный Упиц.

Вторично Гейнц Упиц был отмечен фюрером в февральские и мартовские дни тридцать третьего года, когда гитлеровцы устроили провокационный поджог рейхстага, а вслед за тем — избиение коммунистов и всех прогрессивно настроенных людей. В ту пору Упиц действовал, не покладая рук. Он был одним из тех, кто выследил и схватил Эрнста Тельмана.

В третий раз об Упице вспомнили в канун июньских событий тридцать четвертого года. Это были дни, когда Гитлер заканчивал подготовку к новой Варфоломеевской ночи — расправе с оппозицией в своей партии, возглавлявшейся начальником штурмовиков Ремом. Гейнц Упиц был вызван, обласкан и назначен на ответственный участок операции. После завершения «ночи длинных ножей», или, как еще называли ту ночь сторонники Гитлера, «чистки Рема», об Упице с похвалой отозвался сам Генрих Гиммлер.

С тех пор Гейнц Упиц пошел в гору. Некоторое время он работал в АПА¹, затем был назначен в одно из управлений гитлеровской

---

¹ АПА — внешнеполитический отдел гитлеровской партии, один из центров фашистского шпионажа.

военной разведки и контрразведки, которое занималось контрразведывательной работой на территории своей страны, а с началом войны — и в оккупированных Германией государствах.

Гейнц Упиц проявил недюжинные способности, воспитывая кадры провокаторов и шпионов. Он, например, отличился при подготовке пресловутого «Плана вейс»². Он был одним из немногих, особо доверенных работников, которых посвятили в строжайшую тайну, зашифрованную как операция «Гиммлер». Больше того, Упицу и еще одному человеку, речь о котором будет ниже, собственно, и принадлежала сама идея операции. Сущность ее заключалась в том, что в начале 1939 года абвер раздобыл значительное количество польских военных мундиров, оружия и удостоверений личности военнослужащих польской армии, снабдил всем этим группу немецких агентов, которая затем напала на германские посты на польской границе и радиостанцию в Глейвице. Провокация удалась — все видели трупы «подлых поляков», то есть немцев-лагерников, на которых парни из абвера натянули польскую одежду с соответствующими документами в карманах, расстреляли и оставили там, где происходили стычки.

Печать «Третьей империи», Японии и Италии хором завопила о «польских агрессорах». Повод, для того чтобы ввести в действие «План вейс», был налицо. И Польша запылала в огне войны.

За участие в этой операции Гейнц Упиц по-

---

² «П л а н в е й с» — «Белый план», нацистский план нападения на Польшу

лучил рыцарский «Железный крест» с мечами, очередной чин, а также личную награду Генриха Гиммлера — золотое кольцо и кинжал дивизии СС «Тотен копф».

С тех пор прошло немало времени. Гейнц Упиц орудовал в Германии, во Франции и Норвегии, в Югославии и Чехословакии, действовал весьма энергично, как говорится — не за страх, а за совесть. Руководство ценило его, не обходило наградами и чинами. И теперь, к середине 1944 года, группенфюрер¹ Упиц был одним из видных деятелей фашистской контрразведки.

В тот вечер, когда Аскер Керимов встретился с Шубертом, Гейнц Упиц покинул свой уютный особняк в Берлине, сел за руль большого открытого «Мерседеса», вывел машину за город и погнал по широкой бетонной дороге на северо-запад.

Группенфюрер Упиц любил быструю езду. Это позволяло отключать сознание от обычных забот и дел. А нервы генерала очень нуждались в отдыхе: почти каждый день с фронтов приходили вести, одна неприятнее другой.

С некоторых пор опытный полицейский Гейнц Упиц почуял новую грозную опасность. Впрочем, опасность была не так уж нова, о ней давно знали, ибо возникла она в тот самый момент, когда нацисты пришли к власти. Этой опасностью был народ. Но прежде на народ можно было плевать; схватив за глотку, его держали в страхе и повиновении, дурачили безудержной демагогией и спекуляцией на национальных чув-

---

¹ Г р у п п е н ф ю р е р — чин в организациях и учреждениях СС, соответствует генерал-майору.

ствах и чаяниях немцев. Да, прежде это было возможно. Теперь же, когда вся страна из конца в конец покрылась солдатскими кладбищами, когда армии Советов штурмовали подступы к восточным границам Германии, а над фатерландом день и ночь висели эскадры бомбардировщиков англичан, американцев, русских, теперь простые немцы стали задумываться над многим. И Упиц, к которому стекалась самая объективная и полная информация со всех уголков страны, видел, что люди уже не только шевелят мозгами, но действуют, и с каждым днем все активнее. С фронта сообщали: сделанные на лучших германских заводах авиабомбы, торпеды, снаряды, мины частенько не взрываются, ибо оказываются начиненными песком или какой-либо иной дрянью. В Берлине саботажники вывели из строя главный цех одного оружейного завода. На другом заводе одновременно сгорели все электромоторы. И так — повсюду. Не лучше обстояли дела на транспорте. В прифронтовой зоне эшелоны вермахта летели под откос от рук партизан; в глубоком тылу поезда с военным грузом выводились из строя германскими антифашистами и беглецами из лагерей...

Полная луна стояла высоко в небе. Дорога просматривалась хорошо, и Упиц до отказа прижал ногой педаль газа. Машина рванулась вперед. Вскоре стрелка спидометра закачалась у цифры 120.

Через полтора часа машина подъехала к развилке дорог. Основное шоссе шло дальше, на Гамбург. Пологий и широкий съезд вел на запад. Группенфюрер оглянулся и, убедившись, что шоссе свободно, повернул руль влево.

Еще через час «Мерседес» Упица, на минуту притормозив у контрольно-пропускного пункта, въехал в Остбург. Высокого гостя ждали. Едва только автомобиль остановился у здания абвера, к нему поспешили штандартенфюрер Больм и штурмбаннфюрер Беккер. Почтительно поздоровавшись, они проводили генерала в приготовленные апартаменты — гостю был отведен коттедж, расположенный рядом со зданием контрразведки. В кожаной папке, которую нес с собой штандартенфюрер Больм, находились материалы, относящиеся к появлению в Остбурге Курта Краузе и Герберта Ланге. Группенфюрер Упиц прибыл специально по этому делу.

Материалы не могли порадовать генерала. На след спутника Герберта Ланге пока напасть не удалось, хотя Больм и Беккер предприняли все меры.

За домом покойного велось тщательное наблюдение, все посетители были подвергнуты негласной проверке. Однако в абвере понимали: тот, кто извлек запертанную в кухне радиостанцию, вряд ли вновь появится в домике Ланге. Поэтому контрразведка главное внимание уделяла Лизель. Адольф Торп навещал ее каждый день. Но женщина, испытав сильнейшее нервное потрясение, была в очень тяжелом состоянии. В ответ на настойчивые расспросы Торпа она твердила одно и то же: в доме в эти дни было полно народу, приходили какие-то люди, но кто именно — она не помнит.

Или не хочет вспомнить? Торп подозревал, что так оно и есть. Но это были лишь догадки, не больше.

Абвер разузнал о всех связях и знакомствах

Герберта Ланге на заводе, где он служил до мобилизации в вермахт. В поле зрения контрразведки попало человек двадцать. В списке значилась и фамилия механика Шталекера.

Дальнейшая проверка показала, что почти все эти люди присутствовали на похоронах.

Ниточка потянулась.

2

Директор завода артиллерийских снарядов и фаустпатронов «Ганс Бемер» Артур Кюмметц выбрал в ящике большую сигару, понюхал ее, аккуратно обрезае ножичком кончик и зажег.

Вошла секретарша.

— Господин Карл Кригер, — сказала она, вопросительно посмотрев на директора.

Кюмметц скосил глаза на большие часы в углу кабинета. На них было одиннадцать. Часы начали бить.

— Минута в минуту, — проворчал Кюмметц. — Однако он точен, этот Кригер.

И он кивнул секретарше. Та вышла и впустила в кабинет пожилого человека в аккуратном черном костюме, с галстуком-бабочкой. Это был заведующий заводской канцелярией Карл Кригер.

Начался утренний доклад. Все шло по раз и навсегда заведенному порядку, который директор Кюмметц самолично разработал и весьма ценил. Кригер был краток. Изложив в нескольких словах существо дела, он передавал шефу бумаги, которые тот подписывал и возвращал. Когда с бумагами было покончено, Кригер закрыл папку и поднялся.

Кюмметц вновь взглянул на часы. Доклад длился пятнадцать минут — ровно столько, сколько и полагалось. Он отпустил Кригера. Однако у дверей заведующий канцелярией задержался.

— Простите, забыл доложить... Кажется, я нашел подходящего человека.

— Шофера?

— Да.

— Конечно, женщина?

— Мужчина, господин директор!

— Из восточных рабочих?

— Нет.

— Кто же тогда?

— Немец, господин директор.

— Вы сказали: немец?

— Да.

— И не калека?

— Он не инвалид... То есть инвалид, но не в том смысле. У него целы руки и ноги, видят оба глаза. Он великолепный шофер но... Словом, чуть-чуть свихнулся. Его вывели, но от военной службы пока освободили. Так что практически здоров. Молод, силен и великолепно водит машину.

— Но что с ним стряслось?

— Был под бомбежкой. — Кригер покрутил

у виска указательным пальцем. — Однако все это в прошлом, господин директор.

— Свихнулся? — Директор отшвырнул сигару. — Не хватает только, чтобы моей машиной управлял сумасшедший. Сами-то вы в рассудке, предлагая мне такого шофера?

Кригер пожал плечами.

— Вам решать, господин директор. Но вы приказали достать шофера, дважды напоминали об этом. А где сейчас отыщешь здорового парня, который бы ходил без дела? Быть может, все же вызовете его?

— Он здесь?

— Да, я сказал ему, чтобы пришел. На всякий случай.

— Хорошо. Но откуда он взялся?

— Он пришел во вторник, господин директор. Вы знаете — в этот день я принимаю посетителей. Вот он и явился. Прежде чем докладывать вам, я проверил его, как мог. Мы вышли, и я посадил его за руль своего «Опеля». Мы проехали всего несколько километров, но я понял, что могу его смело рекомендовать. Разумеется, как шофера. Что касается документов, то будет, конечно, особая проверка, и тогда...

— Ладно, — сказал Кюмметц, — давайте его сюда.

Кригер вышел. Через минуту он вернулся и ввел в кабинет Аскера. Наголо обритая голова, темные усы щеточкой, какая-то смесь робости и растерянности в широко открытых светлых глазах за стеклами очков — все это в сочетании с тесноватой в плечах курткой зеленой саржи и желтыми фланелевыми бриджами сильно изменило внешность разведчика.

Кюмметц внимательно оглядел простоватого и, видимо, чуточку неуклюжего парня. «Из деревенских», — подумал он.

— Фамилия?

— Генрих Губе, — отчеканил Аскер, вскинув голову.

— Мне надо отвечать: господин директор, — сказал Кюмметц. — Вы поняли?

— Так точно, господин директор!

Кюмметц более четверти века провел на военной службе и больше всего на свете ценил дисциплину и порядок. Аскер был уведомлен об этом и действовал по строго разработанному плану.

— Документы.

Аскер вынул и подал паспорт, шоферское свидетельство, воинское удостоверение, бумагу из госпиталя.

— Вы смотрели их? — спросил Кюмметц заведующего канцелярией.

— Да, господин директор.

Кюмметц полистал бумаги, бросил на стол.

— Откуда родом?

— Вот, господин директор. — Кригер положил перед ним лист бумаги. — Я опросил шофера Губе и все записал.

— Восточная Пруссия, — пробормотал Кюмметц. — Из Пиллау?

— Так точно, господин директор. Только не из самого города, а километров пять к югу. Там хутора. Я с хутора Зёльде.

Аскер отвечал твердо, не боясь ошибиться или напутать перед человеком, который оказался бы вдруг жителем тех самых мест. И Пиллау и Зёльде были изучены еще в Москве, изу-

чены в совершенстве, до мельчайших подробностей. Столь же подробно мог охарактеризовать Аскер и членов «своей» семьи. Кроме того, как уже говорилось в одной из глав, советская разведка предусмотрела, что, проверяя личность Керимова-Губе, немцы могут сделать запрос в Восточную Пруссию. В этом случае из Пиллау пришел бы благоприятный ответ...

— Жарко сейчас в ваших краях, — сказал директор.

— Жарко? Никак нет. У нас же всегда ветерок с моря. Дует и несет прохладу...

— Я говорю о другом, — с досадой прервал его Кюмметц. — Сейчас Пруссия переживает тяжелые дни, Губе.

Аскер чуть наклонил голову.

— Тяжело, господин директор, — сказал он. — Что правда, то правда.

— А как вы очутились в наших местах? — спросил Кюмметц, еще раз внимательно ощупывая взглядом стоящего перед ним посетителя.

— Сам не знаю, господин директор. Последнее, что я помню — это вой пикировщика русских, затем меня что-то толкнуло в голову... Очнулся в санитарном эшелоне. И вот — оказался в Гамбурге, госпиталь 22-40. Вылечили — приехал сюда. Прочитал ваше объявление в «Остбургер цейтунг». Хотел было...

— Но почему не едете к себе, в Пиллау?

Кюмметц видел, как стоящий перед ним человек смущенно опустил голову, как ссутулились его плечи, раскрылись сжатые в кулак пальцы.

— Говорите, — потребовал Кюмметц.

— Вы же сами заметили, что там горячо,

господин директор, — тихо сказал Аскер. — А я хлебнул войны — вот до сих пор. — Он провел рукой по горлу. — Не поеду. Здесь проведу те несколько месяцев, что положены мне на отдых. Я ведь знаю: и полгода не пройдет, как опять повестка, и будь добр — надевай псгоны.

— А в Гамбурге почему не остались?

— Та же причина, господин директор. Дня не проходит, чтобы не прилетели англичане или американцы. Порт горит, город горит. Да, в Гамбурге и в Пруссии — один черт.

— Шофер Генрих Губе — счастливчик, родился в сорочке, — сказал заведующий канцелярией.

Кюмметц повернул к нему голову.

Кригер пояснил:

— Через день после того, как Губе выписался, госпиталь 22-40 взлетел на воздух.

— Д-да, — пробормотал директор. — Но откуда об этом знаете вы, Кригер?

— После того как Губе явился ко мне, я звонил в Гамбург. Комендатура подтвердила все то, что сейчас он рассказал. Хотя, конечно, это предварительно, и мы пошлем туда официальный запрос. Туда и в Пиллау.

Кюмметц задумался. Затем он задал Губе еще несколько вопросов — о службе, о семье, об автомобилях, на которых шоферу приходилось работать. Ответы давались четкие и точные. Все свидетельствовало о том, что Губе человек уравновешенный, и Кюмметц немногим рискует, доверившись ему как шоферу.

Зазвонил телефон. Директор снял трубку, назвал себя. Внезапно лицо его расплылось в улыбке. Он даже привстал с кресла.

— Приветствую вас, господин группенфюрер, — радостно сказал Кюмметц. — Счастливы слышать ваш голос, еще более рад тому, что не забываете старых друзей!.. Ну, разумеется, и я. Послушайте, а не позавтракаете ли вы у нас, милейший Упиц? Фрау Кюмметц была бы счастлива... Дела? Да, да, я понимаю. Ну что же, если не гора к Магомету, то Магомет к горе, как говорят на Востоке. Я так хочу видеть вас, что бросаю все и немедленно еду!

Кюмметц положил трубку. Он был весел, довольно потирал руки, улыбался. Что-то насвистывая, вышел из-за стола, снял с вешалки шляпу. Аскер подал ему плащ.

— Кригер, — сказал директор, направляясь к двери, — займитесь этим человеком. Мы возьмем его на испытательный срок.

— Не начать ли испытание сейчас, господин директор? — сказал Кригер. — Быть может, новый шофер и отвезет вас?

Кюмметц остановился, озадаченно поглядел на Аскера.

— Хорошо, — сказал он. — Отведите шофера Губе в гараж, и пусть он подает мой автомобиль.

Кригер и Аскер вышли. Вскоре Аскер подкатил к подъезду в легковом автомобиле. Директор ждал на тротуаре. Новый шофер плавно притормозил, выскочил из машины, распахнул перед Кюмметцем дверку.

— К зданию абвера, — сказал тот, усевшись.

3

Проводив взглядом автомобиль, Кригер вернулся к себе и принялся за работу.

Вскоре зазвонил телефон.

— Слушаю, — сказал Кригер, сняв трубку. — Да, это я. Нет, нам уже не требуется шофер. Мы только что взяли подходящего человека.

И он дал отбой.

На другом конце провода, в телефонной будке на окраине города, повесил на рычаг трубку Отто Шталекер.

— Молодец, — прошептал он.

Похвала эта относилась к Кригеру, ближайшему другу и помощнику Оскара Шуберта...

В тридцатых годах партия Гитлера развернула деятельную подготовку к захвату власти в стране. Силы фашистов, поддерживаемых финансовыми и промышленными магнатами, непрерывно росли. Тень паучьей свастики легла на немецкий народ. Противостоять фашистам мог только рабочий класс. Но пролетариат Германии был ослаблен предательской деятельностью социал-демократов, влияние которых в те годы было еще довольно сильно. Коммунисты трезво оценивали обстановку. Они понимали: в этих условиях может случиться так, что фашисты добьются своего. И компартия предприняла ряд мер, чтобы не оказаться безоружной перед лицом надвигавшейся опасности.

Первое, что следовало сделать, это сохранить кадры. И вот, в трагические для страны дни февраля — марта 1933 года, когда провокация с поджогом рейхстага помогла фашистам привести к власти своего фюрера и отряды штурмовиков взламывали двери в домах, отыскивая коммунистов, партия рабочего класса Германии ушла в подполье.

Некоторые члены КПП и примыкавшие к партии активисты задолго до этого получили особое задание. Сущность его заключалась в том, чтобы проникнуть в партию Гитлера — НСДАП и в ее органы, закрепиться там и вести работу в стане врага.

Такое задание выполнил и беспартийный экономист Карл Кригер. Помогло то, что он, как это знал ортсгруппенлейтер¹ Остбурга и другие фашистские заправилы города, был выходцем из мелкобуржуазной среды: отец Кригера имел магазин меховых изделий.

В 1932 году Карл Кригер оформил свое членство в НСДАП. На стене гостиной его дома появился большой портрет Гитлера, на бархатной скатерти ломберного столика — экземпляр «Мейн кампф» в переплете алого сафьяна с тиснением.

С тех пор Кригер жил двойной жизнью, полной опасностей и тревог. Он должен был непрерывно доказывать свою преданность режиму. И Кригер делал это весьма старательно. Он, в частности, принимал активное участие в июньских событиях 1934 года, о которых уже упоминалось, охотился, как и Гейнц Упиц, за сподвижниками Эрнста Рема, был беспощаден к тем, кого должен был разыскать и уничтожить. Что ж, совесть его не протестовала — эти люди, находясь в оппозиции к Гитлеру, все равно были нацистами, злейшими врагами рабочего класса Германии.

После июня положение Кригера в НСДАП

---

¹ Ортсгруппенлейтер — руководитель местной организации НСДАП.

окончательно укрепились. Он был принят в СС, а затем получил тепленькое местечко управляющего канцелярией завода «Ганс Бемер». Директор Кюмметц высоко ценил его за точность и исполнительность и полностью ему доверял.

Таков был Карл Кригер.

Закончив телефонный разговор со Шталекером, он задумчиво полистал бумаги нового шофера, вызвал стенографистку и продиктовал запрос в гамбургскую военную комендатуру на Генриха Губе.

— Чья подпись? — спросила стенографистка.

— Директора завода. Отпечатайте, отнесите господину Кюмметцу подписать и отправляйте.

Стенографистка взяла блокнот и вышла.

Кригер был спокоен за результат запроса. Выполняя поручение Шуберта устроить на завод Краузе, он специально побывал в Гамбурге и проверил то, что днем раньше узнал по телефону: госпиталь уничтожен, а комендатура располагает только списками находившихся в нем на излечении людей. И в одном из этих списков, после того как с ними «ознакомился» Кригер, появился и Генрих Губе...

Прошло дней десять. Аскер, встретившись с Кригером на заводе, шепнул, что хотел бы поговорить. Вскоре он сидел в кабинете заведующего канцелярией, старательно заполняя анкетный лист.

— Вам знакома такая фамилия: Гейнц Упиц? — спросил Аскер.

— Группенфюрер СС?

— Да. Человек этот прибыл в Остбург, и я несколько раз возил к нему директора.

— Они хорошо знают друг друга. Кюмметц — матерый нацист, окончил в прошлом «Хоэ шуле»¹, занимал пост целленлейтера². Фигура, словом, достаточно мерзкая. — Кригер усмехнулся. — О лучшем «хозяине» вы не могли и мечтать. Ко всему, он еще и старый член СС.

— Да... — Аскер помедлил. — Мы уезжаем с ним. И не куда-нибудь, а в Аушвиц³.

— Что там понадобилось Кюмметцу? Ага, понимаю, пленные? Рабочая сила? Странно, но он ничего мне не говорил.

Кригер встал, прошелся по кабинету.

— Когда вы едете? — спросил он.

— Послезавтра.

— Так... Кстати, вчера пришел ответ из полиции. Проверка закончена, и вы утверждены в должности.

— Спасибо... Я бы хотел напомнить о сварщике Висбахе.

— Да, я знаю. Шуберт говорил мне. Висбахом занимаются. К вашему возвращению кое-что проясним. Все предпримем, что в наших возможностях. Но не рассчитывайте на слишком многое. Боюсь, что в отношении этого человека вы ошибаетесь. Сегодня вновь наводил справки. О нем говорят только хорошее.

---

¹ «Хоэ шуле» — фашистская партийная школа в гитлеровской Германии.

² Целленлейтер — руководитель низовой организации НСДАП.

³ Аушвиц — немецкое название концлагеря Освенцим.

— Вы не так поняли меня. Я ни в чем его не подозреваю. Просто хочу ближе приглядеться к нему, вот и все.

4

На следующее утро, когда Аскер вез директора на завод, Кюмметц осведомился, готов ли «Бьюик» к поездке.

— Вчера, поставив автомобиль в гараж, я бегло его осмотрел, господин директор. Полагаю, надо будет вскрыть мотор и задний мост.

— Хорошо, — сказал Кюмметц, — действуйте, да поторапливайтесь; я распоряжусь, чтобы вам помогли.

Приехав на завод, Аскер поставил машину в бокс. Почти тотчас же явился присланный Кригером механик. Им оказался Отто Шталекер.

Они быстро исследовали мотор, затем полезли под автомобиль. Аскер возился у заднего моста, в то время как механик проверял тяги рулевого управления и тормозную систему. Внезапно гаечный ключ, которым действовал Шталекер, сорвался и с силой ударил в раму автомобиля. Послышался резкий дребезжащий звук. Вдвоем они очистили раму от грязи и обнаружили трещину. У Аскера мелькнула мысль.

— Позвоните Кригеру, — попросил он, — сообщите о повреждении и попросите, чтобы прислал сварщика. Самого лучшего!

Шталекер вылез из-под машины и поспешил к телефону.

Расчеты Аскера оправдались. Кригер прислал Макса Висбаха. Это был человек лет сорока пяти, с приятным открытым лицом, высо-

ким лбом, обрамленным волнистыми седеющими волосами. Особенно красивы были его глаза — большие и умные.

Висбах приветливо поздоровался со Шталекером, которого знал по заводу, коротко кивнул Аскеру и полез вниз. Он внимательно осмотрел поврежденное место, простучал по остальным частям рамы, чтобы убедиться в их исправности.

— Продолжайте работу, — сказал он, — я подойду к концу смены, покажу, куда подогнать машину. Там и заварим.

Висбах ушел.

Аскер и Шталекер вновь принялись за работу, вычистили и промыли карбюратор и фильтр, осмотрели свечи, аккумулятор, подкачали шины.

Висбах пришел в пять часов. Аскер вывел автомобиль из бокса и направил в цех, где находилось хозяйство сварщика.

Ремонт был закончен в десять минут.

— Признателен вам. — Аскер протянул сварщику руку. — За мною пиво.

— Что ж, — усмехнулся Висбах, — пиво — это не так уж плохо. Особенно, если рядом хороший собеседник.

— Завтра мы уезжаем с господином директором. На несколько дней. Вернемся, и я отыщу вас.

— Хорошо. Значит, до вашего возвращения.

К концу рабочего дня автомобиль ждал директора у подъезда.

— Машина готова, — сказал Аскер, распахивая перед Кюмметцем дверку. — Можем ехать хоть сейчас.

— Обращаясь ко мне, надо добавлять «гос-

подин директор», — ворчливо напомнил Кюмметц, хотя в душе был доволен расторопным и исполнительным шофером.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

1

Утром Аскер и Кюмметц покинули Остбург. Путешествие начали рано, и часам к десяти машина уже въезжала в Берлин. Огромный город был мрачен, молчалив. Шел дождь, по краям мостовых текли мутные ручейки. Вода несла в канализационные решетки щепу, обрывки бумаги и прочий мусор, смытый с тротуаров. То и дело попадались дома без крыш, без окон, одиноко торчащие стены, иссеченные осколками, покрытые копотью, в которой дождевые струи промыли длинные грязно-серые полосы. Такими же унылыми, бесцветными показались Аскеру немногочисленные прохожие — мокрые, сгорбленные фигурки, торопливо шлепавшие по лужам.

Итак, путешествие началось. Что принесет оно?

Освенцим!.. Название этого гитлеровского концлагеря все чаще появлялось в документах советской разведки. И было очень полезно добыть побольше сведений об Освенциме.

Мысли Аскера перенеслись к Висбаху. Первая встреча с ним ничего не дала. Разумеется, Аскер и не надеялся разобраться в человеке, побеседовав с ним несколько минут. Но какое-то впечатление, пусть самое поверхностное, должно же было остаться! А его не было...

Директор прервал размышления Аскера.

— Ведите машину через центр, — сказал он. — Едем в Бреслау, там и заночуем.

Они миновали Шпандау, затем проехали по другому району Берлина — Моабиту, свернули на широкую Унтер-ден-Линден. Здесь пришлось замедлить ход — по улице сплошным потоком двигались военные грузовики и бронетранспортеры. Видимо, шла переброска войск.

— Сворачивайте на юг, — распорядился директор, когда проехали под Бранденбургскими воротами, миновали Тиргартен и рейхстаг, — проедем мимо аэродрома Темпельхоф, там начинается великолепнейшее шоссе.

Аскер повиновался. Вскоре машина выбралась из города и устремилась на юго-восток.

Кюмметц сказал правду. Дорога и впрямь была хороша. Выложенная большими бетонными плитами, широкая и ровная, она будто сама стлалась под колеса автомобиля. И Аскер все увеличивал скорость.

— У вас прекрасный автомобиль, господин директор, — сказал он, чтобы поддержать разговор. — Я ездил на многих марках, но никогда еще не водил «Бьюика». Видимо, трофей?

Кюмметц кивнул.

— Эти американцы умеют делать автомобили, — проворчал он. — Что правда, то правда.

— Нет! — Аскер оторвал от руля и значительно поднял руку. — «Бьюик» хорош, но я бы не променял «Мерседес» или, скажем, «Хорх» ни на какие «бьюики» или «линкольны». И мотор, и коробка скоростей, и система подвески — все несравненно, господин директор!

— Да, это и мое мнение. — Кюмметц с инте-

ресом взглянул на водителя. — Давно вы за рулем, Губе?

Аскер рассмеялся.

— Вот не поверите, господин директор. Но бывает же так: вы задаете вопрос, а я должен ответить — сегодня у меня юбилей: исполняется двадцать восемь лет мне и десять лет моему шоферскому удостоверению.

Он полез в нагрудный карман, извлек и передал Кюмметцу документ.

Директор считал себя добряком и демократом. Кроме того, он хорошо помнил указание фюрера, сделанное еще до войны, на одном из партийтагов в Мюнхене, о необходимости крепить единство германской нации, нации господ и покорителей мира. Поэтому, просмотрев удостоверение и найдя его в полном порядке, Кюмметц сказал, что следует отметить этот двойной юбилей. Вон, впереди, зеленеет лужайка и на ней — группа деревьев. Там они и сделают привал. Кстати, давно наступило время завтракать.

Проговорив это, Кюмметц взглянул на шофера и с удовлетворением отметил на его лице смущение и признательность.

— Мы с вами немцы, Губе. Мы немцы, и этим все сказано! — Кюмметц снисходительно похлопал шофера по плечу.

Путники провели на лужайке отличные полчаса. Аскер расстелил на траве газету, уставил ее припасами — у Кюмметца оказался солидный запас еды. Директор извлек из кармана плоскую флягу с гофрированной пробкой.

— Спирт, — сказал он, отвечая на вопросительный взгляд шофера. — Этот спирт, Губе, пахнет от всех несчастий и бед.

Кюмметц выпил и предложил флягу Аскеру. Тот решительно отказался.

— Нельзя, — проговорил Аскер. — Когда я за рулем — в рот не беру ни капли.

Директор одобрительно кивнул. Это была проверка, которую он устроил новому шоферу.

Кюмметц вновь выпил, налил себе еще, затем опрокинул в рот и четвертый стаканчик. Тощий затылок и дряблые щеки директора порозовели, в глазах зажглись огоньки. Длинными тонкими пальцами он то и дело брал и отправлял в рот большие куски холодной свинины, громко чавкая и щуря свои и без того небольшие глаза.

Ел Кюмметц долго и жадно. Наконец, с завтраком было покончено. Директор завинтил флягу, поднес к уху, взболтнул и с сожалением покрутил головой. Затем встал, походил по траве, разминая затекшие ноги. Аскер собрал остатки еды и отнес в машину.

— Продолжаем путешествие, — сказал Кюмметц, закурив и усевшись в автомобиль.

Спирт скоро подействовал. Директор сидел, привалившись к борту машины, улыбался и что-то негромко напевал.

— Но вы не спрашиваете, Губе, за каким

чертом понесло меня в этот Аушвиц? — вдруг проговорил он, хитро взглянув на Аскера. — Что я там потерял, в лагере?

Аскер пожал плечами.

— Я полагал, это не касается меня, господин директор.

— Вы верно полагали. — Кюмметц качнулся. — Но вы хороший шофер, и я посвящу вас. Мы едем за людьми. За новыми рабочими для завода.

— Но у вас и так трудится много пленных.

— А теперь... их будет гораздо больше!

Речь Кюмметца стала отрывочной, бессвязной. Он вдруг смолкал на полуслове, потом торопливо выкрикивал фразу. Временами голос его спускался до шепота, и тогда Аскер вообще не мог ничего разобрать. Все же он понял, почему директор так спешил с отъездом. Оказывается, военные власти Остбурга предупредили, что через неделю с завода будет взята в вермахт новая большая группа рабочих-немцев, и Кюмметц должен успеть заменить их пленными.

— А почему мы едем так далеко?

— Э, мне предложили людей из окрестных лагерей: «Берите, герр Кюмметц, что вам нравится!» — Директор гневно качнул головой. — Берите!.. А что я там найду, если уже давно перерыл весь контингент? Ведь не дремлют и директора других заводов.

— Конечно, — подтвердил Аскер.

— И тут вмешалось провидение, Губе. Оно явилось в образе моего старинного друга, который неожиданно приехал в Остбург по делам службы. О, мой друг занимает высокий пост. Конечно, он нашел, как мне помочь. Два пяти-

минутных разговора по телефону с Берлином — и я получил право как следует порыться в Аушвице!

— И все же вы могли бы не ехать так далеко, господин директор. Я слышал, большой лагерь есть близ Веймара — это куда ближе.

— Бухенвальд?

— Да, Бухенвальд.

Кюмметц затряс головой, визгливо рассмеялся.

— Браво, Губе! — воскликнул он. — Вы мне все больше нравитесь. Но я уже был в том лагере. Был, понимаете? Я забрался в Бухенвальд еще весной, мой мальчик! О, у меня отличные связи, и для Бухенвальда я не искал бы протекции. Заместитель коменданта лагеря — мой племянник. Понимаете, племянник? И все же мне нечего делать в Бухенвальде. Там действуют люди Круппа и Хейнкеля. А после них мало что остается...

2

Часам к пяти прибыли в Бреслау. Утром путешествие продолжалось. Вскоре замелькали городки Верхней Силезии — Опельн, Беутен, Катовице. В этих местах год назад Аскер действовал под именем оберштурмфюрера Краузе, выслеживая руководителя агентурной школы, здесь, в лесном убежище, он и повстречал впервые Оскара Шуберта...

Проехав Катовице, машина свернула на юг. Спидометр «Бьюика» отсчитал еще километров тридцать. Впереди замаячили какие-то строения. Местность была всхолмлена. Машина взле-

тела на возвышенность, и строения стали видны лучше.

— Аушвиц, — сказал директор.

Аскер с удивлением вглядывался в раскрывшуюся перед его глазами картину. Он был озадачен. Ему не раз приходилось видеть гитлеровские концентрационные лагеря на востоке. Это были участки, наспех огороженные колючей проволокой, где вкривь и вкось торчали грубо сколоченные бараки, темные и смрадные. А иной раз не было и бараков — только огороженная ржавой проволокой и рвами земля, на которой вповалку лежали, умирая голодной смертью, люди. Теперь же он видел огромную территорию, тщательно распланированную и, казалось, благоустроенную. Большие бараки стояли ровными рядами, полускрытые в зелени деревьев. Лагерь во всех направлениях пересекали прямые, широкие дороги. В центре высилось квадратное сооружение — по виду фабрика или завод, из труб которого шел густой дым, вырывались языки пламени. Повсюду виднелись группы людей, выполнявших какие-то работы. Общее впечатление было такое, что здесь царят мир и спокойствие.

В стороне слышался свисток локомотива. К Освенциму приближался длинный товарный состав. «Наверное, за продукцией завода», — подумал Аскер.

Подъем окончился. Машина скользнула по широкому пологому спуску. У подножья холма ей преградил путь шлагбаум.

— Куда и зачем следуете? — спросил вышедший из будки лейтенант.

Кюмметц протянул ему бумагу. Офицер про-

читал и сделал знак стоявшему поодаль солдату. Тот поднял шлагбаум.

— Торопитесь, — сказал лейтенант. — Как раз поспеете на представление.

При этом он весело ухмыльнулся.

Аскер был озадачен. Он скосил глаза на спутника. Тот, видимо, тоже не знал, что означают слова офицера.

Их проверили еще на двух постах и в конце концов направили к пассажирской платформе, где должен был находиться помощник коменданта.

На платформе былолюдно. Сюда группами и в одиночку спешили офицеры и солдаты из расположенного неподалеку участка лагеря. Один из эсэсовцев, уже немолодой гауптштурмфюрер, увидел машину и поспешно направился к ней.

— Как вы сюда попали? — спросил он.

Кюмметц вновь извлек из кармана бумагу.

— От группенфюрера Упица, — пробормотал эсэсовец. — Прошу документы.

Кюмметц и Аскер предъявили удостоверения, паспорта. Гауптман просмотрел их и вернул.

— Я Вернер Кранц, помощник коменданта Аушвица, — сказал он. — Будете иметь дело со мной. Но, простите, пока я занят.

— И долго нам ждать? — спросил Кюмметц.

Гауптман поглядел на железнодорожный состав. Паровоз сбавлял ход. Скрипели тормоза. Красные грузовые вагоны вздрагивали, постукивая тарелками буферов.

— Нет, сказал Кранц, — недолго. Эшелон обычный. Это продлится не больше часа.

И он вернулся на перрон.

Поезд остановился. У каждого вагона встало

по несколько солдат с автоматами и дубинками.

В поезде был пассажирский вагон. Из его двери на платформу выпрыгнул молодой офицер с погонами штурмфюрера. Он и Кранц пожали друг другу руки.

— Ну, — сказал Кранц, — кого привезли на этот раз?

— Все тех же, господин гауптман. Евреи из Венгрии.

— Сколько?

— Две с половиной тысячи голов.

И штурмфюрер вручил помощнику коменданта лагеря толстый запечатанный пакет. Кранц, не вскрывая, передал пакет стоявшему рядом унтер-офицеру, махнул рукой.

— Не мешкайте, — вполголоса проговорил он, — на подходе еще два эшелона.

Унтер-офицер пустился по перрону бегом. Он вбежал в будку со стеклянной дверью, включил микрофон, щелкнул по нему пальцем.

— Внимание, — сказал он, и голос его, усиленный громкоговорителем, загредел по перрону. — Внимание. Эта информация предназначена для заключенных, которые только что прибыли и еще находятся в вагонах. Евреи, вас доставили в лагерь Аушвиц, где вы отныне будете жить и работать. Мы не хотим вам зла, мы обеспечим вас жильем, одеждой, едой. Но мы требуем беспрекословного повиновения. За малейшее неподчинение — расстрел на месте. Сейчас вас выпустят из вагонов. Вы разделитесь — мужчины отдельно, женщины и дети — отдельно. Вы снимете с себя все свое платье, а также нижнее белье и обувь, аккуратно сложите там, где будет указано. Затем вы пройдете в душ,

на дезинфекцию, после чего вам выдадут новое платье и белье. Повторяю: за неповиновение — смерть, за слишком медленное раздевание — смерть, за попытку уклониться от дезинфекции — смерть. Внимание, охране открыть двери вагонов!

Эсэсовцы сбили с дверей теплушек толстую проволоку. Двери со скрежетом раздвинулись. Из вагонов посыпались люди с чемоданами, корзинами, дорожными мешками. Те, что помоложе, прыгивали и спешили помочь женщинам с детьми. Старики, на которых напирала сзади, тяжело падали на платформу и торопливо отползали в сторону, чтобы не быть раздавленными. Матери, надрываясь в крике, звали детей, которых потеряли в сутолоке. Малыши плакали и прдирались сквозь толпу, пытаясь отыскать родителей. Громче всех рыдала девочка лет трех. Маленькая, смуглая, с большими голубыми глазами, в которых застыл ужас, она металась по платформе, прижимая к груди башмачок с красным пушистым помпоном.

Заработали дубинки эсэсовцев. Не давая узникам опомниться, их стали сгонять в большой оцепленный солдатами круг.

— Мужчины — направо, женщины и дети — налево, — командовал громкоговоритель. — Скорее, евреи, не мешкайте. Помните: за промедление — смерть!

Как бы в подтверждение этого где-то негромко хлопнул выстрел, и в воздухе повис протяжный вопль. Толпа застонала, шарахнулась от вагонов, заторопилась. Группа дюжих эсэсовцев прикладами карабинов отделяла молодых и силь-

ных мужчин. Таких набралось человек триста. Их построили и увели.

Остальные раздевались, здесь же, на платформе. Женщины были так ошеломлены, что не пытались сопротивляться. Они покорно раздевали детей, стаскивали с себя кофты, юбки, нижнее белье.

— Складывайте вещи аккуратно, — гремел громкоговоритель, оставляйте на одежде деньги, кольца, браслеты, серьги, часы, медальоны, ожерелья и другие ценности. Ничто не пропадет — за это ручается германская армия.

Не прошло и четверти часа, как все прибывшие в эшелоне (за исключением группы мужчин, которых увели) были раздеты донага. Эсэсовцы встали в два ряда, образовав узкий коридор, протянувшийся от перрона к дверям огромного приземистого облицованного красным кирпичом здания, на фронте которого было выведено: «Бад»¹. По коридору хлынул поток голых людей.

Минут через двадцать люди были загнаны в помещение. За ними затворились тяжелые металлические двери. Тогда откуда-то появилась колонна лагерников в рваных полосатых халатах. Все оставленное на перроне было запихано в холщовые мешки, и колонна унесла их.

Подошел улыбающийся гауптштурмфюрер Кранц.

— Ну, — сказал он, взглянув на часы, — как видите, я не хвастал: прошло только сорок пять минут. Три четверти часа и все. И никаких эксцессов, трагедий. Полагаю, по возвраще-

---

¹ Б а д — баня.

ний вы доложите группенфюреру Упицу, как мы тут выполняем свой долг.

— Они все... сразу? — пробормотал Кюметц.

Кранц рассмеялся.

— Это же абсолютно безболезненно, уверяю вас. Гуманнее не придумаешь. Запирают двери, включают газ. Постепенно наступает состояние приятного оцепенения. Оно переходит в сон. И — все кончено: ты уже в райских кушках!

Аскер взглянул на перрон. Несколько мужчин в халатах поливали из шлангов платформу. Сильные струи воды шипели и пенились. На середине платформы валялся детский башмачок с красным пушистым помпоном. Вода подхватила его, закружила, понесла. Секунда, другая, и башмачок исчез в сточной канаве.

Где-то вдали послышался свисток паровоза...

3

Аскер ночевал в маленькой комнате одного из коттеджей административного городка, расположенного вне зоны концлагеря. Поднялся он рано и чувствовал себя скверно, так как почти всю ночь провел без сна.

Он побрился, спустился вниз, где, как ему объяснили, имелась столовая, выпил стакан кофе. Есть не хотелось. Еще вчера, подъезжая к лагерю, Аскер почувствовал какой-то странный запах. От Освенцима шел ни с чем не сравнимый густой тяжелый дух. Аскер, сколько ни старался, не мог определить его природы. Он даже подумал, что это только чудится — перенервничал, и вот мерещится всякая чертовщина.

Но прошла ночь, наступило утро, а смрад не пропадал. И это начисто отшибало аппетит.

Выйдя из столовой, он оглядел машину. «Бьюик» следовало помыть — бока его были серы от пыли. Неподалеку стоял щегольской «Мерседес». Аскер направился к нему.

— В чем дело, приятель? — окликнул его шофер «Мерседеса», высовываясь из кабины.

Аскер показал руками, как поливают из шланга.

Шофер вылез из машины, протянул руку.

— Фриц Фиттерман, — сказал он.

— Очень рад. — Аскер пожал руку, назвал себя.

— Недавно здесь?

— Да. Вчера привез хозяина. Дружок группенфюрера Упица. Слыхали о таком?

Шофер с уважением кивнул.

— Так вам что, помыть машину?

Аскер коснулся ладонью пыльного бока «Бьюика».

— Бедняга очень в этом нуждается. Мы проехали без остановки почти от самого Гамбурга.

— Далеко забрались. Серьезное дельце?

— Не знаю. — Аскер пожал плечами. — Кажется, за людьми. — Он вынул сигареты, угостил шофера. — А ты кого возишь?

— Помощника коменданта.

— Ловко. — Аскер хлопнул Фиттермана по плечу. — К нему мы и приехали. Виделись вчера. А хозяин, верно, и сейчас с ним. — Он взглянул на часы. — Приказал приготовить машину к десяти, сейчас девять с минутами. Может, успеем помыть, а?

— Садись за руль.

До мойки было не больше километра.

Аскер и Фиттерман постояли в стороне, пока рабочий — пожилой, сухонький заключенный — старательно поливал машину из брандспойта.

— Давно ты здесь? — спросил Фиттермана Аскер.

— С самого основания лагеря. Скоро будем праздновать пятилетие Аушвица. Прибыли сюда в тридцать девятом году. Вокруг было картофельное поле и ничего больше. А теперь? — Шофер значительно поджал губы. — Нет, ты погляди вокруг. Город, настоящий город!

— А это что, завод? — Аскер показал на здание с трубами, из которых шел густой черный дым.

— Завод! — Фиттерман ухмыльнулся. — Послушай, да ты, оказывается, и вовсе желторотый. Ведь ты в Аушвице, парень!

— Ну так что?

— А то, что дымить круглые сутки здесь может только один «завод» — крематорий.

Крематорий! Теперь Аскер мог не доискиваться причины смрада, которым был отравлен воздух Освенцима.

Из ворот зоны лагеря показалась группа женщин — истощенных, одетых в серые балахоны, свисавшие с плеч длинными грязными лохмотьями.

— Повели на прогулку невест, — сказал Фиттерман.

Окруженные эсэсовцами с овчарками на поводу, женщины куда-то брели, стараясь не отставать друг от друга. Сбоку шла красивая немка в офицерском мундире, с огромным догом на цепочке.

— Оберауфзеерин¹ Мария Мандель, — проговорил вполголоса шофер, кивнув на немку в мундире.

— Куда их ведут? — спросил Аскер.

— На Унион.

— Унион?

— Завод боеприпасов. Расположен недалеко. Там работает много этого сброда.

Подошел мойщик со шлангом.

— Ваш автомобиль готов, мсье, — прошептал он беззубым ртом.

Фиттерман швырнул ему сигарету. Аскер раскрыл портсигар и извлек еще пару — больше дать он не рискнул, это было бы неосторожно.

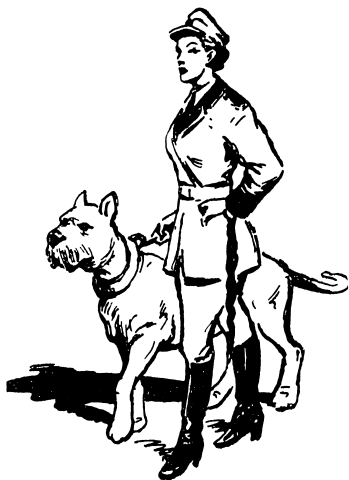
Глаза мойщика радостно блеснули. Он схватил сигареты, низко поклонился, отбежал в сторону, закурил.

— Кто же эти женщины? — проговорил Аскер, оглядывая узниц, которые подошли совсем близко.

Мойщик услышал, спрятал сигареты в рукав.

— Я мог бы помочь, мсье.

— Подойди! — приказал Фиттерман.

---

¹ Оберауфзеерин — начальница женского отделения концлагеря.

Мойщик приблизился.

— Ты знаешь их? — спросил шофер «Мерседеса».

— Здесь женщины из разных стран, мсье. Я не знаю всех, но что касается француженок... Вы слышали такое имя: Поль Вайян-Кутюрье?

В сознании Аскера мгновенно возник образ одного из основателей и руководителей коммунистической партии Франции, выдающегося деятеля международного рабочего движения, талантливого писателя и публициста. В свое время Аскер с увлечением прочел его рассказы из сборника «Солдатская война».

— Так вот, — продолжал мойщик, — женщина, идущая в третьем ряду — в халате, который разодран на боку сверху донизу, и в обмотанных брезентом башмаках, — это его жена, Мари-Клод Вайян-Кутюрье.

— За что она здесь?

— Не знаю, мсье. Мари-Клод — видная общественная деятельница в своей стране. Наверное, провинилась. Вероятно, было за что. О, мсье Анри Петен знает, что делает!..

— Дальше! — потребовал Фиттерман.

— Вы, может быть, слышали также имя Жака Соломона, зятя профессора Ланжевена — видного физика, ученика великого исследователя атомного ядра, академика Пьера Кюри? Поглядите на ту, что идет рядом с госпожой Вайян-Кутюрье, справа. Это — дочь профессора Ланжевена, жена Жака Соломона — Элен Соломон.

Фиттерман присвистнул.

— Смотри-ка! Любопытно, кто это заарканил этукую кралю?

Мойщик, опустив глаза, молчал.

Одна из женщин, захромав, стала отставать. Видно было, как спутницы пытались принудить ее идти, подталкивали, поддерживали под руки. Но ничего не помогало. Узница быстро теряла силы, двигалась все медленнее и постепенно ока-

залась в хвосте колонны. Здесь она задержалась и, напрягая последние силы, некоторое время шла вровень с другими. Аскер облегченно вздохнул. Но вдруг лицо женщины исказилось гримасой боли, она вскрикнула, резко качнула головой, как бы отказываясь от борьбы, которую с собой вела, вышла из колонны и села.

Аскер взглянул на мойщика. Тот был бел. Рука, в которой он держал сигарету, дрожала.

Оберауфзеерин Мандель обернулась и что-то прокричала заключенной. Та с отчаянием покачала головой.

Колонна продолжала путь. Женщина сидела, обхватив руками голову и раскачиваясь из стороны в сторону. Шедший последним эсэсовец вытащил пистолет и выстрелил ей в спину. Узница мягко ткнулась лицом в землю и, скрюченная, осталась лежать без движения.

Мойщик обернулся. Он часто дышал, судорожно раскрывая рот.

— Кажется, я знал и ее, — прошептал он. — Кажется, это была мадам Майя Политцер, жена философа профессора Жоржа Политцера...

И пленный криво усмехнулся.

4

На следующий день Кюмметц появился у «Бьюика» в сопровождении помощника коменданта лагеря гауптштурмфюрера Кранца. Директор был доволен, улыбался, шутил. Он и Кранц громко разговаривали. Из их беседы Аскер понял, что первые двести рабочих уже подобраны, а сегодня подыщут и остальных. С этой целью Кюмметц и Кранц направляются сейчас в зону, где размещены пленные с востока.

Они прошли к автомобилю Кранца, уселись. Машина уже готова была тронуться, когда Кюмметц увидел своего шофера и подозвал его.

— Поедете с нами, — сказал Кюмметц. — Быть может, придется помочь: нам нужно несколько шоферов и механиков.

Аскер сел рядом с Фиттерманом.

Поездка длилась долго — лагерь был разбросан на огромной территории. Побывали в блоках, где содержались чехи, поляки, сербы, словаки.

Наконец, эта часть лагеря осталась позади. Машина выехала на дорогу.

— К русским, — распорядился помощник коменданта.

Фиттерман направил машину в сторону, где смутно белели строения. Это были блоки советских военнопленных. Зону окружали две стены

из колючей проволоки с оголенным электрическим проводом вверху, по которому шел ток высокого напряжения. Перед проволокой был ров.

— Район зондербехандлунг¹, — сказал Кранц. — Здесь содержится категория пленных НН.

— Категория нахт унд небель эрлас², — усмехнулся Кюмметц.

— Ого, — воскликнул Кранц, — вы и это знаете!

Кюмметц хмыкнул, иронически скривил губы.

— Все, что здесь творится, не такая уж большая тайна. В Германии знают об Аушвице и не обманываются в отношении того, что в нем происходит. Разве только не совсем точно представляют себе масштабы.

— Да, — задумчиво протянул Кранц, — такое не спрячешь...

Машину помощника коменданта лагеря знали. Ворота раскрылись, и она въехала в зону. Фиттерману пришлось тотчас же принять в сторону — навстречу двигалась большая колонна заключенных.

— Куда это их? — спросил Кюмметц.

— Работать.

— Ловко. — Директор взглянул на часы. — Скоро полдень, а они только отправляются. Вот тебе и особая зона. Да это курорт, а не лагерь.

— На работу их выгоняют с рассветом, —

---

¹ Зондербехандлунг — особое обращение с пленными, имеющее целью их уничтожение.

² Нахт унд небель эрлас — «мрак и туман», гитлеровская директива об уничтожении пленных.

сквозь зубы процедил Кранц. — Сегодня задержались — пересчитывали стадо.

— Это так важно для категории НН? — В голосе Кюмметца звучала откровенная ирония.

Кранц промолчал. Он не забывал, что вездливый старик имеет бумагу от самого Гейнца Упица.

— Много их у вас? — спросил Кюмметц.

— Порядком. Раньше в Аушвице одновременно содержалось тысяч полтораста-двести, сейчас — почти четверть миллиона¹.

Колонна приближалась. Фиттерман прижал машину к обочине, выключил мотор.

Аскер взволнованно разглядывал узников. Почти никто из советских пленных не имел обуви — ноги лагерников были замотаны в какое-то невообразимое тряпье. Лохмотья, заменявшие одежду, едва прикрывали тело. Люди находились в последней степени истощения. Вдобавок почти у каждого чернели многочисленные ссадины и кровоподтеки — на голове, на руках, на теле, где оно проглядывало сквозь лохмотья.

А пленные все шли. Большинство составляла молодежь — вероятно, бывшие солдаты. Это чувствовалось еще и по тому, как они стремились идти в ногу, держать строй. На стоявший в стороне автомобиль пленные старались не глядеть.

Один из сопровождавших колонну эсэсовцев отсалютовал Кранцу фашистским приветствием.

---

¹ Освенцим был самым крупным концлагерем гитлеровцев, представлял систему лагерей, объединенных под одним общим названием. В нем было истреблено свыше 4 миллионов человек.

— Песню, — скомайдовал он пленным, желая доставить удовольствие начальству. — Петь песню, вы, скоты!

Десятка полтора заключенных затаили:

Если весь мир будет лежать в развалинах,
К черту, нам на это наплевать.
Мы все равно будем маршировать дальше,
Потому что сегодня нам принадлежит Германия.
Завтра — весь мир¹.

Пение фашистских песен было одним из звеньев длинной цепи унижений, которую здесь специально разработали для советских людей. По мысли эсэсовцев, это должно было помочь подавить волю узников, сломить их, покорить.

Запевалы, которых никто не поддержал, едва добрались до конца куплета и смолкли.

— Снова! — заорал конвоир. — Петь, черт вас побери!

Запевалы повторили куплет, но с тем же успехом. Колонна молчала. И тогда по головам и спинам узников запрыгали дубинки и стальные прутья охранников.

Колонна ушла. Машина продолжала путь. Она обогнула группу барачных и остановилась неподалеку от крайнего строения. Здесь начиналась обширная площадь.

Возле барачных стояло несколько офицеров. Один из них поспешил навстречу Кранцу. Помощник коменданта и Кюмметц вылезли из автомобиля и двинулись к нему.

Аскер огляделся. В разных концах площади группы пленных подбирали камни, окапывали деревья, сгребали и выносили мусор. Наискосок

---

¹ Куплет одной из подлинных фашистских песен.

шла широкая траншея. Там, где остановился автомобиль Фиттермана, ее еще только рыли; в конце площади в траншею укладывали толстые серые трубы.

Фиттерман поднял капот машины и достал ключи — одна из свечей работала с перебоями, ее следовало заменить. Аскер зажег сигарету и направился к траншее. На дне ее работали землекопы. Разойдясь, чтобы не мешать друг другу, они с усилием вонзали лопаты в неподатливый грунт. В воздух взлетали комья тяжелой желтой глины.

— Хэлло, Губе!

Аскер оглянулся. Он увидел: Кранц и другие офицеры входят в барак, Кюмметц стоит у двери и делает ему знак приблизиться.

Аскер поспешил на вызов.

— Где вы запропалились, Губе, — проворчал Кюмметц. — Идемте, сейчас начнется.

— Слушаюсь, господин директор.

Облака, застилавшие небо, разошлись. Брызнули яркие солнечные лучи. Сразу стало жарко. Кюмметц расстегнул пуговицы плаща, снял его, передал своему шоферу, ослабил галстук.

— Ну-ну, — сказал он, — посмотрим, что нам покажут.

Из барака вышел Кранц. За ним появились офицеры. Группу замыкал шарфюрер — полный, с заметным брюшком и одутловатым лицом, несший стопку розовых карточек.

Все направились к траншее и, не дойдя до нее нескольких метров, остановились, повернувшись лицом к бараку. Там раздвинулись широкие двери. На площадь хлынула толпа лагерников.

— Построиться! — скомандовал толстый шарфюрер.

Заключенные рассыпались в стороны, бегом занимая свои места в строю. Не прошло и минуты, как перед Кюмметцем и Аскером протянулась длинная двойная шеренга.

Аскер оглядел ее. Пленных было человек восемьсот. Прямо перед ним стоял высокий человек с длинной и тонкой шеей, которая, казалось, с трудом поддерживала тяжелую голову с большим выпуклым лбом. Он разглядывал немцев холодными умными глазами; его правая рука, наполовину обнаженная, чуть заметно двигалась, будто лагерник собирался что-то сказать... Кто он? Как попал сюда? Несчастливая солдатская судьба виной этому, или же был он схвачен при облаве в каком-нибудь городе, оккупированном гитлеровцами?..

А этот, что стоит, понурясь, поддерживая руку, замотанную в какую-то тряпку? Солдат или, быть может, обычный мирный горожанин?

Еще дальше — юноша лет восемнадцати, широкоплечий, коренастый, с твердым подбородком и черными, как угли, глазами, в рваных га-лифе и желтой гимнастерке без воротника и рукавов.

Восемьсот пленных — восемьсот искалеченных судеб. Каждый хлебнул горя полной меркой, жизнь каждого — трагедия, которую не перескажешь словами.

— Начинайте, — скомандовал Кранц.

Шарфюрер с одутловатым лицом заглянул в одну из своих карточек, выкрикнул длинный, шестизначный номер.

Из строя вышел пленный.

— Слесарь, — сказал шарфюрер, чуть повернув к Кюмметцу голову.

Директор завода приблизился к лагернику. Подошел и Аскер. Перед ними стоял мужчина лет сорока — горбоносый, с потухшим взором.

— Слесарь? — спросил его Кюмметц.

Пленный не ответил: вероятно, не знал по-немецки. Кюмметц бесцеремонно оглядел его.

— Губе, — сказал он, — пощупайте ему руки и плечи.

Аскер исполнил требуемое. Все это время лагерник безучастно глядел перед собой.

— Присяды! — скомандовал Кюмметц.

Пленный не шевельнулся.

— Присесть! — прокричал по-русски шарфюрер.

Лагерник послушно согнул ноги, неуклюже присел, с трудом выпрямился.

— Беру, — сказал Кюмметц.

Шарфюрер кивнул и передал карточку пленного стоявшему рядом эсэсовцу.

Потом он назвал следующий номер. Из строя вышел новый пленный. Теперь это был механик. Повторилась та же процедура, и шарфюрер передал эсэсовцу вторую карточку.

Третьим строй покинул парень лет двадцати пяти, тоже оказавшийся слесарем. Настала очередь юноши с черными глазами, в рваных галифе.

— Токарь, — объявил шарфюрер.

— Нет! — Темноглазый покачал головой.

Кюмметц вопросительно поглядел на шарфюрера. Тот вновь заглянул в карточку.

— Токарь, — подтвердил он.

— Нет! — снова сказал пленный.

— А кто ты есть? — тихо, с угрозой спросил Кранц по-русски.

Пленный показал руками, как действуют лопатой.

— Понятно. — Кранц натянул на руку перчатку, подошел и коротким ударом в лицо свалил пленного.

— Встать! — приказал он.

Лагерник поднялся. Лицо его было в крови, подбородок дрожал.

— Кто ты есть? — повторил Кранц и вынул пистолет.

Пленный стоял, глядя ему в лицо. Темные глаза так и сверлили фашиста. Кранц поднял пистолет и выстрелил.

По знаку шарфюрера соседи по строю подняли тело товарища, отнесли в сторону и уложили на землю.

Аскер стоял неподвижно, боясь неосторожным движением, блеском глаз выдать ярость, гнев, бушевавшие в нем. Выхватить оружие и перестрелять находящихся рядом фашистов? Это он сможет. Но чего добьется? Нет, слишком много труда положено на то, чтобы он оказался здесь, слишком важно выполняемое задание. Сейчас он не принадлежит себе.

И все же Кюмметц заметил, что его шофер взволнован.

— Э, да вы побледнели, Губе! — насмешливо протянул он.

Аскер пожал плечами, изобразил на лице растерянную улыбку.

— К этому надо привыкнуть, господин директор, — пробормотал он, как бы извиняясь.

— Ничего не поделаешь, — сказал Кюмметц. — Так надо.

— Необходимо, — подтвердил Кранц. — Мы прекрасно знали, что он лгал. Лгал, ибо не хотел работать. — Кранц поднял голову, повысил голос, обращаясь к пленным. — Этот человек солгал мне, пытался обмануть офицера германской армии. Вы все видели — он получил свое. Так будет с каждым, кто захочет последовать его примеру.

Шарфюрер выкрикнул очередной номер. Из шеренги вышел новый пленный. Повинуясь приказу Кюмметца, Аскер подошел, ощупал его руки и плечи. Но делал он это механически. Глаза его были прикованы к соседу лагерника. Где-то уже видел Аскер этого рослого человека с квадратным широкоскулым лицом и сильными покатыми плечами. Но где? Кюмметц тоже обратил внимание на широколицего, подошел.

— Хорош, — сказал он, ткнул его пальцем в грудь, обернулся и вопросительно взглянул на Кранца.

— Какой есть твой номер? — крикнул помощник коменданта лагеря. — Отвечать!

Пленный сказал. При первых же звуках его голоса Аскер вздрогнул. Он узнал: Авдеев!.. Сержант Авдеев!

...Это произошло год назад на западе Украины, где в то время проходила линия фронта. С группой дивизионных разведчиков Аскер выполнял важное задание в ближнем тылу врага. Разведчики обнаружили резервы противника, которые стягивались к передовой. Надо было спешить назад. Но враг нащупал разведчиков, обошел, стал сжимать кольцо окружения. Как

спасти группу, открыть ей путь на восток, чтобы она могла доставить донесение о тайных подкреплениях фашистов? Аскер и двое бойцов отвлекли внимание противника, приняли удар на себя. Это позволило группе уйти. Командовал ею помощник Аскера, сержант Авдеев.

Но как он очутился в плену? Ведь позже Керимову стало известно, что донесение доставлено; он был уверен, что благополучно вернулся в дивизию и Авдеев... И вот — сержант перед ним, в шеренге узников Освенцима, хотя седые с прозеленью волосы, ввалившиеся виски, глубоко запавший рот делают его совсем не похожим на того краснощекого, пышущего здоровьем парня, каким сержант был год назад.

Между тем шарфюрер торопливо перебирал карточки, отыскивая данные о пленном, которым заинтересовался Кюмметц.

— Губе, — позвал директор, — подойдите, пощупайте ему руки.

Аскер вынужден был приблизиться к Авдееву. Веки сержанта дрогнули, шире раскрылись его глаза. Сомнений не было — и Авдеев узнал Керимова!

Еще в сорок втором году гитлеровцы спалили деревню Авдеева, уничтожили его родных, куда-то угнали жену. А теперь и сам он оказался в их лапах. Что же думает он сейчас о своем бывшем командире?

Все это вихрем пронеслось в голове Аскера. Он видел — потемнели глаза пленного, зажглись в них злые огоньки. Вот сейчас Авдеев раскроет рот, и тогда...

— Что же вы медлите, Губе, — прокрипел Кюмметц, — ведь я жду!

Приготовившись к самому худшему, Аскер шагнул к Авдееву и, не сводя с него глаз, взял за руку.

— Вам он не подходит, — обратился к директору шарфюрер. — Вот его карточка. Это крестьянин. Всю жизнь рылся в навозе, как червь.

— Давайте следующего, — сказал Кюмметц.

Аскер медленно отошел от пленных. Авдеев, не отрываясь, глядел на него. Но не проронил ни слова.

Несколько часов продолжался отбор пленных. И все это время Аскер чувствовал на себе пристальный взгляд широкоскулого узника, одетого в полосатый изодранный балахон.

Наконец, Кюмметц остановил шарфюрера, готовившегося выкликнуть очередной номер, махнул рукой.

— Хватит, — сказал он. — Хватит, всех не переберешь.

По знаку Кранца узников отослали в бараки. Офицеры и Кюмметц, разговаривая, двинулись куда-то в сторону и вскоре скрылись за углом здания.

Аскер остался один, направился к видневшемуся вдали «Мерседесу». Вот он дошел до траншеи, замедлил шаг. Что-то заставило его обернуться. У входа в ближний барак стоял сержант Авдеев и глядел ему вслед.

Их разделяло метров полтора. Аскер осмотрелся. Он стоял у бруствера, полускрытый со спины и с боков холмиками вынутой из траншеи земли. На площади никого не было. Тогда он опустил руку в карман и осторожно вытащил короткий кинжал с блестящей витой ручкой.

Кинжал мягко упал на землю. Аскер движением ноги чуть присыпал его песком.

Вскоре он был у автомобиля. Фиттерман, закончив возиться с мотором, обтирал руки.

— Ну, поработали удачно?

Аскер кивнул.

— Кого это там хлопнули? — поинтересовался шофер «Мерседеса».

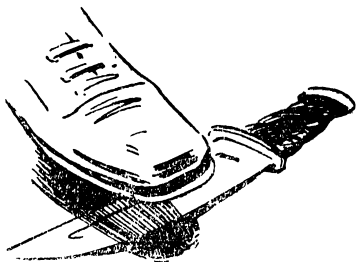
Аскер объяснил.

— Поделом, — сказал Фиттерман.

Аскер не ответил. Они присели на подножку машины, закурили.

Через полчаса вернулись Кюмметц и Кранц.

— Готовьтесь, Губе, — сказал директор завода. — Завтра утром — в обратный путь.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Группенфюрер Гейнц Упиц задумчиво шагал по кабинету своей резиденции в Остбурге. Время от времени он останавливался, наклонялся к лежащим на столе бумагам и вновь принимался мерить кабинет широкими нервными шагами. Да, весть, которую только что привез из Берлина специальный курьер-мотоциклист, была ошеломляющей, хотя Упиц располагал кое-какими данными не только относительно готовившегося на особу фюрера покушения, но также и

путча, долженствовавшего произойти вслед за уничтожением Гитлера.

Будь это в прежние времена, Упиц, не задумываясь, бросил бы в дело всех своих людей — лишь бы скорее заполучить нити заговора, разгромить заговорщиков и подняться еще на ступеньку, а то и на две.

Да, так бы он поступил, случись это не теперь, в середине сорок четвертого года. Но сейчас Упиц смотрел на вещи совершенно по-иному. Он был слишком умным и тонким политиком, слишком хорошо разбирался в ситуации, сложившейся в мире, чтобы действовать так, как прежде. Сейчас все свидетельствовало о том, что Гитлеру приходит конец.

А раз падет он, падет и режим. Тогда наступит час возмездия. Упиц не сомневался, что оно будет страшным. И, конечно, страх, именно страх перед возмездием двигал теми, кто организовал покушение и путч. Заговорщики надеялись заполучить в свои руки такой козырь, как ликвидация фюрера, чтобы выложить его победителям и купить этой ценой отпущение грехов.

Да, Упиц знал все это. И после долгих раздумий, взвесив все «за» и «против», пришел к выводу, что не должен мешать путчистам, ибо не уверен, что одолеет их — силы оппозиции были велики и продолжали расти.

Но он не видел смысла и в том, чтобы присоединиться к заговорщикам, ибо полагал, что ситуация еще не вполне созрела: имелось немало шансов на то, что путч провалится. А за неудачу была лишь одна расплата — смерть.

Вот почему, тонко сманиеврировав, он сумел остаться в стороне.

Сейчас специальный курьер привез информационные материалы о путче. В зале ставки фюрера в Восточной Пруссии, где Гитлер проводил совещание, взорвалась бомба замедленного действия. Бомбу принес в своем портфеле начальник штаба германской резервной армии полковник Клаус фон Штауфенберг. Он включил механизм бомбы, оставил портфель на столе фюрера и поспешно вышел. Сила взрыва была такова, что рухнули стены зала. Несколько участников совещания было убито, многие ранены. Гитлер же по какой-то случайности почти не пострадал, если не считать, что был смертельно напуган и получил несколько пустяковых царапин.

...Генерал Упиц походил по комнате, зажег сигарету, но после первой же затяжки с досадой швырнул ее в пепельницу — сигарета оказалась слишком слабой. Пришлось закурить трубку, что Упиц делал в весьма редких случаях.

Крепкий кепстен несколько успокоил. Упиц вновь зашагал по комнате. Вообще говоря, в попытке убрать Гитлера не было ничего нового. Так, например, однажды — это было в середине марта 1943 года — Упица разыскал один особо доверенный агент и, дрожа от страха, сообщил, что в ближайшие сутки Гитлер должен быть убит. Но это было все, что ему удалось разнюхать — агент не имел ни малейшего представления о том, кто и каким образом совершит покушение.

Упиц навел справку о местонахождении фюрера. Оказалось, что самолет с Гитлером только что поднялся с аэродрома в Смоленске, где

Гитлер инспектировал свои войска на Восточном фронте, и держит курс на Кенигсберг.

Через час Упиц мчался туда же в скоростном бомбардировщике. Машина группенфюрера приземлилась в столице Восточной Пруссии вскоре после того, как там сел самолет Гитлера. Контрразведчик помчался в ставку. Здесь все было в порядке. Фюрер прогуливал в парке своего любимого пса и позировал фотографу из «Дас шварце кор»¹.

В течение недели Упиц ни на минуту не оставлял Гитлера, бдительно оберегая его персону. Но все было спокойно. И только много позже группенфюреру удалось установить, что смерть должна была застигнуть Гитлера в том самом самолете, в котором он летел из Смоленска. Упиц узнал даже имя человека, подложившего бомбу. Это был начальник штаба одной из армейских групп на Восточном фронте генерал фон Тресков. Бомба по какой-то причине не взорвалась. А потом, после того как самолет прибыл в Кенигсберг и Гитлер вышел, бомбу убрали.

Нечто подобное произошло и в конце 1943 года, уже в Берлине, но случай и на этот раз спас жизнь Адольфу Гитлеру.

Сейчас Гейнц Упиц вновь перебирал в памяти эти события. Неужели же дело лишь в боязни за свою шкуру и в той неприязни, которую питают к Гитлеру определенные круги высокопоставленных военных?

Упиц всегда ненавидел родовую военную аристократию, все эти громкие прусские фами-

---

¹ «Дас шварце кор» — газета эсэсовцев.

лий, из поколения в поколение поставлявшие генералов, адмиралов и фельдмаршалов германской армии. Они были особо привилегированной и подчеркнуто изолированной кастой, к которой такие, как Упиц, и близко не подпускались. Отпрыски родовой военной аристократии заполняли специальные училища и лицеи, им были уготованы теплые места в генеральном штабе и министерстве иностранных дел, они становились у руля германской военной и дипломатической машины, обеспечивая незыблемость прусской милитаристской политики, выработанной за века.

Конечно, с приходом к власти Гитлера положение несколько изменилось. Упиц видел — фюрер старательно показывает, что не очень-то церемонится со всеми этими чванливыми, набитыми спесью аристократами. Им пришлось немного потесниться. Но потом стало ясно, что все это — не больше чем игра. Верховодил Гитлер, но он лишь выполнял волю тех, у кого были деньги и заводы. Финансовые и промышленные магнаты вертели им, как хотели. Генералитет тоже держал их курс. Что ж, это вполне устраивало Упица.

Почему же Гитлера стремятся убрать? Так ли виноваты заговорщики, как это кажется на первый взгляд? Только ли ради спасения собственной шкуры затеяла «верхушечная оппозиция» покушение на фюрера? И Упиц вдруг пришел к новым выводам. Нет, тут имелись и другие причины. В самом деле, те, кто преследовал личные цели, могли осуществить их иным, более безопасным способом. Могли, например, перевести свои капиталы за границу — куда-

нибудь в Испанию, Португалию, Турцию или в одну из республик Южной Америки, а затем — бежать туда же. Их бы не разыскал и сам дьявол. Но заговорщики так не поступили. Почему? Потому, видимо, что ими руководили иные соображения. Какие же? Напрашивался вывод: они заботятся о сохранении самого ценного, что есть у нации — руководящего ядра армии и промышленности, чтобы уберечь его от разгрома, набраться терпения и ждать. А там, спустя десять — пятнадцать лет, когда нынешняя война станет историей, когда опять в полную силу заработают заводы страны, подрастет новое поколение нации и вновь замаршируют, чеканя шаг, стальные дивизии вермахта, — тогда будет видно, что делать. Немцы снова вернутся к разговору с американцами, с англичанами, с французами и, черт возьми, с русскими! Что же касается Гитлера, то он, сделав свое дело, должен уйти. Настанет время, появятся новые гитлеры. Остановки за ними не будет, как только в этом возникнет нужда.

Генерал Упиц нацедил себе содовой воды, смешал со спиртом, выпил. Смесь приятно освежила. «В конце концов, — подумал он, вновь наполняя стакан, — каждый, кто сохраняет себя и бережет для грядущего, оказывает услугу нации. О, Германии еще понадобятся сильные, волевые люди!»

Рассудив так, генерал возблагодарил провидение за встречу, которая у него произошла полгода назад в Женеве. Несомненно, она окажет влияние на всю его жизнь. Он был там по делам службы. Как-то раз утром, когда он, только что приняв ванну, брился, к нему по-

звонили, попросили о свидании. По каким-то признакам Упиц почувствовал, что отказываться неразумно. И — не ошибся. Человек, с которым он встретился, оказался высокопоставленным работником разведки одной страны. Упиц был знаком с ним по документам, не раз видел его фото и тотчас узнал.

Не лавируя, гость приступил к делу. Участь Германии предрешена. Она не сможет долго сопротивляться натиску таких гигантов, как Россия и Америка. Катастрофа неизбежна. Ну, а что потом? Устраивает ли генерала Упица, чтобы хозяевами послевоенной Германии стали русские? Ведь тогда поднимут голову коммунисты. А первое, что они сделают, это вздернут на виселицу таких, как Гейнц Упиц.

Собеседник видел, что слова его подействовали.

Он продолжал. Господин Упиц может не волноваться. Предпринимаются все усилия, чтобы Германия осталась Германией и получила форму управления, принятую на Западе. Но это только половина дела.

Собеседник умолк.

Упиц ждал, и чем дальше, тем с большим нетерпением. Но гость не спешил.

Наконец, разговор возобновился. Другая половина дела — это война против Советского Союза. Конечно, не сразу, но война — непременно. Сначала — холодная война, то есть война газет и радио, экономических санкций и дипломатических диверсий. Потом, когда все будет готово, война настоящая, в результате которой коммунизм должен исчезнуть с лица земли и стать историей.

Гость перешел к главной теме разговора. Советский Союз — слишком большая и мощная страна, чтобы недооценивать его как противника. Германия, поступившая так, жестоко платится за свою опрометчивость. Ошибок немцев не повторяют. Поэтому сейчас на работу по русскому профилю переключаются главные силы разведки, которую он представляет, да и не только этой разведки. Но этого недостаточно. Германия скоро выйдет из войны. Будет катастрофой, если документация ее секретной службы окажется в руках у русских. Этого нельзя допустить. Вся сеть германской агентуры на востоке должна быть сохранена, должна действовать. Но в новых условиях у нее, естественно, будут и новые шефы...

«Вы?» — быстро спросил Упиц.

«Да, мы. — Собеседник поднял палец. — Хочу подчеркнуть: вы не первый, с кем ведется такой разговор. Итак, вам делается предложение переменить хозяев».

Упиц молчал.

«Работать, — заметил гость, — начнете не сейчас, а после капитуляции. Подходит это вам? Должен заметить, уже дали свое согласие люди и повыше вас рангом».

«Это можно доказать?» — быстро спросил Упиц.

Собеседник пожал плечами.

«Вас прислали сюда по моей просьбе».

Упиц беспокойно шевельнулся, — он не думал, что дело зашло так далеко.

«Ладно, — сказал гость, — я представляю вам доказательства. Сегодня, если этого пожелаете, вы получите приказ выехать обратно».

Упиц вспомнил свой вчерашний телефонный разговор с Берлином, распоряжение начальника задержаться в Женеве еще на неделю, и согласился.

Они расстались. Упиц возвращался в гостиницу, уже приняв в душе решение. Предложение почетно, оно не затрагивает его чести, ибо работать он должен после завершения войны, когда будет свободен от присяги.

Через час в номере зазвонил телефон. Говорил Берлин. Упицу был передан приказ — срочно возвращаться. Выезд завтра.

Вечером позвонил его новый знакомый.

«Ну?» — спросил он.

«Я согласен», — сказал Упиц.

Они встретились вновь, договорились о деталях. Упиц получил задание, которое рассматривалось как подготовка к его будущей работе. Ему приказали заняться сбором архивов абвера, гестапо, зипо и СД, действовавших на востоке, а ныне эвакуируемых в Германию, обеспечить надежное тайное хранение этих архивов.

«Устройте хранилища где-нибудь на западе страны, — сказал новый хозяин. — В этом случае они будут недосыгаемы для русских, что бы ни произошло в дальнейшем».

Упиц был с этим согласен. Они попрощались. Пожимая ему руку, собеседник подчеркнул:

«Все должно быть сделано быстро и безупречно. Помните, что это в ваших интересах — вы будете одним из тех, кому предстоит после войны руководить германской агентурой. — Он поправился: — Бывшей германской агентурой».

Упица покорила эта поправка, но он благородно промолчал.

Он вернулся в Берлин и, не теряя времени, принялся за дело. Оказалось, что его задача сильно облегчена: уже имелся приказ Главного имперского управления безопасности о создании нескольких тайников для различных секретных архивов. Похоже было, что и здесь не обошлось без участия его новых хозяев. Тот, в Женеве, слов на ветер не бросал.

Трудную работу проделали довольно быстро, в условиях строгой секретности. И все же это не укрылось от советской разведки. По некоторым признакам Упиц определил, что она действует как раз в районе, где сосредоточены особенно важные документы, вывезенные с востока.

После того как обычные меры, предпринятые для ликвидации группы разведки противника, результата не дали, Упиц разработал весьма тонкую и деликатную комбинацию. На нее возлагались самые большие надежды. Скоро должен был состояться финал этой комбинации, причем именно здесь, в Остбурге. Поэтому-то Упиц и приехал в Остбург.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

1

На следующий день после того, как Аскер и Кюмметц вернулись из Освенцима в Остбург, заведующий заводской канцелярией Карл Кригер попросил у директора машину.

— Моя неисправна, господин Кюмметц, что-то со сцеплением. А надо срочно съездить к поставщикам, согласовать счета.

— Берите, — сказал Кюмметц, — только ненадолго.

— Нет, часа на полтора, не больше.

И вот Аскер и Кригер едут в автомобиле, направляясь на завод-поставщик, расположенный в окрестностях города.

— Рассказывайте, — попросил Кригер, когда машина выехала на магистраль.

— Как Шуберт? — в свою очередь спросил Аскер.

— Спасибо. Он и просил, чтобы я встретился с вами... У нас с ним будет свидание на днях...

По мере того как Аскер говорил, Кригер все больше мрачнел, ниже опускал голову.

— Многое было известно, — сказал он, когда Аскер закончил рассказ. — Многое, но не все. Говорите, газовая камера на две тысячи человек? Год назад там не было такой камеры.

Аскер на секунду повернул голову. Они встретились взглядами. Некрасивое, квадратное лицо Кригера с большими, широко посаженными глазами было печально.

— Как, наверное, вы презираете немцев! — сказал он.

Помолчали.

— Вы ничего не подготовили для меня? — осторожно спросил Аскер.

— О Висбахе?

— Да.

— Кое-что собрали.

Кригер извлек листок бумаги, прочитал записку.

— Ничего нового. Все это уже известно, — заметил Аскер.

— Значит, подтверждается наша точка зрения. — Кригер поджег бумагу и держал ее в пальцах, пока она не сгорела. — Как видите, сведения, полученные из различных мест, полностью совпадают. Это говорит в пользу Висбаха, не так ли?

Аскер задумчиво кивнул.

Вскоре подъехали к заводу. Кригер вышел из машины, пообещав скоро вернуться. Аскер следил за ним взглядом, пока он шел по тротуару, направляясь к конторе предприятия. В отлично сшитом костюме, высоко подняв голову, он двигался легкой, непринужденной походкой, небрежно кивая в ответ на почтительные приветствия служащих завода, попадавшихся на пути. Да, минуту назад в машине сидел совсем другой человек.

«Держится великолепно», — подумал Аскер, профессионально оценивая поведение Кригера.

Минут через пятнадцать Кригер вернулся. Тронулись в обратный путь. Ехали молча. Кригер просматривал какие-то бумаги, Аскер был погружен в раздумье. Пришло время вплотную заняться сварщиком, от которого перебежчик Хоманн узнал об архивах и тайнике. Рождался новый план проверки Висбаха и еще одного человека, который, как и Висбах, должен был иметь отношение ко всему тому, что рассказал Георг Хоманн.

2

Кладовщик Кребс работал на заводе «Ганс Бемер» третий десяток лет. В сорок первом го-

ду его мобилизовали в вермахт, а спустя шесть месяцев он вернулся в Остбург без ноги, которую потерял где-то под Смоленском.

Это был человек лет пятидесяти, шумный, жизнерадостный, заядлый спорщик, любитель скачек. Где бы ни появлялся Кребс, он сыпал шутками, острил, что-то мурлыкал под нос.

На характер его не повлияло даже увечье. Кребс быстро привык к своей деревяжке и так ловко с нею управлялся, что со стороны казалось, будто она у кладовщика всю жизнь.

Закончив работу, Кребс обычно отправлялся в расположенный близ завода бар «Нибелунги», где можно было встретить знакомого, поболтать, обменяться новостями. Кребс здесь и обедал — приносил еду в свертке и заказывал кружку пива.

Сегодня Кребс несколько запоздал. И, войдя в бар, обнаружил, что почти все места заняты. Только в дальнем углу был свободный столик. Кладовщик поспешил к нему, ловко лавируя между официантами и посетителями.

С противоположной стороны зала к столику шел высокий мужчина с наголо обритым, будто полированным черепом, в очках, из-за которых приветливо поблескивали светлые глаза. Он уже готовился усесться, но, увидев Кребса, посторонился и, улыбнувшись, кивнул.

— Простите, — сказал он, пригладив небольшие темные усы, — кажется, я опоздал...

Кребс замотал головой.

— Нет, нет, вы, как говорится, первый у столба, обошли меня не меньше чем на полкрупа. Поэтому садитесь. Садитесь же, не теряйте времени!

Незнакомец продолжал отказываться.

— Столик все-таки ваш, — сказал он. — Сейчас погляжу, где можно будет устроиться... Черт! Ни одного свободного места.

Тогда Кребс предложил компромиссное решение: столик занимают вместе — они отлично поладят.

Посетитель не стал возражать. Они сели, заказали пива.

— Ваше лицо мне знакомо, — сказал кладовщик, разглядывая соседа. — Любопытно, где это я мог вас видеть?

Тот пожал плечами.

— Но как вас зовут? — допытывался Кребс.

— Генрих Губе.

— Погодите, погодите — шофер?

— Шофер.

— Тупица! — Кребс хлопнул себя по лбу. — Вы же возите директора Кюмметца?

— Да, я его шофер.

— Ловко! — воскликнул кладовщик. — Оказывается, мы трудимся на одном и том же заводе... Ага, вот и пиво. Самое время sprysнуть знакомство!

— Нет, серьезно, вы тоже служите на «Бемере»?

— Черт возьми, более двадцати лет!

— Тогда действительно ловко. — Аскер поднял кружку. — Ваше здоровье, приятель. Но простите, за кого я должен пить?

— За Эриха Кребса. Я кладовщик Кребс, заведу складом материалов и запасного инструмента.

— Ого! Знакомство, которое приятно вдвойне.

Они выпили.

Аскер угощал собеседника сигаретами, смеялся, шутил. Кребс отвечал тем же, рассказал новому знакомому несколько забавных историй.

— Я в восторге от вас, дружище! — воскликнул Аскер. — И если когда-нибудь понадобится мой «Бьюик»...

— Не могу ответить тем же, — сказал Кребс. — Машины у меня нет. А склад — это склад, порога которого не переступает никто. Кроме меня, разумеется. Я там — круглые сутки.

— Вы говорите так, будто и ночуете в своей кладовке! — Аскер рассмеялся.

— Если и не ночью, то уж во всяком случае нахожусь неподалеку. Я-то ведь живу на заводе.

— Живете на заводе? Как это понять?

— В самом прямом смысле. — Кладовщик пожал плечами. — Так уж пришлось. В прошлом году мой дом разбомбили. Это счастье, что я одинок и мне не пришлось оплакивать семью, которая бы наверняка погибла. Оставшись без крова, я долго искал квартиру. Но все было либо слишком дорого, либо чересчур далеко от завода, а мне трудновато ездить за несколько километров.

— Конечно, — сказал Аскер.

— Так вот, я уже собирался перейти на соседний завод — там обещали помочь с жильем. Тогда директор Кюмметц распорядился, чтобы мне отвели каморку, которая примыкает к кладовой.

— Там и живете?

— Что же делать? Комнатка, правда, малá, но мне, бобылю, много ли надо!

— Еще по одной. — Аскер сделал знак официанту, прошел к механическому пианино и опустил монету.

Зал бара наполнился звуками старинного тирольского вальса. Кребс принялся подпевать, Аскер — тоже.

— Вероятно, у вас богатый выбор различного инструмента и материалов, — сказал разведчик, когда пианола, отгремев положенное число минут, смолкла. — Представляю, чего только нет в вашей кладовке!

— Грех жаловаться. — Кребс хитро подмигнул. — Я запаслив и скуп, как Гобсек. Поэтому есть все, что нужно.

— Ну, это вы хвастаете, приятель. Бьюсь об заклад, что не все.

— А ну-ка! Говорите. Говорите, и я ставлю три против одного, что ошибетесь. Три кружки пива против одной вашей, что обязательно проиграете!

— Идет. — Аскер подумал и сказал: — Аккумуляторов для моего «Бьюика» наверняка не найдется!

Кребс рассмеялся.

— Целых три! Один бог ведает, где и как я их раздобыл. Но это уже другой вопрос. А теперь гоните-ка пивко!

— Но я не хочу на этом кончать. Ведь проигравший имеет право на реванш.

— Ваша правда. Реванш, так реванш. Говорите, только все равно проиграете. Говорите же!

— Уверен, что в вашей кладовой нет сварочных аппаратов.

Кребс оборвал смех, удивленно выпятил губы.

— Здорово, — пробормотал он. — Угадали, друг. Что правда, то правда. Сварочных аппаратов не имеется.

— Отыгрался! — воскликнул Аскер. — Но как же вы без них обходитесь?

— Были аппараты. Больше года валялись два комплекта. Лежали без дела, и я тратил уйму времени на то, чтобы протирать их и расправлять каучуковые шланги.

— Что же с ними стало?

Кребс пожал плечами, потянулся за пивом.

— У меня их забрали, Губе. Могу даже, если хотите, сказать, кто. Какие-то военные. Они явились ночью, с запиской главного инженера — бумага и сейчас у меня. Ну я и выдал им оба аппарата. Их унесли и не вернули.

— Да бог с ними, — рассмеялся Аскер. — Избавились раз и навсегда.

...Они распрощались поздно вечером. Кребс пошел на завод, Аскер же отправился к себе, размышляя над тем, что ему довелось узнать. Итак, намеченное удалось. Он познакомился с кладовщиком, убедился, что тот действительно выдавал сварочные аппараты ночью каким-то военным. Все совпадало с тем, что сообщил перебежчик Хоманн. Вывод из всего этого был один: сварщик Висбах не лгал, рассказывая Хоманну о тайнике близ Остбурга. А раз так, Висбаху можно довериться!.. В сознании возникли умные, внимательные глаза Макса Висбаха, глядящие из-под седых клочковатых бровей, его красивое лицо, большой чистый лоб. Сварщик Висбах! Теперь Аскер должен пойти

к этому человеку, чтобы узнать, наконец, правду о тайнике с архивами.

3

Незадолго до конца рабочего дня цеховая рассыльная отыскала где-то у станка механика Отто Шталекера и позвала его к телефону. Разговор был коротким. Собеседники обменялись несколькими ничего не значащими фразами.

Шталекер возглавлял одну из подпольных антифашистских пятерок, действовавших в городе. Члены пятерок знали только своего руководителя и никого больше. Лишь руководители пятерок имели доступ к Шуберту, да и то встречались с ним крайне редко. Как правило, связь между ними и Шубертом осуществлял Карл Кригер.

И вот сейчас гардеробщик бара «Нибелунги» Ганс Дитрих, член пятерки Шталекера, сообщил по телефону своему старшему товарищу, что должен его немедленно увидеть. Дело весьма важное и не терпит отлагательства.

Шталекер отправился на свидание с Дитрихом прямо с завода. Войдя в бар, он сдал кепку гардеробщику. Вместе с номерком в руках Шталекера оказалась записка.

— Иди в уборную, она свободна, — шепнул Дитрих. — Там и прочтешь.

Шталекер так и поступил. Прочитав бумагу, изорвал ее и спустил клочки в канализацию. Да, сообщение было действительно важное. Стараясь казаться спокойным, он прошел в зал, спросил кружку пива, выпил и, не торопясь, направился к выходу.

Возвращая кепку, Дитрих шепнул:

— Тянешь хвост!

Шталекер подошел к зеркалу, надевая кепку, оглядел зал, ряды столиков, посетителей. Один из них держал в руках номер «Остбургер цейтунг».

— Тот, что с газетой? — спросил Шталекер.

— Да...

Одно к одному! Сидя в зале за пивом, Шталекер мысленно вновь прочитал тревожное сообщение Дитриха и принял решение немедленно повидать Шуберта. Но как отделаться от наблюдения?.. Ага, Вилли, кажется, сейчас в гараже!

Шталекер имел в виду другого члена своей пятерки — шофера грузовика, который несколько недель назад впервые доставил Аскера к Шуберту.

Покинув бар, Шталекер отправился на завод. Вышел и человек, читавший газету. Это был штурмфюрер Адольф Торп. Он «довел» механика до заводских ворот, убедился, что тот вошел в них, и остался ждать неподалеку. Торп знал, что Шталекер уже отработал и, следовательно, на заводе не задержится.

Минут через двадцать из заводских ворот выехал большой грузовик. Машина прошла мимо Торпа, который не обратил на нее никакого внимания.

Отъехав на порядочное расстояние, шофер Вилли огляделся и негромко сказал:

— Кажется, все в порядке.

На полу кабины, скорчившись, сидел Шталекер. Он поднялся и занял место рядом с шофером.

— Сейчас сойдешь?

— Поезжай дальше. Скажу где.

Грузовик миновал еще несколько улиц.

— Здесь, — сказал Шталекер, когда они оказались на оживленной магистрали.

Он сошел и затерялся в толпе.

Вскоре Шталекер уже рассказывал Оскару Шуберту о звонке Дитриха, о встрече с ним в баре и полученной записке.

Дитрих сообщал о беседе, которая состоялась сегодня утром между ним и его дружкой — кладовщиком завода «Ганс Бемер» Кребсом. Оба были на войне, получили увечья, лежали в одном и том же госпитале, так и подружились. У Кребса нет более близкого человека, чем Дитрих, — он не имеет ни семьи, ни родственников. И Кребс под большим секретом поведал другу о своем разговоре с шофером Губе.

— Ну и что же? — спросил Шуберт.

— А то, что, как утверждает Кребс, сварочных аппаратов у него никогда и не было!

Шуберт поднял голову.

— И аппаратов не было, — продолжал Шталекер, — и военные не приходили за ними. Вот ведь какая история!

— Продолжайте, Отто. — Шуберт шевельнул плечом, будто ему стало холодно.

— Кребс признался Дитриху в следующем. Не так давно его вызвали к директору завода. Он явился, но Кюмметца в кабинете не оказалось. Вместо него за столом сидел незнакомый человек. С полчаса опрашивал Кребса — кто он, откуда родом и все такое. Потом вынул и дал подписать бланк обязательства о неразглашении государственной тайны. Кребс пробовал

было возражать, но ему показали удостоверение сотрудника абвера. Собеседник сказал: «Может случиться, что кто-нибудь спросит, не приходилось ли вам выдавать два сварочных аппарата, ночью, по записке дежурного инженера. Так вот, если будет задан такой вопрос, ответить надо утвердительно. Вы скажете: да, выдавал, и получали их какие-то военные».

Тревога Шуберта росла. Уже посвященный в задание, которое выполнял разведчик, он начал догадываться, почему Краузе завел такой разговор с кладовщиком.

Между тем Шталекер продолжал:

— Кребсу приказали немедленно позвонить в абвер, если появится человек, который будет интересоваться сварочными аппаратами, запомнить его и подробно описать. Вот и все. Как утверждает Дитрих, Кребс напуган, растерян. Поэтому и обратился к своему дружку, чтобы тот посоветовал, как ему быть.

— Что же сказал Дитрих?

— Что он, Кребс, волен поступать, как велит ему совесть.

— Правильно. Ведь это может быть и провокацией.

— Так подумал и Дитрих.

— Но Кребс еще не звонил туда?

— Нет. Сказал, что подумает денек. А, впрочем, кто знает?..

— Кто знает, — задумчиво повторил Шуберт. Он помолчал. — А что он за человек, этот кладовщик?

— Дитрих давно над ним работает. Отзывается хорошо. Говорит: честен, прям, ненавидит нацистов... Теперь еще одно.

И Шталекер рассказал о человеке с газетой.

— Да, новости, — поморщился Шуберт. Он встал. — Где Краузе?

— Не знаю.

— Надо его отыскать.

— Сейчас?

— Да.

— Быть может, отложим до завтра? Глядите, уже вечер.

— Нет, нет, сейчас же, — сказал Шуберт. — Положение очень серьезное.

— Тогда я отправлюсь. — Шталекер тоже встал.

— Идите и передайте ему все то, что сообщили мне. На всякий случай, на самый крайний случай скажите, что через два часа я буду на второй квартире.

— У железнодорожного моста?

— Да. Учтите: Краузе в большой опасности. Предупредите его — он ни в коем случае не должен встречаться со сварщиком Висбахом. Ни при каких обстоятельствах!

— Ясно. Я иду.

— Погодите. — Шуберт взял товарища за рукав. — На все даю вам один час срока. Сюда больше не приходите. Позвоните. Вы знаете, как? Номер помните?

— Да.

— Телефон в этом доме... Мне передадут. Вам надо будет сказать: «Курт здоров», и я буду знать, что все в порядке.

Шталекер направился к выходу. Шуберт остановил его у двери.

— Все-таки надо рискнуть, Отто. Повидайте Дитриха, и, если он не будет возражать,

пусть скажет Кребсу, чтобы тот покуда помалкивал о своем разговоре с шофером Губе. Повторяю, это риск, но на него надо пойти.

— Я тоже так думаю.

— Значит, условились. — Шуберт взглянул на часы. — Сейчас восемь без нескольких минут. В девять жду звонка. В девять, не позже. Если не найдете Краузе, не звоните.

Шталекер ушел.

Шуберт взволнованно заходил по комнате. Он понимал, что после беседы с Кребсом, разведчик мог рискнуть и на встречу с Висбахом. А тот сейчас выглядит весьма подозрительно. В самом деле, если гестаповцы не приезжали на завод за сварочными аппаратами, а кладовщик этих аппаратов не выдавал, то ими, естественно, не мог работать и Макс Висбах там, в тайном хранилище. Как же быть с его рассказом Георгу Хоманну?.. Только бы успел Шталекер, только бы успел!

А время шло. Час, который был дан Шталекеру на розыски разведчика, истекал. Тревога Шуберта росла. Не давала покоя мысль: быть может, в эти минуты Краузе разговаривает со сварщиком Висбахом. Или — разговор уже состоялся, и Висбах, если он предатель, уже докладывает обо всем своим хозяевам. Из ворот здания абвера выезжают машины — в них люди, которые должны схватить Краузе...

Бум! — гулко пробили часы в углу, будто ударили по натянутым нервам. Бум!.. Бум!.. Девять ударов.

А звонка нет. Где же Шталекер? Вдруг и с ним несчастье? Вдруг перехватили по дороге?..

Шуберт все так же ходил по комнате. Сей-

час, в минуты томительного ожидания, вспомнилась почему-то вся жизнь. Он видел себя за школьной партой в Гамбурге, где прошло его детство, потом в далеком Веймаре — здесь, в университете, молодой Шуберт слушал курс естественных наук. Вот он в окружении студентов жарко спорит в одной из пивных города. Тема — только что купленная газета с телеграммой об убийстве в Сараеве эрцгерцога Фердинанда. Будет война или нет? А если будет, то чем кончится? Победит ли народ? Сбросит ли, наконец, ярмо угнетения и рабства?..

И — война. Как в хронике, мелькают кадры. В еще не обмятой, пахнущей нафталином шинели шагает он в строю новобранцев, а с боков беснуется толпа — их забрасывают цветами, лентами. Так для него началась война. Совсем иначе закончилась. С русского фронта он вернулся в вагоне с решетками — за братание с солдатами противника, за агитацию против войны он осужден. Был приговорен к расстрелу, но меру наказания смягчили — он кавалер двух «железных крестов» за храбрость.

Шуберту предстояло отсидеть десять лет в тюрьме. Там-то он и связал окончательно свою судьбу с рабочим классом Германии. Да, по-настоящему все началось там... Шуберт вспоминает день, когда был амнистирован и вышел на свободу. У тюрьмы ждала Эмми. Она была с ним всюду — и на войне, хотя их разделяли тысячи километров, и в тюрьме... И вот Эмми ласково улыбается, протягивает руки. У нее такие же, как прежде, золотистые волосы, а глаза — с ними не сравнится никакая небесная синь!.. В этот день они стали мужем и женой.

«Эмми», — шепчет Шуберт, и к горлу подступает ком. Ее нет. Никогда не будет. Она подарила ему дочь, такую же голубоглазую, как и сама. Но у Шуберта нет и дочери.

Он вспоминает: зима, ночь; та ночь, когда взяли и его и их; уже шла вторая мировая война, уже было страшное поражение армий Гитлера под Москвой, под Сталинградом. К ним ворвались в тот час, когда Шуберт заканчивал статью в подпольную газету партии. И — десять месяцев в лагере под Прагой. Десять месяцев, каждый день, каждый час которых — пытка, медленное умирание. Эмми и малютка не могли выдержать. А он — бежал. Он бы хотел остаться подле них. Но он не принадлежит себе. И — бежал с группой людей, которые смогли сберечь свою волю, силы. То было год с небольшим назад. Тогда-то и повстречал он впервые этого человека — светловолосого, ясноглазого, действовавшего под именем оберштурмфюрера Краузе... Встретил и полюбил. Ведь бывает же так — поговоришь с человеком час, а запомнится на всю жизнь!.. Смелый человек. Смелый и многое умеет. Он, Шуберт, знает толк в этих делах...

Бум! — снова бьют часы. Половина десятого. Шталекер не дает о себе знать. Что же делать? Ясно одно: ждать больше нельзя!

И Шуберт решился. Погасив свет, поднял с окна маскировочную штору. Темно. Небо затянуто тучами. Накрапывает дождь. Погода подходящая. Он опустил штору, вновь включил свет. Надел плащ, шляпу, переложил в боковой карман пистолет. Вышел в коридор. Сказал несколько слов хозяйке. Потом хлопнула входная дверь.

Шуберт отправился на поиски Аскера. Он не мог оставить его в беде.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

1

В девять часов вечера штандартенфюрер Больм вошел в кабинет генерала Упица и доложил, что вернулся штурмфюрер Торп, ездивший по заданию в концлагерь.

— Позовите его, — распорядился Упиц.

Больм позвонил по телефону. Торп явился.

— Вы прямо оттуда? — спросил Упиц.

— Да, господин генерал, только что. День выдался напряженный, и я едва успел обернуться в оба конца. Всего доставлено семьсот человек. В пути от Аушвица до Остбурга происшествий не было. Всю партию разместили в отделении лагеря, близ завода. Для этого очистили несколько барakov.

— Но там было переполнено, — сказал Больм. — Куда же девали тех, что содержались прежде?

— То была категория «зондербехандлунг». К тому же, в бараках вспыхнула эпидемия дизентерии. Словом, они ни на что не годились...

Группенфюрер Упиц понимающе кивнул.

— Продолжайте, — сказал он. — Кто этот человек?

— Один из вновь прибывших. Обычный пленный.

— Что побудило его доносить на своих товарищей? Вы разобрались в этом, Торп?

— Весьма веская причина, господин генерал. Он надеется на лучшую участь. Он хочет жить.

Упиц поднял свою тяжелую голову, долго разглядывал Торпа, будто видел его впервые.

— Значит, — медленно проговорил он, постукивая карандашом по столу, — значит, Торп, если я правильно понял вас, тысячи пленных, которых тщетно вербуют в национальные легионы вермахта, в формирования остполиции, в осведомители гестапо и абвера, — все они жить не хотят и только о том и мечтают, чтобы подохнуть?

Упиц говорил негромко, четко и, казалось, спокойно произнося слова. Однако Торп нервно переступил с ноги на ногу. Он, как и другие контрразведчики, успел за недолгий срок пребывания Упица в Остбурге изучить его характер. И Торп знал, как легко подвержен группенфюрер приступам безудержной ярости.

— Я неправильно выразился, — пробормотал Торп, — я хотел...

— Так говорите, черт вас побери, ясно, коротко, четко! Кто этот человек? Что собой представляет? Поймите: я должен знать, можно ли ему верить!

— Он в плену почти два года, господин группенфюрер. На хорошем счету. За дисциплинированность был назначен капо¹, работал на сортировке одежды ликвидированных. Утверждает, что у себя на родине был репрессирован. Что-то

---

¹ Капо — заключенные, занимавшие какие-либо должности в гитлеровских тюрьмах и лагерях. Обычно — фашистские прислужники. Находились на привилегированном положении.

уголовное... кажется, воровство изделий на заводе.

Доложив это, Торп смолк, нерешительно поглядел на шефа.

— Дальше, — сказал Упиц. — Говорите дальше.

Почувствовав, что генерал остыл, Торп облегченно перевел дыхание, приободрился.

— Быть может, вы пожелаете сами допросить этого человека, господин группенфюрер? — спросил он.

— Вы привезли его? — Упиц удивленно откинулся в кресле. — Зачем вы это сделали?

— Я рассудил, что это не лишнее, — пробормотал контрразведчик. — Человек меня заинтересовал, и я подумал: господину группенфюреру будет любопытно на него взглянуть, быть может, возникнут дополнительные вопросы...

— В самом деле, не вызвать ли его сюда? — вставил штандартенфюрер Болъм.

— Где он? — спросил Упиц.

— Внизу, господин группенфюрер.

— Ладно, давайте его.

Торп вышел и вскоре вернулся. Следом шел пленный, конвоируемый автоматчиком. Оставив узника у порога, солдат вышел.

Упиц оглядел лагерника. Это был худой, высокий человек с длинным лицом, одетый в полосатую робу.

— Говори! — сказал Упиц по-русски.

— Я знаю по-немецки, — поспешно сказал пленный, угодливо улыбнувшись. При этом его тощее, костистое тело резко согнулось, будто переломилось в пояснице.

Упиц кивнул. Пленный продолжал. Он рад,

что может оказать услугу германским властям. Он всей душой ненавидит страну, в которой имел несчастье родиться. И сделает все, чтобы доказать свою преданность великой Германии, ибо его давнишняя мечта — заслужить право навсегда в ней остаться.

— Короче,—пробурчал Упиц.— Повтори свои показания.

Лагерник закивал, шагнул вперед.

— Я из Аушвица, господин генерал, прибыл с партией пленных, отобранных, чтобы...

— Известно. Говори дальше.

— В Аушвице мне посчастливилось узнать.. Я давно подозревал этого человека, господин генерал... Я только не мог... Я хотел...

— Короче!

— Это случилось ночью. Я не спал, молча лежал в чуть освещенном бараке. Не мог заснуть — разболелся зуб. Вдруг — голоса. Прислушался: беседуют двое на соседних нарах.

— Кто такие?

— Одного не опознал — было темно, господин генерал. Другой оказался моим соседом по нарам.

— Звать?

— Андрей.

— Фамилия?

— Все называют его просто — Андрей. У

него есть, конечно, и фамилия, но я ее не знаю. Вообще, в лагере только номера...

— А как звать тебя?

— Станислав Цюпа, господин генерал.

— Продолжай, Цюпа.

— Слушаюсь, господин генерал. — Пленный, облизнув губы, сделал еще шаг. — Так вот, чую разговор. Тихо говорят. Этот самый Андрей взволнованно рассказывает: «Поднял голову — и обомлел: он!» — «Да не может быть такого!» — отвечает другой. — «Он, он самый!» — «Командир?» — «Да. Командиром моим был, гвардии старшим лейтенантом». Они перешли на шепот, — продолжал Цюпа, — и я долго не мог ничего разобрать. Но было понятно: Андрей убеждает в чем-то того, другого. А этот сомневается, не верит. «Ладно, сказал Андрей, я тебе докажу!» Он слез с нар, исчез. Через минуты две вернулся. «Гляди, говорит, внимательно гляди!» Я незаметно приподнялся, передвинулся к краю нар. И увидел в руках Андрея кинжал. Запомнил: ручка винтом, блестящая.

— Кому доложили? — спросил Упиц.

— Не мог, господин генерал. — Предатель весь подался вперед, затряс головой. — Никак не мог, вот как перед богом! Это же ночью происходило. Разве выйдешь? Высунешь голову за дверь — пуля. А наутро нас построили, разделили на группы. Одну, в которую попал и я, погрузили в вагоны и отправили сюда. Здесь только и смог...

— Как же ты узнал Андрея, видел кинжал, но не опознал второго?

— Тот, второй, спиной ко мне был, затылком. А по затылку разве определишь? Мы же

все... обросшие, да и халаты одинаковые. Уши только запомнил — уши у него большие и торчат...

— Уши, — проворчал Упиц. Он заглянул в лежащие на столе бумаги. — Это было?..

— В ночь с восемнадцатого на девятнадцатое число, господин генерал.

— И тот, Андрей, он что — утверждал, будто видел своего командира накануне?

— Да.

— Восемнадцатого?

— Выходит так, господин генерал.

— Тогда и кинжал получил?

— Именно!

— И в тот день лагерника Андрея за черту блока не выводили? Точно помнишь?

— Не ходил он в тот день никуда.

— Чем же он занимался?

— А возле барачков работал. Утром поверка была, осмотр одежды. Потом половину отправили на Унион, остальные в лагере были. Он площадь обходил, камни подбирал, траншею рыл.

— Хорошо. — Упиц обернулся к Торпу. — Проследите, чтобы в бараках ни о чем не догадались. — Генерал вновь взглянул на предателя. — Учти, Цюпа, ты должен видеть все, слышать все, докладывать все. Будешь полезен — будешь жить, и жить хорошо. Теперь иди!

Лагерника увели. Упиц обратился к штандартенфюреру:

— Теперь слушаю вас, Больм.

— Справки навел, господин группенфюрер. Восемнадцатого числа в блоке русских, точнее — близ блока, посторонних не было всю первую половину дня. Имеются в виду люди, ко-

торых лагерник по кличке Андрей не мог бы видеть раньше. Во второй половине дня этот блок посетили помощник коменданта Аушвица гауптштурмфюрер Вернер Кранц, его шофер шарфюрер Фиттерман и с ними — директор завода «Ганс Бемер» Артур Кюмметц с шофером Генрихом Губе.

— Кого же из четверых подозреваете? — Упиц скривил губы. — Уж не помощника ли коменданта лагеря Аушвиц?

— Разумеется, не его. Кранц и Фиттерман работают в Аушвице со дня основания лагеря, пять лет. Оба — на самом лучшем счету.

— Тогда остается мой друг директор Кюмметц, с которым мы вместе росли и учились, вместе вступали в НСДАП и воевали против врагов фюрера и нации. Видимо, Артур Кюмметц и есть тот самый неуловимый советский разведчик, за которым вы так безуспешно охотитесь!

— Имеется еще шофер господина Кюмметца — Генрих Губе, — сказал Больм.

Упиц пожал плечами.

— Что ж, проверьте его. Проверьте шофера, это не так уж трудно. Но, сдается мне, дело в ином. Там были и другие посетители, штандартенфюрер Больм!

— Но, господин группенфюрер...

— Вы не знаете о них, Больм?

— Врачи из «Аненэрбе»? ¹ — услужливо подсказал Торп.

---

¹ «Аненэрбе» — преступный «Институт по изучению наследственности», находившийся в ведении Гиммлера, где проводились садистские опыты над заключенными.

— Они самые.

— Какие же это постронние? Они находятся в Аушвице более двух недель! — Больм с сомнением покачал головой.

— А в блоке русских появились впервые. Причем именно в тот день. Именно восемнадцатого числа, Больм. Цель? Выполняли предписание руководителя института штандартенфюрера Вольфрама Зиверса — отобрать для опытов по стерилизации около сотни молодых русских. Вот среди этих-то врачей и надо пошарить как следует. Вы понимаете меня?

— Да, господин группенфюрер.

— Звоните в Берлин, распорядитесь от моего имени, чтобы вплотную занялись Аушвицем. Не забудьте Андрея.

— Слушаюсь.

2

В начале одиннадцатого часа ночи от здания абвера отошла большая закрытая машина. В ней находились штандартенфюрер Больм и штурмбаннфюрер Беккер. Автомобиль пересек почти весь город и остановился метрах в двухстах от небольшого двухэтажного коттеджа, находившегося на восточной окраине Остбурга. В этом обособленном домике, скрытом от посторонних глаз густо разросшимся садом, была одна из конспиративных квартир местной контрразведки, где принимались и инструктировались наиболее тщательно засекреченные агенты абвера.

Здесь сегодня должна была состояться встреча Больма и Беккера с агентом по кличке «Зеленый».

Высадив офицеров, шофер тотчас отъехал за угол и приготовился к длительному ожиданию.

Контрразведчики направились к домику, пересекли сад, поднялись на крыльцо. Беккер вынул ключ, отпер входную дверь, пропустил начальника, вошел сам.

Десятью минутами позже у домика появился мужчина в плаще с поднятым воротником и надвинутой на лоб кепке. Дверь была незаперта. Он отворил ее и вошел.

Гейнц Больм и Бруно Беккер сидели в небольшой гостиной, курили, лениво переговариваясь.

Беккер первый услышал, как скрипнула, отворяясь, дверь.

— Он, — сказал Беккер.

Больм кивнул.

В передней раздались шаги. В комнату вошел человек. Он откинул воротник плаща, снял кепку.

Это был сварщик Макс Висбах.

Висбах стал секретным сотрудником контрразведки лет двадцать назад. Он был хитер, ловок, действовал изобретательно и потому весьма высоко ценился местным руководством, а также группенфюрером Упицем, который лично знал «Зеленого» и не раз прибегал к его услугам.

Висбах, работавший одно время в Берлине, первый разнюхал о том, что в окружении начальника штурмовых отрядов Рема назревает недовольство, произносятся крамольные речи.

И, быть может, доклад «Зеленого» и положил начало закату карьеры этого ближайшего сподвижника Гитлера.

Затем Висбах помог гестапо отыскать и выловить двух работников компартии Германии, за которыми охранка безуспешно охотилась несколько лет. Он же, собственно, и подсказал абверу идею операции «Гиммлер» — провокацию с польскими военными мундирами, документами и оружием, благодаря которой фашисты получили возможность поднять шум по поводу мнимой польской агрессии и ввести в действие «План вейс» — то есть напасть на Польшу.

Минувшей весной, когда Упиц ломал голову над тем, как отвести внимание советской разведки от тайного хранилища архивов, он вдруг вспомнил о Висбахе. Агент был срочно вызван в Берлин. Упиц обрисовал ему обстановку: сейчас, в сорок четвертом году, русская разведка настолько окрепла и улучшила свою работу, насколько стала слабее германская разведка и контрразведка. За примерами ходить недалеко. Известно, что в районе одного тайного хранилища архивов секретной службы действуют советские разведчики, однако, несмотря на все усилия, ликвидировать их пока не удалось. Ценнейшие документы находятся под угрозой того, что ими завладеет противник. Как обезопасить архивы?

Висбах пожал плечами и посоветовал вывезти архивы и запрятать их в новом месте, более тщательно.

Упиц ответил, что это невозможно. И пояснил: архивы слишком громоздки, чтобы можно было вывезти их тайно. А раз так, вся операция

теряет смысл. Кроме того, ресурсы страны на пределе, может просто не хватить сил и средств на то, чтобы в короткое время оборудовать другое такое хранилище.

— Где расположен тайник? — спросил Висбах.

Упиц уклонился от ответа.

— Но не в Остбурге?

— Да, не в Остбурге, — сказал Упиц.

Висбах попросил время, чтобы подумать. Через несколько дней он явился и представил план. Сущность его заключалась в том, чтобы сбить с толку русскую разведку, пустить по ложному следу, устроить на этом пути засаду, перехватить и уничтожить разведчиков. Архивы окажутся в безопасности. Абвер, таким образом, убьет двух зайцев.

Упиц молча слушал, не отвергая и не одобряя высказанной Висбахом идеи. Развивая ее, агент сказал:

— Все будет зависеть от того, сумеем ли мы убедить русскую разведку в том, что архивы не там, где они находятся, а в другом месте, скажем, в Остбурге.

— Как же этого добиться?

— Трудно, но возможно. — Висбах помедлил. — Придется, быть может, пожертвовать двумя-тремя людьми.

Он изложил свой план. Надо подобрать преданного агента, заслать к русским. Там агент инсценирует провал, раскаяние на допросе и дает показание: ему-де известно о тайном хранилище архивов в районе Остбурга. Причем агент должен во всех деталях описать истинное хранилище — его расположение, внутреннее

устройство, характер упаковки документации. Это нужно для того, чтобы русские, если они уже имеют о тайнике некоторые сведения, не усомнились в показании, поверили «раскаившемуся». Тогда они переключатся на Остбург. А здесь их будут ждать...

— Не годится, — сказал Упиц. — Вполне надежных и преданных агентов не бывает.

— Но...

— Вы приятное исключение, дорогой Висбах, — усмехнулся группенфюрер. — Но посылать будем не вас — другого. А тот, другой, возьмет да и раскроется перед русскими. Нет, тут следует действовать иначе. Во-первых, агента нельзя посвящать в подготавливаемую операцию. Об архивах он должен узнать как бы случайно для себя, абсолютно должен быть убежден в том, что хранилище находится в Остбурге, а не в каком-либо ином месте. Во-вторых, агента следует провалить так, чтобы он и не подозревал о том, что его подставили. В-третьих, следует подобрать не очень стойкого человека, который обязательно бы покался на допросе и выложил советской контрразведке то, что «узнал» об архивах. Тогда он будет держаться этих показаний, что бы с ним ни делали, видя в них свой самый главный шанс остаться в живых! Вы уловили мою мысль?

— Она великолепна, господин группенфюрер! — воскликнул Висбах. — Главное в ней то, что агент не изменит показаний, даже если его будут распиливать на кусочки. Он-то ведь уверен, что говорит чистую правду и в этой правде — его спасение!

— Именно так, Висбах. Но пойдем дальше.

Мы не гарантированы от случайностей. Агента могут подстрелить при переброске через линию фронта. При аресте он вдруг окажет сопротивление и будет убит. Он, черт возьми, может заболеть и умереть, наконец — попасть под машину. Ничто не исключено. Ведь, кроме всего прочего, может случиться так, что он возьмет да и не раскроется на допросе.

— Или ему не поверят!

— Ваша правда, Висбах, ему могут и не поверить. Русские знают свое дело, провести их не так-то легко... Короче говоря, вывод: одного агента недостаточно. Нужен еще и другой. Как говорится, для страховки.

— Второй агент с такими же показаниями? — Висбах поморщился, поджал губы.

— Не обязательно агент.

— Погодите. — Висбах приподнялся с кресла. — А что если это будет перебежчик?

— Которого подготовят по такому же принципу? — задумчиво проговорил Упиц.

— По такому, в точности. И забросят так, что он и подозревать не будет о том, что заброшен. Господин группенфюрер, если сделать все, как надо, этот человек будет глядеть на следователя честными глазами, уверенный в том, что оказывает русским неоценимую услугу.

— Уф, — сказал Упиц, откидываясь в кресле и вытирая влажный лоб. — Именно так, Висбах. Это то, что требовалось. Черт возьми, буд-то гора с плеч! Мы с вами преодолели главную трудность. Остальное — техника.

Висбах задумался, поднял на генерала заблестевшие глаза, наклонился вперед.

— Кажется, я нашел подходящего канди-

дата на роль перебежчика.— Он усмехнулся.— Мой дружок. Коммунист, один из тех, кого мы не трогали, чтобы проследивать связи и вылавливать других. В лепешку разобьется, лишь бы помочь русским!..

Так были разработаны основные черты операции. Висбах написал Хоманну. Когда контрразведка убедилась в том, что адресат письма получил, был проведен следующий этап операции — с пожаром в продовольственном складе, который охранял ничего не подозревавший Хоманн, и с предоставлением последнему отпуска для поездки в Остбург, где Хоманна поджидал Макс Висбах.

В тот же период Упиц подобрал и другого участника операции — агента. Как уже известно, им оказался Лисс — Щуко.

Итак, Висбах вошел в комнату, где его ждали Больм и Беккер, снял кепку и плащ, уселся. Он был возбужден, нервно потирал руки.

Закурив, Висбах сказал:

— Полтора часа назад я засек Шуберта.

— Оскара Шуберта?— Больм встал.

— Его самого. Видел, как вот сейчас вижу вас. И знаете, с кем был Шуберт?— Висбах помедлил.— С Отто Шталекером!

Больм прошелся по комнате. Отыскать Шуберта, след которого контрразведка давно утеряла, было большой удачей. А то, что Шуберт замечен вместе со Шталекером, делало удачу абвера еще более значительной. Можно было предположить, что именно через Шталекера Шуберт держит связь с неуловимым парашютистом.

— Рассказывайте, Висбах, как было дело,— приказал Больм.

— Но я еще не сказал всего. Шуберт и Шталекер знают Генриха Губе — шофера завода «Ганс Бемер».

Шофер Генрих Губе! Штандартенфюрер Больм вспомнил свой сегодняшний разговор с Упицем и допрос пленного Цюпы. Теперь было ясно, кто оставил кинжал лагернику Андрею.

— Но и это не все.— Висбах придвинулся к собеседникам.— Полчаса назад я установил, что в Остбург прибыл Георг Хоманн!

— Перебежчик Хоманн?— в один голос воскликнули Больм и Беккер.

— Он разговаривал со мной по телефону.— Висбах усмехнулся, любуясь произведенным эффектом, выпустил струйку дыма.— Мы условились о встрече. Звоните, чтобы подготовили людей. Надо сделать так, чтобы завтра с утра, когда я выйду на свидание, с меня не спускали глаз.

Больм, кивнув, потянулся к телефону, снял трубку и постучал по рычагу.

— О, черт! Не работает телефон.

— Телефон выключен,— негромко сказали у двери.

Все обернулись. На пороге стоял Аскер.

— Не двигаться,— скомандовал он.— Поднять руки!

Беккер резко присел, сунул руку в карман.

Аскер нажал курок. Хлопнул выстрел. Беккер выронил оружие, тяжело рухнул на пол. Остальные медленно подняли руки.

Наступила тишина. В воздухе вяло расплы-

валась струйка дыма от сигареты Висбаха, которую тот все еще держал в пальцах.

— Руки за голову,— приказал Аскер.— На колени. Вот так. Теперь ложитесь лицом вниз. Ну!— повысил он голос, видя, что гитлеровцы медлят.

Штандартенфюрер Больм, держа руки на затылке, неуклюже повалился на ковер, которым был устлан пол комнаты.

— Вы!— Аскер посмотрел на Висбаха.

Тот последовал примеру Больма.

Не сводя с них глаз, Аскер прошел к окну, побарабанил по стеклу пальцами. В комнату вошли Шуберт и Шталекер.

3

Вот как случилось, что они оказались на конспиративной квартире абвера. Выполняя поручение Шуберта, Шталекер обегал весь город.

Он побывал в доме, где жил Аскер, на заводе, не забыл и коттедж директора — быть может, Кюмметц вызвал машину, и Краузе со своим автомобилем поджидает шефа у крыльца его дома. Поиски оказались тщетными.

Тогда Отто отправился в бар. Произошла короткая беседа с Дитрихом. Шталекер убедил его рискнуть и поговорить с Кребсом. Потом он заглянул в зал. Краузе не было и там. Где же он?

Шталекер вышел на улицу. Что предпринять? А вдруг Краузе уже у Висбаха? Должен ли он идти к Висбаху и попытаться под каким-нибудь предлогом увести оттуда Краузе? Но как это сделать? И имеет ли он право так поступить. Не совершит ли непростительной ошибки?

В выполняемое Керимовым задание был посвящен только Оскар Шуберт. Он один знал и о рассказе Висбаха перебежчику Хоманну о тайном хранилище архивов. Шталекер же мог лишь строить предположения и догадки. Он видел: существует тесная связь между беседой Краузе с кладовщиком и тревогой Шуберта, когда тот узнал о признании, сделанном Кребсом Дитриху. Но какая связь? И при чем здесь Висбах? Почему Шуберт так опасается, что Краузе встретится с ним? Висбах — сварщик. Эсэсовец, вызывавший кладовщика, говорил о сварочных аппаратах. О них завел речь и Краузе в беседе с Кребсом... И Шталекер вдруг почувствовал, что в нем поднимается волна злобы, ярости против Висбаха. Нет, появляться у него нельзя. Кто знает, что это за птица.

Шталекер решил вновь зайти на квартиру к Аскеру: быть может, вернулся?

Он вошел в какое-то парадное, чиркнул спичкой, взглянул на часы. Стрелка перевалила за десять. Как, наверное, волнуется Шуберт!

Вот и знакомый переулок. Шталекер толкнул входную дверь дома, где снимал комнату Аскер, взбежал по лестнице. Отперла хозяйка.

— Пришел?

— Да. Но он не один...

У Аскера был Шуберт. Когда Шталекер вошел, он заканчивал свой рассказ.

— Полагаете, Висбах провокатор?— сказал Аскер.

— Выходит, что так. Вы были правы в своих подозрениях.

Аскер покачал головой.

— Я не подозревал его. Только изучал... Но надо окончательно убедиться. Попробуем проверить. Субботние вечера Висбах проводит в том самом баре, где я так мило беседовал с кладовщиком.— Он невесело усмехнулся.— А сегодня суббота. Он, наверное, уже там.— Аскер посмотрел на Шталекера.— Вы поможете мне?

— Конечно.

— Предлагаю такой план. Я иду в бар. Через несколько минут входите и вы. Убедившись, что Висбах там и я разговариваю с ним, удаляетесь. Минут через тридцать звоните туда... Вы, Отто, помните слесаря Георга Хоманна?— неожиданно спросил Аскер.

— Хоманна?—удивленно сказал механик.— Разумеется, помню, но ведь он...

Аскер взял его руку.

— Все объясню позже. Сейчас у нас нет времени. Вам придется сыграть роль Хоманна. Нет, нет — это всего лишь минутный разговор по те-

лефону. Тем более, что ваши голоса похожи — только у Хоманна, помнится он чуть ниже.

Шталекер кивнул.

— Так вот,— продолжал Аскер,— вы были в Остбург, должны повидать Висбаха, чтобы сообщить нечто важное. Звонили на завод, там его нет. Тогда позвонили в бар, где он бывает. Назначьте ему свидание. На утро. Товарищ Отто, запомните: вы должны говорить торопливо, нервно, как будто чего-то опасаетесь. Висбаха называйте по имени, сокращенно: Мик. Ему надо сказать: «Встретимся у трех наших вязов». Это, учтите, очень важно — так у них было условлено с Висбахом... Вам могут задавать различные вопросы. На них не отвечать. Скажете только, что прибыли не один. И дайте понять, что не можете говорить — возле вас посторонние... Вот, кажется, все.

— Понял.

— Повторите, пожалуйста.

Выслушав Шталекера, Аскер удовлетворенно кивнул.

— Поговорив, вернитесь к бару, держитесь неподалеку. Может случиться, что вынуждены будем заняться Висбахом уже сегодня. Это — если наши подозрения подтвердятся. Гардеробщик в баре все тот же?

Шталекер кивнул.

— Очень хорошо. Он поможет. Я был в баре только раз. Помнится, телефон не в будке?

— На широких перилах возле гардероба,— сказал Шталекер.

Аскер встал.

— Со Шталекером буду я,— вдруг сказал Шуберт.

Аскер вопросительно поглядел на него.

— В бар не войду, — пояснил Шуберт. — А помощь моя, возможно, потребуется.

Аскер задумался.

— Хорошо, — сказал он. — Дело слишком серьезное, чтобы можно было отказаться. Только — это риск для вас.

— На улице темно, хоть глаз выколи.

— Темно, — подтвердил Шталекер. — Луна взойдет много позже.

Все встали.

— Выходим по одному, — сказал Аскер. — Сначала я, минуты через три — Отто, затем вы, товарищ Оскар... Кстати, имеется ли оружие?

Шуберт кивнул, Шталекер развел руками.

— Не ношу, — сказал он. — Слишком опасно.

— У меня только один пистолет, — нерешительно проговорил Аскер.

Шуберт обернулся к механику.

— Придется, Отто, зайти за пистолетом и вам. Знаете куда?

— Понятно, — сказал механик. — Но это далеко. Что, если выйду отсюда первым?

— Хорошо. — Аскер тронул его за плечо. — Отправляйтесь, товарищ Отто.

Шталекер вышел.

Попав из ярко освещенной комнаты на ночную улицу, он будто ослеп на минуту; шаркая подошвами, осторожно сошел с крыльца на тротуар, нащупал рукой стену и двинулся вдоль нее. Послышались шаги. Обгоняя его, прошел человек. Глаза Шталекера все еще не освоились с темнотой. Прохожий же видел хорошо. Это был сварщик Висбах. Погруженный в задумчивость,

он едва обратил внимание на вышедшего из дома человека. Но вот Висбах сделал десяток шагов и вдруг с острой отчетливостью почувствовал, что знает его: конечно же, это механик Шталекер.

Висбаху было известно о подозрениях, питаемых в абвере к дружку Герберта Ланге. Что делает механик Шталекер в ночную пору так далеко от своего дома?

Вдали, на противоположной стороне улицы, неясно вырисовывалась бесформенная громада разрушенного дома. Сварщик ускорил шаг, перешел улицу и затаился за грудой битого кирпича. Вскоре Шталекер прошел мимо него. Куда он идет? И что это за дом, из которого он вышел?

Как бы в ответ на эти мысли, в конце улицы, у того самого дома, на тротуар легло световое пятно. Легло и погасло. Висбах понял: отворилась дверь, кто-то вошел в дом или же вышел из него. Да, вышел — Висбах увидел силуэт человека на тротуаре. Агент вновь пересек улицу, выбрал удобное для наблюдения местечко — в подъезде какого-то здания, возле которого часть тротуара была освещена синим светом маскировочного фонаря. Шаги приближались. Мимо прошел мужчина. Шофер Губе! Значит, он и механик Шталекер были в одном доме. Быть может, они связаны? Стоп! Ведь Губе там и живет — Висбах видел как-то, что он выходил оттуда ранним утром, направляясь на завод. Странно, очень странно. Висбах уже хотел было покинуть свой наблюдательный пункт, но задержался: вновь послышались шаги. Мимо прошел высокий пожилой человек в шляпе, низко

надвинутой на лоб. Висбах едва не задохнулся от волнения. «Вот так попалась птичка», — прошептал он, прижавшись к холодной стене парадного. Теперь он не сомневался, что эти три человека связаны. Озадачило, что в их числе — шофер директора завода. «Оказывается, и ты с ними заодно, — злобно подумал агент. — А прикидывался таким тихоней!»

Прохожий удалялся. Вот смолкли его шаги. Висбах нервничал. Он последовал было за ним, но, передумав, отстал. Нельзя рисковать. Его могут заметить, и тогда все потеряно. Главное достигнуто: он, именно он обнаружил самого Шуберта и установил его связи. Следить же за ними — дело других.

И Висбах позволил уйти всем троем. Затем медленно побрел по тротуару. Надо было успокоиться, собраться с мыслями. На память пришли слова штандартенфюрера Больма, сказанные при одной из встреч: «Висбах, дайте мне подпольщиков, орудующих в городе, и я ничего для вас не пожалею. Обещаю крест, чин штурмфюрера, коттедж в горах».

Что ж, часа через полтора у него свидание с Больмом и Беккером. Вот он и преподнесет им сюрприз!

Висбах разволновался. Он уже видел себя в мундире — значит, можно будет, наконец, покончить со страшной двойной жизнью, которую он ведет столько лет. Видел уютный домик в лесу, на берегу озера, свой новый собственный дом! И Висбах заторопился в бар — удача была так велика, что ее следовало отметить.

Вот и бар. Висбах вошел, оставил в гардеробе плащ и кепку, отыскал в зале свободный сто-

лик. Принесли пива. Он с удовольствием отхлебнул из кружки. Потом оглянулся — и удивленно наморщил лоб. За соседним столиком сидел шофер Генрих Губе.

Аскер, перехватив взгляд сварщика, приветливо приподнял кружку.

— Ваше здоровье, господин Висбах!

Агент овладев собой, улыбнулся.

— Спасибо, — ответил он. — Как там ваш автомобиль?

— В порядке... Пересаживайтесь ко мне, господин Висбах. Здесь удобнее, лучше виден зал.

Что ж, Висбах не прочь был поболтать с Губе, лучше к нему присмотреться. Сейчас это было даже любопытно. Он кивнул, подхватил свою кружку и перебрался к соседу.

Зал бара быстро заполнялся. Многим простым немцам давно надоели газеты и радио, в которых нудно варьировалась одна и та же тема — несуществующие победы германского оружия на Восточном фронте, набили оскомину фильмы, повторявшие радио и газеты. И свободное время они предпочитали проводить в барах и кабачках, где можно было получить кружку суррогатного пива, встретить приятеля и посудачить вполголоса о новостях.

Аскер и Висбах мирно беседовали. Разговор вертелся вокруг работы сварщика и шоферских дел Губе. В благодарность за ремонт машины Аскер угощал, Висбах охотно пил, охотно рассказывал о себе, создавая обстановку, в которой должен был разоткровенничаться и собеседник.

Аскер отвечал той же монетой, добросовестно

пересказывая все то, что соответствовало его нынешнему облику, документам и профессии.

Затем разговор зашел о поездке Кюмметца и Аскера в Освенцим.

— Как вела себя машина? — поинтересовался сварщик. — Надеюсь, все обстояло благополучно?

— Все оказалось в порядке. Вначале я, признаться, побаивался за раму, но обошлось. Она сейчас крепче, чем новая. Вы действительно большой мастер, господин Висбах.

— Ну-ну! — Сварщик казался смущенным. — Оставьте комплименты, я не девушка.

— Нет, я серьезно. Все в один голос твердят: такого специалиста, как вы...

— Бросьте. Просто я не тороплюсь, когда работаю, вот и все. Я стараюсь, чтобы...

Он не договорил. Подошел кельнер. Господина Висбаха вызывали к телефону.

Телефонный разговор был короткий, но он породил у агента новый прилив радостного волнения. Висбах повесил трубку, боясь верить привалившему счастью.

«Сегодня поистине примечательный день», — подумал он, доставая платок и отирая вспотевший лоб.

Висбах обернулся. Шофер Губе сидел спиной к выходу и, равнодушный ко всему, ни о чем не подозревая, неторопливо тянул из кружки пиво. Висбах усмехнулся, поправил воротничок, двинулся к столику.

Планируя комбинацию, Аскер рассуждал так: побеседовав по телефону с «Хоманном», сварщик Висбах, если он агент контрразведки, обязательно будет стремиться тотчас же свя-

заться со своими хозяевами, чтобы сообщить о такой важной новости, как прибытие в Остбург перебежчика — ведь свидание назначено на утро, времени остается мало. Сделать это Висбах может двумя способами — по телефону или при личной встрече с кем-нибудь из контрразведчиков.

Если бы Висбах стал звонить, разговор подслушал бы служитель гардероба. Но сварщик телефоном не воспользовался: Аскер, улучив момент, встретился взглядом с Дитрихом, и тот отрицательно качнул головой. Значит, остается второй вариант. Вывод: за Висбахом следует наблюдать.

Висбах посидел за столиком еще немного. Аскер видел: он нервничает. Вот он встал, извинился: звонили с завода, какая-то срочная работа, он должен идти. Аскер не стал его удерживать.

Сварщик ушел. Вслед за ним покинул бар и разведчик.

Шуберт и Шталекер ждали неподалеку. Все трое двинулись за Висбахом. Тот «довел» их до одинокого коттеджа, поднялся на крыльцо, исчез за дверью.

— Он здесь живет? — спросил Аскер.

— Нет, — сказал Шталекер... — Его квартира совсем в другом месте.

— К кому же он пришел? Стоп! — Аскер заметил телефонный провод, тянувшийся от столба к дому, вскарабкался на дерево, перерезал его, спустился вниз.

Стал накрапывать дождь. Шуберт поднял воротник пиджака, глубже надвинул на лоб шляпу.

— Отто, — прошептал он, — обойдите дом кругом.

Шталекер и Аскер скользнули в сторону.

— Что это? — тихо проговорил Шталекер, всматриваясь в темноту улицы.

— Машина, — сказал Аскер. — Пойдем ближе.

Они приблизились к автомобилю.

— «Хорх», — проговорил Шталекер.

Аскер кивнул, сделал товарищу знак, и они подошли к автомобилю вплотную. Шталекер стиснул Аскеру руку.

— Машина абвера!

— Уверены?

— Абсолютно. «Хорх», окрашенный в два цвета, на весь Остбург только один.

— Все понятно. — Аскер помедлил и заключил: — Тот дом — конспиративная квартира.

— Да, — сказал Шталекер. — Что будем делать?

— Прежде всего следует ликвидировать шофера. Потом я войду в дом.

— Идите, — кивнул Шталекер. — Идите и пришлите сюда Шуберта. Мы... вдвоем.

Аскер вернулся к дому, обменялся несколькими словами с Шубертом, тот поспешил на помощь Шталекеру.

Дождь усилился. Тяжелые капли застучали по листве, по дому, по земле. Все вокруг наполнилось тревожным шелестящим шорохом.

Аскер прокрался к окну дома. Оно оказалось наглухо зашторенным, только снизу пробивалась узенькая полоска света. Разведчик пригнулся, попытался разглядеть, что делается в доме, но ничего не увидел.

Вернулись Шуберт и Шталекер. Шуберт встретился с Аскером взглядом, молча кивнул. Аскер приготовил пистолет, поднялся на крыльцо, отпер дверь и скользнул в дом.

Остбург был взбудоражен происшествием.

Из рук в руки переходила газета, на первой странице которой было напечатано сообщение о трагической гибели двух чинов абверштелле и шофера. Ночью, говорилось в газете, во время служебной поездки, машина, в которой находились все трое, вдруг потеряла управление и свалилась с крутого обрыва в Эльбу.

«Погибли, как герои, на боевом посту» — писала «Остбургер цейтунг», поместив в траурной рамке фотографии контрразведчиков.

Разумеется, в абвере не обманывались насчет истинной причины смерти контрразведчиков. Упиц в несчастный случай не верил.

Все подтвердилось, когда трупы извлекли из реки. Медицинские эксперты установили, что штурмбаннфюрер Беккер и шофер перестали дышать еще до того, как попали в воду. У Беккера оказалось пулевое ранение в живот.

Генерал Упиц философски воспринял весть о гибели работников абвера — идет война, и она

не обходится без жертв. Волновало другое: кто был организатором операции, проведенной столь точно и дерзко? И Упиц, после долгих размышлений, пришел к выводу, что работали те самые русские разведчики, которых он в конце концов переиграл и принудил перебазироваться из Карлслуста в Остбург. Он окончательно укрепился в этой догадке, когда получил сообщение об исчезновении «Зеленого». Где агент? — спрашивал себя Упиц и отвечал: захвачен русскими разведчиками. Ибо первое, что должны были совершить русские по прибытии в Остбург — это отыскать сварщика Висбаха, на рассказе которого основывал все свои показания перебежчик Хоманн. Вот они и сделали это, причем сделали быстро и умело. Теперь держат Висбаха под неослабным наблюдением, ибо знают о нем только со слов Хоманна и, разумеется, тщательно изучают, прежде чем довериться... Естественно, сейчас, в первые дни, Висбах молчит.

Ну, да за него можно быть спокойным — уж он-то изловчится, чтобы послать в абвер весть!

Где-то в уголке сознания шевельнулась тревожная мысль: а вдруг русским удалось установить истинную роль Висбаха в деле с архивами? Но Упиц отогнал ее: комбинация была выполнена безукоризненно; даже в случае, если русские и разгадали ее, они немногого добьются. Упиц был предусмотрителен, и агент не знает, где расположен тайник. Значит, и в этом случае «Зеленому» не остается ничего другого, кроме как стоять на том, что все рассказанное им о тайнике — правда.

Рассудив так, Упиц стал готовить заключительный этап операции.

Однако имелось обстоятельство, мешавшее эсэсовскому генералу целиком сосредоточиться на работе. Упиц только что получил материалы, которые свидетельствовали о том, что «верхушечная оппозиция», готовившая покушение на фюрера, потерпела окончательное поражение. Победил Гитлер.

Впрочем, читая между строк, генерал видел, что заговорщики провалились вовсе не потому, что так уж силен и неодолим был тот, кого они собирались убить. Дело было в другом. Руководители заговора — генерал-полковник Бек, который намеревался стать главой государства, и генерал-фельдмаршал Вицлебен, метивший на пост главнокомандующего вермахтом, — попросту говоря, оказались тряпками, действовали нерешительно, вяло. Дала о себе знать и глухая вражда, которая уже много лет раздирала гитлеровский генералитет. Так, в решающий момент фельдмаршалы Роммель и фон Клюге трусили и предали своего коллегу по заговору генерала фон Штюльпнагеля.

Гитлер свирепо расправлялся с путчистами. Членов «верхушечной оппозиции» расстреливали, травили ядами, подвешивали на железных крючьях, подцепив за бок, под подбородок или под ребро, дробили им кости, выворачивали суставы. И Упиц возблагодарил бога за то, что смог остаться в стороне от всей этой затеи. Он понимал истинную причину ярости фюрера. Дела шли все хуже. Англичане и американцы, уразумев, наконец, что русские армии и без их помощи в состоянии свернуть шею германскому

фашизму, вдруг заторопились. Открытие второго фронта, откладывавшееся два года под различными предлогами, состоялось. Шестого июня 1944 года союзники высадились в Нормандии.

Немцы, имевшие во Франции, Бельгии и Голландии группу армий «Запад», насчитывавшую всего 50 дивизий, часть из которых к тому же была на укомплектовании и переформировании, не могли противостоять превосходящим силам англо-американцев, которые обладали еще и подавляющим преимуществом в воздухе. И на Западе началось отступление.

Однако Гитлера прежде всего волновало положение дел на Востоке. Судьба войны решалась там, где советские войска, уничтожая фашистские армии, быстро продвигались вперед. В короткое время они освободили Вильнюс, Гродно, Брест и, преследуя дивизии вермахта, хлынули через государственную границу Польши.

И вот последние данные: русские перешли Неман и оказались возле самых границ Германии!

Да, Гитлеру было от чего прийти в смятение и ярость. Он понимал: только чрезвычайные меры, только устрашение и террор могут заставить страну продолжать войну...

Вошел адъютант. Он принес шифровку. Главное имперское управление безопасности в ответ на сообщение Упица об Освенциме писало: русского военнопленного по кличке Андрей взяли, но ничего от него не добились. Он уничтожен. Вчера группа советских пленных совершила побег. Участвовало более трехсот человек. Пока поймана и возвращена лишь незначительная

часть бежавших. Ко всем применен приказ «Кугель»¹.

Вскоре Упицу подали второе сообщение. Радиобюро абвера отмечало: неизвестный передатчик, действовавший из района Карлслуста, уже десять дней молчит. Зато отмечена незарегистрированная рация, «почерк» работы которой тот же, что и карлслустской станции, но действует она уже из района Остбурга.

Неизвестная рация!.. Военная контрразведка обнаружила ее сигналы в эфире уже давно, год назад. Но станцию долго не удавалось запеленговать — она применяла особую антенну, посылавшую радиосигналы узким пучком, сообщения ее были всегда кратки, и это затрудняло работу пеленгаторов. Наконец, установили, что она действует из района Карлслуста. Были предприняты все меры, чтобы обнаружить и ликвидировать станцию. Однако это не удалось — рация работала по весьма сложной системе чередования частот, дней и часов передач, и это сводило на нет все усилия контрразведки. К тому же, действовала она из различных мест района. Не менее трудным делом оказалась расшифровка перехваченных радиোগрамм. Лучшие специалисты абвера просиживали ночи напролет над непонятными сочетаниями цифр и букв, выловленных в эфире радистами контрразведки. Но только однажды удалось добиться

---

¹ К у г е л ь — пуля. Так был зашифрован приказ верховного командования гитлеровских вооруженных сил о немедленном расстреле военнопленных, бежавших и пойманных вновь. Приказ не касался граждан Великобритании и США.

частичного успеха и прочитать коротенькое сообщение. А потом станция перешла на новый код, не поддававшийся разгадке. В абвере подозревали: владельцы тайного передатчика применяют специальную шифровальную машинку — дьявольское изобретение русских, о котором в германской военной контрразведке ходили лишь смутные слухи. Но и одной расшифрованной радиограммы оказалось достаточно, чтобы в абвере переполошились — ведь в сообщении шла речь о тайном хранилище архивов, и передала эти данные рация, которая находилась в Карлслусте, то есть именно там, где и расположено хранилище!.. После этого и задумал Упиц свою комбинацию с заброской через линию фронта агента и перебежчика.

Упиц вновь прочитал полученную шифровку. Рассеялись последние сомнения. Теперь он был уверен, что добился своего. Раз из Карлслуста в Остбург перебазировалась рация русских, то с ней, конечно, переместились и ее хозяева. Итак, советская разведка перенацелена на Остбург.

Группенфюрер облегченно вздохнул.

Вечером Упица ждал еще один сюрприз.

Адъютант ввел посетителя. Это был человек, на разведку которого фактически теперь работал Упиц.

— Вы? — только и смог выговорить группенфюрер.

— Как видите, я, — усмехнулся гость. — Полагаю, у вас можно раздеться?

Упиц, все еще не оправившись от удивления, кивнул. Посетитель небрежно бросил на спинку

кресла пыльник, швырнул туда же шляпу, уселся.

— Ну,— сказал он, выпуская клуб дыма,— как идут ваши дела, дорогой Упиц?

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

Время от времени из далекого Остбурга пробивалась в Москву тоненькая прерывистая ниточка морзянки. Ее всегда ждали, спешно расшифровывали. В предельно лаконичных сообщениях Аскер докладывал о ходе работы. Ему стремились помочь, ориентировали в обстановке, передавали специальную информацию.

Но последние недели связи не было. Напрасно лучшие радисты управления вызывали станцию Аскера. Она не отвечала. Генерал Лыков распорядился, чтобы эфир держали под наблюдением круглосуточно. И теперь операторы установок сменяли друг друга, не выключая аппаратуры. Однако все было тщетно. Керимов молчал.

Лыков понимал, сколь многочисленны технические причины, из-за которых возможно временное нарушение связи. Могло быть и так, что Керимов поставлен в положение, при котором не в состоянии выйти на связь в течение какого-то времени. Обстоятельства, словом, обычные для тех, кто работает во вражеском тылу. И все же Лыков нервничал, беспокоился, и это передавалось другим работникам, связанным с операцией Керимова.

Лыков снял трубку и позвонил к радистам. Ответил Рыбин, который последние сутки почти

не выходил из аппаратной — если связь восстановится, он должен немедленно переговорить с разведчиком; для таких целей имелся специальный код.

— Молчит, — сказал Рыбин.

— Молчит. — Лыков помедлил. — Так вы в случае чего мне сразу же...

— Конечно, Сергей Сергеевич, — мягко сказал Рыбин, понимая состояние начальника.

Лыков осторожно положил трубку.

— Дела... — тихо проговорил он.

Трудные выдались дни. Руководство уже дважды вызывало Лыкова: с операцией в Остбурге следовало торопиться, ибо советская разведка получала все новые данные, свидетельствовавшие о том, что фашистскими архивами интересуется не только она. Генерал понимал, что промедление в этом деле может дорого обойтись. Но, что он мог сделать сейчас? Только ждать. Ждать и надеяться на Керимова.

Вновь прогудел телефон. На этот раз о Керимове справлялся полковник Чистов.

И опять потянулись часы ожидания. Шагая по кабинету, генерал снова и снова раздумывал над тем, что могло произойти в Остбурге. Потом усилием воли заставил себя сесть за стол и заняться бумагами, которые уже давно принес адъютант.

В шестом часу вечера он встал, запер документы, решив идти к радистам. Он понимал — там и без него предпринимается все, чтобы связаться с разведчиком. И все же...

В приемной раздались шаги. «Рыбин», — подумал генерал.

Дверь распахнулась. Полковник Рыбин, улы-

баясь, держал высоко в руке лист бумаги. Он рассказал: Керимов вышел на связь точно в установленный час. Перерыв был вызван неисправностью передатчика и поисками замены негодной детали. Разведчик сообщал об операции на конспиративной квартире абверштелле и об истинной роли Макса Висбаха в деле с архивами. Тот показал, что тайника в Остбурге нет. Большм подтвердил показание Висбаха. После разоблачения Висбаха честность перебежчика Георга Хоманна доказана. Керимов просил учесть это.

Вновь прогудел телефон начальника. Лыков протянул к трубке руку.

— Он уже знает, звонил! — быстро сказал Рыбин.

Лыков кивнул, снял трубку.

— Зайдите ко мне, — сказал начальник.

Генерал Лыков вернулся через полчаса. Он и Рыбин уселись за маленький столик у окна. Лыков положил перед собой лист бумаги, похлопал по нему рукой. Это было подготовленное специальной службой оперативное сообщение. Указывалось: в Берлине отмечено появление Фреда Теддера, доверенного лица руководителя иностранной разведки. Теддер был конспиративно принят начальником первого управления абвера, генералом Эрвином Лахузенем. Затем он исчез.

Сегодня Теддер объявился в Остбурге, где встретился, тоже тайно, с группенфюрером Гейнцем Упицем. Цель встреч не установлена.

— Неужели архивы? — спросил Рыбин.

— Да. — Лыков кивнул. — Очень может быть.

Как уже говорилось, органы государственной безопасности Советского Союза получили немало сведений о том, что иностранная разведка интересуется архивами германской секретной службы, особенно — архивами, относящимися к востоку, стремится заполучить их в свои руки. Имелись данные о настойчивых попытках этой разведки установить контакт с работниками РСХА, отмечались встречи представителей двух разведок, происходившие в нейтральных странах.

И вот, когда на одном из участков деятельности советской разведки достигнут успех — ценой огромных усилий установлена истина о хранилище на Эльбе и можно приступать к подготовке операции по изъятию архивов, — на пути майора Керимова и разведчиков, действующих в Карлслусте, возникло новое препятствие.

Особенно тревожило, что Теддер пошел на такой рискованный шаг, как приезд во вражескую страну. Видимо, его хозяева решили завладеть архивами, чего бы это ни стоило, и форсируют события!

Лыков вызвал полковника Чистова. Втроем они засели за разработку плана дальнейших действий. Надо было торопиться.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

1

На рассвете узники Освенцима, перевезенные в Остбург, были подняты, пересчитаны и отконвоированы на завод «Ганс Бемер». Здесь

их уже ждали, развели по цехам и расставили с таким расчетом, чтобы на каждого пленного приходилось по два немца — последние обязаны были наблюдать за лагерниками. Кроме того, во всех цехах и пролетах вступили на дежурство наряды лагерной охраны, блокировавшие выходы из помещений.

В отделении токарных станков механического цеха, в числе прочих пленных, оказался Трофим Кныш — маленький худощавый человек лет тридцати пяти, тихий и невзрачный на вид. Но вскоре о нем узнал весь завод. Началось с того, что Кныш за два часа наладил большой многошпиндельный автомат, над пуском которого больше суток безуспешно бились заводские механики. Вскоре вокруг него собрались десятки немецких рабочих. Они с удивлением наблюдали, как русский снимал с обрабатываемой детали стружку невиданной толщины. К тому же станок вращался на скорости, которая почти на половину превышала обычно допустимую.

В обеденный перерыв немецкие металлисты угощали Кныша сигаретами, кто-то из токарей поделился с ним едой, налил из термоса кофе. Все это, разумеется, делалось укладкой, ибо охрана не разрешала, чтобы пленные сближались с «вольными».

Во второй половине дня потребовались новые резцы и кое-какой инструмент. Вместе с двумя немецкими рабочими в кладовую отправился Кныш — мастер уже успел оценить светлую голову и золотые руки русского станочника.

Кладовщик Кребс отнесся к Кнышу с неприязнью. Он считал, что пленные вообще не должны работать на неприятеля. Но уж если их к

этому принудили, следует тянуть лямку, а не лезть вперед и хвастать своим мастерством, ибо все это сильно смахивает на предательство.

Кладовщик с угрюмым видом наблюдал за тем, как пленный неторопливо и обстоятельно отбирает нужные резцы, решительно откладывая в сторону те, которые по каким-либо причинам ему не нравятся.

— Бери, что дают, — не выдержал, наконец, Кребс. — Нечего копать, словно жук в навозе.

Кныш поднял голову. Они встретились взглядами. В глазах кладовщика было презрение, во взоре пленного — вопрос. Он молча указал на один из забракованных им резцов, и Кребс, тоже опытный металлист, вынужден был признать, что резец действительно плох.

Выглядел пленный неважно. Кребс с невольным сочувствием оглядел его тонкую, длинную шею, желтое лицо с острыми скулами и глубоко ввалившимися глазами.

«Он ведь страшно голоден», — подумал кладовщик, отошел к столу и, вернувшись, положил перед Кнышем кусок хлеба, яйцо и пару картофелин.

Пленный посмотрел на еду, затем вопросительно взглянул на кладовщика.

— Бери, — сказал тот, отводя глаза, — бери, тебе это будет кстати...

Кныш понимающе кивнул и быстро спрятал еду под одежду.

Кребс тронул его за плечо, замотал головой.

— Здесь поешь, — сказал он. — Там могут отнять. Да еще и зуботычин надают.

Пленный не согласился. Мешая украинские и немецкие слова, помогая себе мимикой и же-

стами, он пояснил, что должен передать еду товарищам. Сам он поел немного — накормили в цехе. А вот товарищи... им очень нужна еда!

Кребс кивнул, отвернулся. Ему вдруг понадобилось пройти к окну, поглядеть во двор...

Отобрав инструмент, посидели, покурили. Рабочие, которые пришли вместе с Кнышем, стали его расспрашивать.

Вступил в беседу и Кребс.

Пленный охотно отвечал на вопросы. В его семье все токари: дед, отец, два брата и вот он сам. Ему приятна похвала немецких станочников. Но это вряд ли заслуженно. Вот если бы они видели его отца!.. Незадолго перед войной отец с семьей переехал с Украины на Урал. Отец славился мастерством на Украине, стал известен и на новом месте. Он простой рабочий, но к нему приезжали советоваться профессора из Москвы!

Урал... Кребс напряг память и с трудом выговорил сложное слово: Златоуст. Вслушиваясь в его быструю речь, Кныш кое-как понял, что кладовщик знает немного об Урале и весьма ценит златоустовскую сталь. Кребсу приходилось иметь с ней дело, и он считает, что эта сталь ничуть не хуже знаменитой золингеновской.

Вечером мастер доложил о Кныше инженеру, тот — директору завода. Кюмметц был доволен. Подумать только, в первый же день выявился такой талант! Надо продолжать поиски других способных рабочих с востока. Нет сомнения, что такие найдутся. Да, по всему выходит, что он не зря съездил в Аушвиц.

Наутро директор лично побывал в цехе и убедился, что русский токарь и в самом деле работает великолепно. Чтобы подзадорить других, Кюмметц объявил: пленному назначается полуторный пищевой рацион и дарится двадцать марок.

Помощник начальника лагерной охраны, в свою очередь, сказал, что разрешает старательному и трудолюбивому восточному рабочему свободный выход из цеха на заводской двор, где имеется лавочка, а также освобождает от всех лагерных работ.

Трофим Кныш счастливо улыбался и подобо­страстно кланялся директору и офицеру.

Лагерники, находившиеся в цехе, молча наблюдали за этой сценой. Иллюзий насчет добросердечности и гуманности фашистов у них не возникало — только сегодня утром эсэсовцы расстреляли пленного, который вышел на поверку без обуви, украденной у него ночью.

2

Аскер вкатил машину на заводской двор, остановил у гаража. Он только что привез Кюмметца и, пользуясь свободным временем, соби­рался сменить в моторе масло.

Он поднял капот мотора и принялся за дело.

За действиями шофера внимательно наблюдал из окна цеха пленный Кныш. Появление директорского автомобиля его взволновало. Кныш вернулся к работе, несколько минут сосредоточенно размышлял, потом остановил станок и вышел.

Кныш подошел к Аскеру, когда тот, расстелив на земле резиновый коврик, уже приготовился было лезть под автомобиль. На ломаном немецком языке Кныш попросил разрешения помочь и, не дожидаясь ответа, взял разводной ключ и скользнул под машину.

Аскер был озадачен. Он присел на корточки, заглянул вниз и пододвинул пленному железный противень.

— Возьмите, — сказал он, — поставьте под картер и отвертывайте пробку.

Кныш принялся орудовать инструментом. Вскоре в противень хлынула из картера тяжелая черная струя.

— Откуда вы? — спросил Аскер. — Из Аушвица?

— Точно, — сказал пленный по-русски. — От сержанта Авдеева.

Что это — провокация? В первое мгновение Аскеру показалось, что так оно и есть. Но если немцы установили его подлинное лицо, да еще каким-нибудь образом выяснили взаимоотношения с Авдеевым, — они бы не стали производить проверки. Это ни к чему. Его бы взяли сразу. Значит, не провокация. Что же тогда?

— Товарищ гвардии старший лейтенант, — продолжал пленный, — Авдеев наказал...

— Тихо, ты!

Аскер оглянулся. Мимо проходила группа

рабочих. Из-под машины видны были их ноги — чуть согнутые, ступавшие короткими судорожными шагами. Очевидно, рабочие несли какую-то тяжесть.

— Товарищ гвардии старший лейтенант, гляньте-ка, — прошептал Кныш.

Аскер увидел, как пленный извлек из-под одежды кинжал с блестящей витой ручкой.

— Ваш? — тихо спросил Кныш. И, видя, что собеседник не отвечает, сам же заключил: — Вижу, ваш!

— Спрячь!

Кныш убрал нож.

— Наказал вам доставить. Вроде, значит, пароля.

Аскер испытующе оглядел лагерника. Тот лежал на боку, худой, желтый, и, не мигая, смотрел ему в глаза. И вдруг Кныш заплакал. Как-то сами собой побежали по лицу слезы, закапали с остренького носа, и сухой, пыльный асфальт

мгновенно впитывал их, будто промокательная бумага.

— Не сомневайтесь, — захлебываясь, нервно дергая шей, проговорил он. — Не брешу, не предатель я...

— Как звать? — спросил Аскер.

— Чего?

— Имя, говорю, как?

— Кныш. Кныш — фамилия. А имя — Трофим. Старшина Трофим Кныш!

— А где Авдеев?

— Там остался. Он из колхозников. А сюда мастеровых брали. Как узнал, что меня отправляют, наказал разыскать вас. Приметы сообщил. «Будешь, сказал, действовать, как мой командир велит». Да я ведь не один. Ребят двадцать наберется, и все — хоть в огонь!

— Оружие?

— Было, осталось в лагере. Авдеев-то побег готовит... Однако ножи подделать можем.

— погоди с ножами. Встретимся завтра. У тебя когда перерыв?

— Вроде бы, в два часа.

— Буду здесь. Как увидишь, что снимаю аккумулятор, так сразу и выходи. Подзову долить жидкости, тогда и поговорим... И — обо мне ни звука. Ни единой душе.

— Могила!.. Товарищ гвардии старший лейтенант, шкура тут одна есть. Стучит. Как быть?

— Точно, что стучит?

— Засекли.

— Тихо убрать сможете?

— Сможем.

— Убирайте, — жестко сказал Аскер.

Струя масла из картера становилась все

тоньше. Кныш завоzilся под машиной, готовясь вылезать.

— Завод-то, знаете, какой важный! — свистящим шепотом проговорил он.

— Важный? — переспросил Аскер, занятый своими мыслями. — Какой завод?

— Да этот самый. Фаустпатроны делают. Танки наши жечь. Бают, фронт больше половины фаустов отсюда получает. И снаряды тоже. Верно?

— Верно.

— Так чего же мы?.. Поднять его на воздух, завод-то! Самим пропасть, а завода этого дьявольского чтобы не стало!

Аскер не ответил.

Струйка масла из картера иссякла. Теперь только редкие тяжелые капли беззвучно падали в почти полный противень.

— Слушай, — шепнул Аскер, выползая из-под машины, — может случиться, к тебе подойдет человек и скажет: «Три и четыре». Ты ответь: «Четыре и три», и тогда выполняй, что он потребует. Понял, Кныш?

— Да.

Аскер вылез и начал возиться с мотором. Кныш завернул пробку картера, вытолкнул противень из-под колес, понес к сточной канаве, опорожнил. Потом он ушел.

Аскер остался у машины, заливая в мотор свежую смазку.

3

Поздний вечер. На затемненных улицах Остбурга почти не видно прохожих. Дома стоят безмолвные, мрачные — в них ни огонька. Иные

будто слепцы — пустыми глазницами зияют черные провалы окон. Это результаты бомбежек, пожаров. Тишину нарушают лишь шаги патрулей по мостовым, да возникающий время от времени унылый скрежет — ветер раскачивает в развалинах куски бетона, повисшие на прутьях арматуры, и они трутся об искореженное, ржавое железо. А над городом — луна в рваных облаках, и это усугубляет картину тревоги, холода, запустения...

Несколько раз пытался Аскер встретиться с Шубертом, но это никак не удавалось. Обстановка была сложной. Война придвинулась вплотную к границам Германии, и в городе свирепствовали гестапо и СД. Шуберту пришлось покинуть свою основную квартиру — в ее районе были замечены подозрительные личности. На время, пока ему готовили новое надежное убежище, он перешел в домик у железнодорожного моста.

И вот сегодня Шталекер, улучив момент, шепнул Аскеру, что вечером Шуберт ждет его.

Они были одни в комнате. Шуберт рассказывал о последних событиях в городе. Подпольщики помогли бежать большой группе советских и польских пленных, заключенных в расположенном близ Остбурга лагере. Беглецы мелкими партиями переправляются на восток, в Польшу, к партизанам.

— А теперь могу показать вот это. — Шуберт вынул сложенный вчетверо лист бумаги. — Моя самая большая гордость.

Он бережно развернул и разгладил бумагу.

Это был газетный лист. Аскер осторожно придвинул его к себе. Под заголовком теснились короткие заметки, рассказывающие об истинном положении на фронтах и внутри страны.

Аскер поднял на собеседника заблестевшие глаза.

— Где печатали?

— Скажу — не поверите.

— Все же?

— В типографии фашистской «Остбургер цейтунг».

Аскер представил, сколько потребовалось отваги, хитрости, мастерства, чтобы под носом у врага набрать, сверстать и оттиснуть несколько сот экземпляров подпольной антифашистской газеты. Он взволнованно протянул Шуберту руку.

— Теперь говорите вы, — сказал Шуберт. — У вас что-то важное?

— Должен ехать в Карлслуст.

— Когда?

— Как можно скорее. Москва предупреждает: в Карлслуст едет видный контрразведчик генерал Зейферт, шеф группенфюрера Упица. Есть данные, что они собираются там встретиться. Это многое может прояснить.

— Имеете в виду тайник?

— Да.

— Пожалуй, вы правы. А когда думаете перебираться?

— Видимо, дня через два.

— Поездом?

— Да. Теперь, когда освоился здесь, это не сложно. Все подготовил — документы и прочее. — Аскер сделал паузу, придвинулся к Шу-

берту.— Можно сделать так, чтобы кладовщик Кребс доложил в абвер о моей с ним беседе по поводу сварочных аппаратов?

Шуберт вопросительно посмотрел на Аскера.

— Я поясню.— Аскер привычно потрогал переносицу.— Понимаете, очень полезно, чтобы контрразведка...

— Все понял. Надо, чтобы они уверились, будто вы «клюнули» и ищите в Остбурге?

— Да. Это может отвлечь их внимание от Карлслуста, облегчить нашу работу.

— Короче, хотите применить их же оружие?

— А почему бы и нет? — Аскер пожал плечами.— Но это можно сделать лишь в одном случае: если Кребс абсолютно надежен.

— Надежен, — сказал Шуберт.— Под наблюдением каждый его шаг. И потом — он ведь так и не позвонил насчет вас. А это было серьезным испытанием, правда?

— Конечно.

— Значит, принципиально решили. Но я еще поговорю со Шталекером.

— Хорошо.— Аскер смолк, побарабанил по столу пальцами.— Месяц назад вы сказали, что готовите взрыв «Ганса Бемера». Завод будет уничтожен?

— Обязательно.

— За чем задержка?

— Видите ли, смущает одно обстоятельство — неизбежная гибель большого числа рабочих и пленных.

— Этого нельзя допустить. Но завод должен быть выведен из строя.

И Аскер рассказал о своей беседе с Трофимом Кнышем.

— Сначала сложной проблемой казалась взрывчатка: ведь ее потребуется много,— пояснил Шуберт.— Но потом мы поняли, что она есть на заводе.

— Склад готовой продукции?

— Да. Территория склада — запретная зона. Из наших там бывает только Карл Кригер. Поэтому операцию поручили ему. В принципе все готово. Вот только... как быть с рабочими? Более тысячи людей погибнет! Правда, решено взрывать завод в ночное время, когда бездействует ряд цехов и пролетов, не работают и пленные, но все же жертв будет много...

— Жертвы не обязательны.

Шуберт поднял голову, вопросительно поглядел на Аскера.

— Не обязательны,— повторил тот.— Ведь, кроме заводского бомбоубежища, есть поблизости и другое?

— Да, за воротами, метрах в пятистах.

— Так...— Аскер задумался.— Я кое-что проверю, подсчитаю.— Он положил свою руку на руку Шуберта.— Кажется, все будет в порядке! Я еще подумаю, а тогда все изложу Кригеру, если, конечно, вы не возражаете.

Затем Аскер сообщил Шуберту о появлении в Берлине и Остбурге Фреда Теддера, о встречах его с генералом абвера Лахузенем и группенфюрером Упицем.

— Он и сейчас в Остбурге?— спросил Шуберт.

— Был. А сегодня, кажется, уехал. Уехал или уезжает. Вместе с Упицем.— Аскер встал.— Ну, мне пора.

Поднялся и Шуберт, взял его за плечи.

— Много бы хотелось сказать вам. — Он помолчал. — Но бывает... слов и не подберешь, правда?

Аскер кивнул.

— Сказать по чести, я был бы счастлив, окажись у меня такой сын, как вы. — И Шуберт поцеловал Аскера.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

1

Новый руководитель остбургского абверштелле оберштурмбаннфюрер Готхард фон Зутель прилагал все старания, чтобы распутать дело о загадочном убийстве своего предшественника Больма и других работников контрразведки. На это были брошены лучшие силы. Им был объявлен приказ, который гласил, что добившиеся успеха будут повышены в чине и представлены к награде орденом.

Вскоре после происшествия, когда группенфюрер Упиц зашел за чем-то к фон Зутелю, секретарь начальника абвера доложил, что просит приема штурмфюрер Торп. Фон Зутель нерешительно взглянул на генерала. Тот кивнул.

— Примите его, — сказал Упиц. — Это способный человек. Посмотрим, что ему надо.

Секретарь впустил Торпа. При виде генерала на красивом лице штурмфюрера появилось выражение смущения и растерянности, хотя Торп специально спланировал визит так, чтобы в кабинете шефа абвера был и группенфюрер Упиц.

— Мы слушаем,— сказал генерал. — Выкладывайте, Торп, что там у вас стряслось?

— Я бы хотел поговорить о трагической гибели штандартенфюрера Больма и других...

— Не гибели, а убийстве,— поправил Упиц.

— Да, господин группенфюрер, именно — убийстве. Причем убийстве, совершенном русской разведкой!

— Ого! — Упиц вынул изо рта сигарету, сплюнул в стоявшую в углу кабинета урну, обернулся к офицеру. — Вы говорите любопытные вещи, Торп.

— Я в этом убежден, господин группенфюрер.

— И сумеете доказать?

— Полагаю, да... Третьего дня в крипо явился некто Ларх, содержатель бара «Нибе-лунги», что находится близ завода «Ганс Бемер». Ларх связан с полицией, у него наметанный глаз. И он рассказал: за несколько часов до той самой трагической гибели...

— Убийства, Торп!

— Да, простите меня, убийства... Так вот, часа за три-четыре до этого он повстречал Макса Висбаха... Ведь Висбах исчез в ту же ночь, и только слепой не видит, что оба происшествия связаны.

— Дальше, Торп.

— А Макс Висбах был в кабачке не один! Он сидел с человеком...

— Кто был тот, другой?

— Ларх этого не знает.

Упиц шагнул вперед, наклонил голову. Его длинные, тяжелые руки задвигались, шея напряглась.

— Не знает?— прорычал он.— Так какого же дьявола...

— Не знает Ларх, но зато знаю я,— быстро сказал Торп.— Ларх описал спутника Висбаха—его рост, комплекцию, манеру держаться. Многое сходится с обликом человека, которого обрисовала вдова Лизель Ланге, и я подозреваю, что это был мнимый капрал Краузе. Короче—нити ведут к ее муженьку, Герберту Ланге.

— Но его нет в живых.

— Нет Ланге—есть Шталекер, самый близкий дружок покойного, господин группенфюрер.

— Вы наблюдаете за Шталекером два с лишним месяца, а данных против него нет.

— Не было!

— Ого! Есть новости?

— Да, господин группенфюрер. Я только что вернулся из лагеря военнопленных, которых привез из Аушвица директор Кюмметц. Ездил на встречу с агентом Цюпой. Возможно, вы помните такого?

— Ну-ну, продолжайте!

— Цюпа донес: обнаружен кинжал, который был в Аушвице, у заключенного по имени Андерей.

— Погодите... Кинжал с витой рукояткой?

— У вас отличная память, господин группенфюрер.

Торп сделал паузу, как бы собираясь с мыслями, украдкой взглянул на Упица. Тот был явно заинтересован.

— Нынешнего владельца кинжала зовут Трофим Кныш,— продолжал Торп.— Цюпа

установил все это вчера. А сегодня Кныш беседовал... Как вы думаете, с кем?

— Со Шталекером?— воскликнул Упиц.

— Да, с ним самим!— Торп подошел к столу.— Теперь проглядим всю цепочку, господин группенфюрер. Если предположить, что звенья ее составляют Краузе, которого ищем, Ланге и Шталекер, далее — Андрей и Кныш, то недостает только одного звена — мы не знаем, от кого Андрей получил кинжал.

— Теперь и не узнаете. Над этим пленным тщетно работали лучшие специалисты. Он отправился к праотцам, так и не разжав рта... Но все равно, сейчас легче. Займитесь Шталекером и другим... Как его?..

— Кныш.— Торп обернулся к шефу абвера.— Господин оберштурмбаннфюрер включил меня в группу по расследованию убийства штандартенфюрера Больма и других. Я хочу просить, чтобы мне предоставили возможность действовать самостоятельно.

— Хорошо,— сказал генерал. — Вам это разрешается, Торп. Докладывать будете лично оберштурмбаннфюреру фон Зутелю. Я бы хотел, чтобы и меня держали в курсе дела, но скоро уезжаю. В Карлслуст прибыл мой шеф, он вызывает меня.

— Что вам еще потребуется?— спросил фон Зутель Торпа.

— Пусть за мной закрепят полдюжины агентов из числа наиболее проворных.

— Хорошо.

Торп вышел. Он не стал ждать, пока подберут и назначат людей. Это сделают без него, и он встретится со своими помощниками позже.

А пока следует, не теряя времени, отправиться на завод «Ганс Бемер», чтобы ближе приглядеться к пленному Кнышу. Что касается Шталекера, то наблюдение за ним будет усилено. Торп вспомнил, как однажды довел механика до завода, а потом тот каким-то непостижимым образом исчез оттуда. Тогда Торп думал, что просто проглядел его в толпе рабочих. Но сейчас, после всего, что он узнал, дело оборачивалось совсем по-другому.

Часы на городской башне пробили полдень. На безоблачном небе ярко светило солнце. С Эльбы чуть тянул ветерок. Денек выдался на редкость теплый. Торп расстегнул пиджак, заломил на затылок шляпу, глубоко засунул руки в карманы и, насвистывая, неторопливо двинулся по улице, направляясь к заводу.

Настроение у контрразведчика было отличное. Беседа с группенфюрером Упицем и оберштурмбаннфюрером фон Зутелем, на которую он возлагал много надежд, прошла как нельзя лучше. Он ловко придумал — устроить так, чтобы в кабинете были оба. Вот так и делается карьера. Пару раз удачно встретиться с начальством и понравиться; затем быстро и четко выполнить оперативное задание. И дело в шляпе!.. Нет, что ни говори, а держался он молодцом и дал-таки понять, что тоже чего-нибудь стоит! Особенно удачно получилось насчет цепочки. Как это? Торп замедлил шаги, припоминая. Ага. Краузе, Ланге и Шталекер, затем Андрей и Кныш.

Он вынул маленькую книжечку, аккуратно вписал фамилии, соединив их знаками тире. Да, все получилось как надо. Если бы установить еще бывшего командира лагерника Андрея!..

В тот час, когда штурмфюрер Адольф Торп, закончив беседу со своими начальниками, шел по улице, Аскер был на заводском дворе у автомобиля.

Подошла разносчица бумаг.

— Господина Губе вызывает заведующий канцелярией.

Аскер улыбнулся девушке, вытер руки, неторопливо двинулся к конторе.

Вот и контора — двухэтажное здание, с наружной железной лестницей, узкие ступени которой до блеска вытерты подошвами заводских служащих.

Кригер принял Аскера в своем кабинете — небольшой комнатке, примыкавшей к общему помещению, где сидели счетоводы. Войдя, Аскер снял и оставил на подоконнике фуражку. Кригер протянул конверт.

— Возьмите, — негромко сказал он, — здесь билет на завтрашний поезд в Карлслуст.

Аскер спрятал конверт.

— Спасибо, — проговорил он, пожимая Кригеру руку. — Вы так помогли мне. Не знаю, удастся ли расплатиться...

— Вы делаете для немцев во сто раз больше. Чем бы кончила Германия, да не только она, но и все человечество, не будь вашей армии, вашего народа!

— С Шубертом мы условились, что отыщем друг друга после того... ну, словом, когда все это будет позади, — продолжал Аскер. — А как встретиться с вами? Я бы так хотел предста-

вить Шуберта, Шталекера, вас моим друзьям, семье, чтобы все знали...

Аскер не закончил. Потянувшись за фуражкой, он вдруг замер, глядя на заводской двор. Кригер видел, как напряглись его плечи и шея.

— Что там?— тревожно спросил он.

— Этого видите?

Кригер посмотрел. По двору шел человек в штатском костюме и шляпе — он только что миновал проходную будку и теперь направлялся к зданию заводоуправления.

— Кто он?— спросил Кригер.

— Тот, что меня преследовал!.. Глядите, он поднимается сюда!

— Быть может, к директору завода?

— Кюмметц дома — час назад я сам отвез его. Не найдя его, он может зайти к вам!

— Может,— пробормотал Кригер.— Что же делать? Вам некуда уходить — столкнетесь с ним в канцелярии или у выхода... Минуту! — Он отпер тонкую дощатую дверь в боковой стене кабинета.— Скорее, сюда!

Аскер вошел и оказался в крохотной каморке, заставленной стеллажами с папками. Дверь закрылась, щелкнул замок.

Вскоре в кабинет постучали.

— Прошу,— сказал Кригер.

Вошел Торп. Он кивнул управляющему, уселся и показал удостоверение.

— Чем могу служить?— спросил Кригер.

— Кажется, вы состоите в НСДАП?

— Кроме того, и член СС.

— Знаю.— Торп зажег сигарету.— Меня интересуют ваши механики.

— Их много,— осторожно сказал Кригер.

— Начнем с Отто Шталекера.

— Я не совсем ясно себе представляю...

Что вас интересует?

Аскер, которому было слышно каждое слово, понял: Кригер хитрит, стараясь выведать, что известно контрразведке о Шталекере.

В кабинет постучали. Вошла разносчица бумаг.

— Пусть нам не мешают, — проговорил Торп.

Кригер понимающе кивнул.

— Я занят, Лотта, — сказал он. — Сюда не входить и не впускать.

— О Шталекере хочу знать как можно больше, — продолжал Торп, когда дверь за девушкой затворилась.

Кригер сообщил, когда Шталекер был принят на завод, где и кем работает. Подумав, прибавил, что механик не имеет детей, хотя много лет женат.

— Это все?

— Я только заведующий канцелярией. — Кригер развел руками. — А на заводе свыше трех тысяч рабочих, не считая пленных...

— Ну, а что вы скажете о шофере директора завода?

Торп хорошо знал, что личность нового шофера была тщательно проверена, и сотрудник абвера, наводивший справки, установил, что с Генрихом Губе все в порядке. Вопрос о Губе он задал как-то механически, непроизвольно. И, наблюдая за собеседником, с удивлением заметил, будто тень промелькнула по лицу заведующего канцелярией. Почему? Чем встревожен сидящий перед ним человек?

Между тем Кригер напряженно размышлял. Сначала Шталекер, а теперь и Губе! Кто еще стал известен абверу? И что именно известно?...

— Губе я знаю еще меньше, чем Шталекера,— равнодушно проговорил он.— Господин директор взял его совсем недавно, и я не успел...

— Личные дела на Шталекера и Губе у вас?— прервал Кригера контрразведчик.— Дайте мне взглянуть на них. Там, разумеется, есть и фото?

— Да.

— Дайте эти папки. Побыстрее, пожалуйста,— повысил голос Торп, видя, что собеседник не торопится.

— Хорошо.— Кригер встал, решая, как действовать дальше.

— Куда вы?

— Дела работников завода хранятся в этой комнатке.

— А-а! — Торп кивнул.

Кригер отпер боковую дверь, вошел. Аскер стоял у стеллажа. Они встретились взглядами. Разведчик сделал выразительный жест. Кригер согласно кивнул.

Он извлек пистолет из заднего кармана брюк, переложил за пазуху, взял с полки первую попавшуюся папку и вернулся в кабинет.

— Кажется, стучат,— проговорил он, прислушиваясь,— Лотта!

Девушка приоткрыла дверь.

— Лотта, мы заняты, никого не впускать.

— Я знаю, господин заведующий, вы уже распорядились.

Тогда Кригер положил на стол папку. Торп

придвинул ее к себе, раскрыл. Аскер скользнул в кабинет за спиной Торпа, неслышно приблизился и оглушил его ударом в голову.

— Добейте,— прошептал Кригер, глядя, как Аскер поддерживает потерявшего сознание фашиста.

— Не здесь!.. Куда его можно отвезти?

— Есть одно место.— Кригер сорвал трубку телефона, набрал номер.— Третий цех? Говорит Кригер. Срочно пришлите ко мне механика Шталекера.

И он положил трубку.

Торп, который сидел на стуле, поддерживаемый Аскером, зашевелился, застонал. Кригер подошел и ударил его в затылок.

— Приходится так... — сказал Аскер.— Он бы с нашими не церемонился.

Вошел Шталекер. При виде Торпа сжал губы — он узнал человека, наблюдавшего за ним в баре.

— Отто,— сказал Кригер,— немедленно разыщите шофера Вилли, пусть берет свой грузовик, прихватит по дороге Дитриха и едет к его дому.

— За город?

— Да.— Кригер подошел к столу, быстро написал несколько слов на листе бумаги, протянул ее Шталекеру.— Вот распоряжение на выезд.

Шталекер ушел, а минутой позже покинули кабинет и остальные.

Счетоводы, работавшие в заводской канцелярии, удивленными взглядами проводили посетителя, вышедшего из кабинета заведующего канцелярией. Тот едва двигался, заботливо под-

держиваемый под руки Кригером и шофером Губе.

— Вернусь через полчаса, — на ходу бросил Кригер разносчице бумаг.

— Что это? — прошептала девушка.

Пожилой конторщик, крутивший ручку арифмометра, прервал работу, снял очки.

— Сердце, — сказал он. — Наверное, расшалось сердце. — Конторщик вздохнул, по-

правил сползшие с локтей нарукавники. — Теперь это со многими случается...

Лотта, глядевшая в окно, видела как посетителя подвели к директорскому автомобилю, бережно усадили на задний диван. Кригер сделал знак сторожу у ворот, сел рядом. Шофер Губе занял свое место. «Бьюик» тронулся и уехал.

...Кригер и Аскер доставили захваченного контрразведчика за город, в небольшой обособленный домик на краю рощи. Домик принадлежал родителям гардеробщика Дитриха и пустовал. Отца и мать Дитриха, несмотря на возраст — обоим было под шестьдесят, — мобилизовали в промышленность взамен рабочих, отправленных на войну. Пришлось перебраться в город, к сыну. Они трудились на заводе, соседствовавшем с «Гансом Бемером».

Загородный дом антифашисты использовали для различных целей. Здесь отдыхали и набирались сил перед отправкой на восток беглецы из концлагерей; близ домика хранилось добытое с превеликим трудом оружие группы Шуберта; отсюда дважды вел свои передачи по радио Аскер.

Адольфа Торпа поместили в кладовке, которая примыкала к кухне и не имела окон. Пока Аскер наблюдал за местностью, Кригер связал Торпа, обыскал его карманы. Оружие у контрразведчика было отобрано еще на заводе. Сейчас в руках Кригера оказались и его документы. Кригер просматривал их, когда подъехал грузовик.

Шофер Вилли и гардеробщик Дитрих — члены пятерки Шталекера, вошли в дом.

— Вы возвращаетесь на завод, Вилли, — распорядился Кригер. — Дитрих останется здесь охранять этого человека. Оружие?

Дитрих отрицательно покачал головой.

— Возьмите. — Кригер передал ему пистолет. — Не спускайте с него глаз. В случае чего — стреляйте. Учтите, Дитрих: это опасный человек. Очень опасный.

— Понял.

Дитрих проверил оружие и устроился в чулане, напротив Торпа.

Кригер вышел из дому. Вилли уже сидел в кабине грузовика.

— Поедете к реке за песком, чтобы не возвращаться без груза, — сказал Кригер.

Машина ушла. Кригер и Аскер остались одни у дома. Тогда Кригер протянул разведчику

раскрытую записную книжку Торпа. Во всю ширину страницы было написано:

ЛАНГЕ — КРАУЗЕ — ШТАЛЕКЕР —
АНДРЕЙ — КНЫШ.

Аскер помрачнел. Взяли, наверно, сержанта Авдеева!.. Такая же судьба ожидает и Шталекера. Да и Кнышу готовится подобная участь.

— Раз выследили Шталекера, могут нащупать и вас, товарищ Кригер. Вас и Шуберта.

— Возможно.— Кригер поморщился.— Немедленно уходите. Хотели ехать завтра. Надо — сегодня. Сейчас. У вас же все готово!

— Все. Есть даже новая одежда.

— Тогда — не медлите.

Аскер и сам понимал, что не может оставаться в городе. Но что будет с Кнышем, со Шталекером и его женой, с самим Кригером и руководителем организации Шубертом?

— Уезжайте,— снова сказал Кригер.— И не беспокойтесь о нас. И Кныша не оставим, сделаем все, что в силах.

— Но — Шталекер?

— Он и его жена сегодня исчезнут. Убежище у нас давно и для каждого предусмотрено. И операция состоится. Все, что произошло сегодня, только ускорит ее. Возможно, завод взорвем уже нынешней ночью.

— Вы не уничтожили Торпа. Это не ошибка?

— Пусть решает Шуберт. Быть может, Торп понадобится ему. Он много знает...

— Опасно, товарищ Кригер!

— Понимаю. Но допросить Торпа необходимо. Шуберт должен быть в курсе дела. Едем.

«Бьюик» тронулся.

— Куда вас отвезти? — спросил Аскер, когда машина, поколесив по проселку, выехала на магистраль.

— Видимо, все же рискну и поеду к нему сейчас.

— К Шуберту?

— Да, — подумав, сказал Кригер. — Ничего другого не остается. Шуберта надо немедленно информировать. И немедленно же решить со взрывом завода.

— Адрес?

— Вы знаете этот дом.

— У железнодорожного моста?

— Да.

— Вас ждать?

— Ни в коем случае. Не теряйте ни минуты.

За два квартала от дома Шуберта «Бьюик» притормозил.

— Прощайте, — сказал Кригер.

— Прощайте.

Кригер вышел из машины, неторопливо двинулся по дорожке.

Аскер огляделся. Редкие домики в этой части города стояли вразброс. Между ними тянулись группы деревьев, пустыри. Людей на улице не было видно. Как будто все благополучно.

И он уехал.

Вот и завод. Поставив машину в гараж, Аскер позвонил в приемную директора и сообщил, что автомобиль неисправен и будет готов только завтра: Аскера не должны были хватиться раньше следующего утра.

Последний взгляд на заводской двор, на цехи, обступившие его полукругом, на пленных,

которые под наблюдением эсэсовцев грузили в вагонетки большие плоские ящики,— и Аскер вышел за ворота завода.

3

В пятом часу дня механик Шталекер был вновь вызван в кабинет заведующего канцелярией.

Вернувшись в цех, Шталекер отыскал пленного Кныша, как бы невзначай толкнул его локтем. Они встретились взглядами, механик указал на пол. Там белела записка. Кныш, улучив момент, поднял ее...

В конце рабочего дня Шталекеру доложили о серьезном происшествии: в цехе вышли из строя три самых больших и важных станка-автомата. Это не было аварией или диверсией — станки никто не взрывал, в их трущиеся части не был подсыпан песок. Но как-то вдруг случилось, что станки разладились и стали давать брак.

Шталекер забил тревогу. Немедленно были уведомлены руководители цеха. Те доложили директору завода. Поднялся переполох — на этих станках производились основные части фаустпатронов; выход станков из строя грозил серьезными осложнениями.

В цех прибыли Кюмметц, инженер завода и другие специалисты. Переходя от станка к станку, они раздраженно наблюдали за работой наладчиков, которые пытались пустить агрегаты. Дело подвигалось туго. Причины неисправности все еще не были найдены. И Кюмметц с тоской подумал о том, что прежде на заводе

имелось сколько угодно великолепных механиков, которым любая задача была по плечу.

Прошел час. Станки были в том же состоянии. Кюмметц кусал губы от злости.

— Господин директор,— сказал кто-то рядом,— быть может, помогут русские пленные?

Кюмметц круто обернулся. Рядом стоял заведующий канцелярией Кригер и указывал глазами на угол цеха, где трудилась группа пленных.

Пленные! Директор шумно перевел дыхание. Пленные — это была хорошая мысль. Где тот русский механик, работу которого он наблюдал несколько дней назад? Ага, вот он.

— Эй,— крикнул Кригер.— Эй ты, пооди сюда!

Кныш оставил ящик, который вместе с товарищами передвигал в угол цеха, неторопливо приблизился. Кригер молча указал на бездействующий станок. Кныш вытер руки, подошел к станку, стал его пробовать. Все прекратили работу, столпились вокруг. Закончив осмотр, пленный выпрямился.

— Ну?— нетерпеливо сказал Кюмметц.

— С утра займусь. Денька через два сделаю...

Директору перевели.

— Один станок?— вскричал он.

— Ну да, один.

Кюмметц обомлел. Три станка — и на каждый по два дня работы! Завод недодаст огромное количество продукции. А это может иметь бог знает какие последствия.

— Исправить к утру,— сказал директор.— Все три — к утру, понял?

Кныш пожал плечами. Кюмметц приблизился к нему, взял за плечо. Все притихли.

— К утру! — сказал он.

Кныш качнул головой.

— К утру! — повторил Кюмметц. — Станки будут работать, или отправишься обратно в Аушвиц!

— Один я ничего не сделаю.

— Оставляй кого хочешь из своих. С завода не уйдешь, пока не кончишь. Сделаешь — двое суток отдыха!

Кныш молчал. Казалось, он в нерешительности.

— Ладно, — сказал, наконец, он. — Попробую.

Кныш отобрал пятерых пленных. Все они отошли в сторону.

— Останутся эти, — сказал Кныш.

Кюмметц вызвал начальника лагерной охраны. Тот отказался оставить пленных на ночь в цехе. Тогда директор завода позвонил коменданту лагеря и все уладил. Трофим Кныш и его пятеро товарищей принялись за дело.

В одиннадцать часов вечера Кюмметц приехал на завод, прошел в цех и убедился, что дела идут полным ходом. Кныш показал станок, работа над которым была почти закончена.

— Как видите, осталась самая малость. Еще немного, и доведем до нормы.

Кюмметц удовлетворенно кивнул и дал Кнышу сигарету. Нет, это была поистине гениальная мысль — самому отправиться в Аушвиц, отобрать и привезти восточных рабочих!

Кюмметц вышел из цеха в отличном настроении. На глаза ему попался грузовик. Машина

вне гаража в ночное время? Это был непорядок.

— Что вы здесь делаете? — строго спросил директор возившегося в моторе шофера.

Водитель, молодой парень с повязкой на глазу, объяснил: он возил песок для литейной, закончил, собирался отправиться в гараж, но закапризничал двигатель. Вот — проверяет топливную систему.

— Все должно делаться своевременно. — Кюмметц досадливо дернул плечом. — Заканчивайте и убирайтесь отсюда.

— Хорошо, господин директор, — сказал шофер. — Больше это не повторится.

Затем Кюмметц отправился домой.

Было начало первого часа ночи, когда вдруг заработала заводская радиотрансляционная сеть. В цеховых репродукторах раздался голос диктора, объявлявшего воздушную тревогу.

К этому на заводе привыкли. Станки и моторы остановились. Рабочие ночной смены поспешили в убежище, расположенное на заводском дворе. Но у входа в подземелье им преградил путь заведующий канцелярией Кригер.

— Сюда нельзя, ремонтируется вентиляция. Задохнетесь, если полезете вниз. Идите за ворота, в общее убежище!

Толпа рабочих хлынула к проходной. Охрана завода уже имела распоряжение Кригера и распахнула ворота.

В эти же минуты шофер грузовика Вилли закончил, наконец, возню с машиной, запустил мотор и тоже собирался выезжать со двора. Для

него уже освобождали проезд.

Последними появились на заводском дворе шестеро лагерников. Их конвоировали два автоматчика. Люди, вышедшие из ярко освещенного цеха, двигались на ощупь.

— Выход там, — сказал Кныш, прислушиваясь.

И он повел группу в сторону, откуда доносилось тарахтение мотора грузовика.

Постепенно глаза привыкли к темноте. Впереди обозначился задний борт машины. Люди засуетились. Конвоиры вдруг оказались в окружении лагерников. Больше во дворе никого не было видно. Кныш улучил момент, взмахнул зажатым в руке куском железа. Конвоир слабо вскрикнул и осел на подогнувшихся ногах. Другой солдат вскинул автомат, но тоже был оглушен и повалился на землю.

Пленные подхватили солдат, бросили в грузовик, влезли туда сами и распластались на дне кузова. Ударами кулака в кабину Кныш просигналил шоферу. Взревел мотор, и машина устремилась за ворота.

Четверть часа спустя над заводом взметнулось пламя, раздался грохот взрыва.

Старый Людвиг Мюссель, удалившийся от дел бакалейщик, сидел у окна своей комнаты. Мюсселя мучила подагра. Ноги его, обернутые пледом, покоились на низенькой скамеечке. Тупая, ноющая боль толчками поднималась от лодыжек к коленям. В таких случаях он старался чем-нибудь отвлечься. И он стал наблюдать за прохожими. Внимание его привлек хорошо одетый человек. «Здоровяк», — с неприязнью подумал бакалейщик.

Человек удалялся. На пути его была группа деревьев, за которыми прятался одинокий домик. Дальше вновь начинался пустырь. Прохожий дошел до них, скрылся под кронами вязов и лип. Острая боль кольнула колени старика. Он глухо застонал, откинулся в кресле, закрыл глаза. Через минуту, когда стало легче, вновь посмотрел на улицу. Прохожего не видно. Значит, сейчас появится — он уже должен быть за деревьями. Нет, что-то не показывается. Куда же он девался? Вошел в дом? Странно.

— Хильда! — позвал бакалейщик.

Дверь в комнату отворилась. Вошла жена Мюсселя.

— Чего тебе?

— Подойди. Подойди к окну... Вот тот дом, он все еще пустует?

— Уже год, ты же знаешь.

— А сейчас кто-то туда вошел.

— Не может быть. Утром я шла мимо — на двери замок, окна закрыты ставнями.

— Вошел, — повторил старик, упрямо дернув головой.

— Вечно тебе мерещится, бог знает что. — Хильда, шаркая по полу стоптанными туфлями, удалилась.

Мюссель продолжал сидеть у окна. То и дело он поглядывал в сторону дома. Прошло с полчаса. Вдруг бакалейщик вытянул шею, удивленно засопел. Из-за деревьев появился человек. Теперь он шел в обратную сторону.

— Тот самый, — прошептал старик, узнав прохожего. — Хильда!

Жена вошла. Мюссель указал ей пальцем на прохожего.

— Гляди. Возвращается, а?

— Ну так что?

— Дом-то нежилой!

Уступая упрямому мужу, старуха сменила туфли, надела плащ и вышла на улицу. Она дошла до дома, так заинтересовавшего бакалейщика, вернулась обратно.

— Ну? — спросил старик.

Хильда выглядела удивленной.

— Замок, — сказала она. — Замок на месте. И — ставни. Все, как прежде.

— Я говорил! — Мюссель разволновался. — Говорил, что тут нечисто. Надо в полицию!

— Но зачем, Людвиг?

— А вдруг — воры? Воры или что-нибудь похуже...

Он завозился в кресле, попытался встать.

— Хорошо, хорошо, я схожу, — поспешила сказать Хильда.

— Нет, ты не сможешь толком. Я сам!

И, несмотря на протесты жены, он с трудом поднялся на больные ноги, взял палку. Жена помогла ему надеть пальто, дала шляпу.

Через двадцать минут бакалейщик Мюссель сидел у полицейского инспектора и, стараясь не пропустить ни одной подробности, рассказывал ему о своих подозрениях.

Прохожий, о котором шла речь, был Карл Кригер.

5

Час прошел, за ним второй и третий, а Дитрих и Торп сидели друг против друга, почти не меняя позы: Торп на полу, прислонившись к стене, вытянув ноги и положив на колени связанные руки, Дитрих на низенькой скамеечке у входа, поигрывая изящным «вальтером». У Дитриха побаливали концы лодыжек, на которые были надеты башмаки-протезы, и он время от времени потирал их свободной рукой.

Что касается Торпа, то пленник, казалось, отчаялся и покорился судьбе. Он не двигался, глаза его были полуприкрыты, лицо выражало усталость. На самом же деле он внимательно наблюдал за своим стражем. Мозг Торпа напряженно работал, отыскивая путь к спасению. Мелькнула мысль — попытаться соблазнить деньгами сидящего перед ним человека. Но Торп отказался от этого намерения, как только заглянул в глаза Дитриха — ненавидящие, беспощадные...

Что же делать? Торп чуть пошевелил руками. Кисти стянуты крепко, ноги тоже. Но вязавший его человек, видимо, неопытен в этом ремесле. Ни чем иным не объяснишь, что узел ве-

ревки, связывавшей руки, сделан сверху. Торп прикинул: если как следует изогнуться, пожалуй, дотянется до него зубами.

Торп решил попытаться...

Вскоре у пленника участилось дыхание, он захрипел и повалился на бок, ударившись головой об пол.

— Воды, — прошептал Торп.

Дитрих не шевельнулся.

— Воды, — вновь взмолился пленник, извиваясь на полу.

Дитрих продолжал сидеть. Но Торп, не перестававший наблюдать, отметил, что «припадок» произвел впечатление. Это придало ему новые силы и энергию. Торп продолжал метаться. Потом, будто ослабев, затих. Дитрих почувствовал неловкость. Он не испытывал жалости к фашисту, просто было неприятно, что человек связан и беспомощен. Еще чего доброго умрет. Дитрих встал и, пятась, чтобы не терять пленника из поля зрения, вышел на кухню.

Кран находился сбоку, в углу. Там же висела на гвозде кружка. Дитрих рассудил, что не сможет набрать воды, не выпустив пленника из-под наблюдения. Он вернулся, пошире расстворил дверь в кладовую. Но это мало что изменило.

Так бывает — Дитриху вдруг и самому захотелось пить. Что же предпринять? Как добыть воды? Он осторожно взглянул на пленного. Тот лежал не двигаясь, бледный, с плотно закрытыми глазами — возможно, лишился сознания.

Держа оружие наготове, Дитрих стал медленно отходить к крану. Угол зрения менялся,

постепенно выступавшая стена скрыла вначале голову и прижатые к груди руки Торпа, затем его живот и бедра. А до крана еще далеко. Вот уже видны только ноги пленника. Они не двигаются. Значит, фашист, как и прежде, лежит спокойно. Не теряя ног Торпа из виду, Дитрих нащупал и повернул кран. Полилась тоненькая струйка воды. Дитрих сорвал со стены кружку и поставил под струю.

Когда угол стены скрыл сторожа, Торп быстрым, мягким движением поднес связанные кисти ко рту, впился в веревку зубами. Веревка была груба, узел сильно затянут. Торп в кровь раздирал десны, с такой силой действовал челюстями, что их стала сводить судорога. Но он ничего не замечал. Только бы успеть!.. Дикая радость охватила его, когда узел стал поддаваться.

Все это время он не спускал глаз с двери. Как только тень сторожа, лежавшая на полу, шевельнулась, Торп опустил руки и застыл в прежнем положении. Узел не был развязан.

Дитрих принес воду, поставил кружку на пол, носком ноги пододвинул Торпу.

— Пей, — сказал он. — Слышишь, пей, это вода.

Торп не двигался.

Дитрих выждал, потом коснулся рукой Торпа. Пленник, будто очнувшись от обморока, застонал, дернулся. Неловкое движение плеча, и кружка опрокинулась. Вода широкой струей разлилась по полу.

— Черт бы тебя побрал, — выругался Ди-

трих. — Вот послал бог работенку — стеречь эту кую падаль.

Дитрих уселся на скамеечку, закурил. Он видел: пленный готов к новому обмороку. Показалось даже, что в углах рта Торпа проступает пена, кровь.

Дитрих подобрал кружку и второй раз отправился за водой. Этого и добивался Торп. Вновь оставшись один, он быстро покончил с узлом. Теперь — рывок посильнее, и руки будут свободны!

С полной кружкой в одной руке и с пистолетом в другой появился Дитрих. Он медленно ковылял на искалеченных ногах. Искося взглянул на пленника. Все было в порядке, тот лежал в прежней позе.

Осторожно, чтобы не расплескать воду, Дитрих нагнулся над лежащим.

Раз!.. Руки Торпа взметнулись вверх, обхватили правую кисть Дитриха, в которой был зажат пистолет, рванули в сторону. Резкая боль пронизала руку. «Вальтер» выпал. Не давая противнику опомниться, Торп свалил его на пол, нащупал пистолет и рукоятью проломил Дитриху череп.

Тяжело дыша, Торп распутал веревки, которыми были связаны ноги, с трудом встал, разминая затекшее тело, прошел на кухню, напился. Затем он обыскал убитого, нашел сигареты, закурил. На часах было девять вечера с минутами. Следовало торопиться — Торпу предстояло много важных дел. Он сунул в карман пистолет убитого и вышел.

Вскоре Торп шагал по пустынному шоссе, направляясь в город.

В начале двенадцатого часа ночи за квартал от дома, где теперь находился Шуберт, остановилась легковая машина. Из нее выпрыгнула собака, затем вылезли Торп и еще трое сотрудников абвера. Они бесшумно обошли и осмотрели дом снаружи. Двое стали под окнами, Торп и третий офицер подошли к двери. С ними была и собака.

Торп попытался отпереть дверь отмычкой. Это не удалось — очевидно, был задвинут засов. Тогда он переглянулся со спутником и постучал. На стук не ответили. Торп вновь постучал, но с тем же результатом. Собака, которую держал на поводу спутник Торпа, вдруг напряглась, зарычала. Торп понял: за дверью кто-то есть.

— Откройте, — сказал Торп. — Откройте или мы взломаем дверь.

Дом молчал.

Тогда на дверь налегли. Из-за нее раздался выстрел. Пуля пробила толстую доску и обожгла плечо Торпа.

Офицеры, стоявшие у окон, выбили стекла, чтобы проникнуть в дом. Но за стеклами оказались ставни. И оттуда тоже загремели выстрелы.

В доме был только Шуберт. С двумя пистолетами в руках перебегал он из комнаты в переднюю и обратно, держа под обстрелом дверь и окна. Он был невредим, у него имелось несколько запасных обойм с патронами, но он понимал, что оказался в ловушке, обречен, и все, что ему остается — это подороже продать свою жизнь.

— Сдавайтесь, — крикнул Торп. — Бросьте оружие, выходите, и я гарантирую вам жизнь!

Шуберт в ответ выстрелил. За дверью раздался стон, шум падающего тела.

Торп оттащил раненого в сторону.

— Ломайте ставень, — приказал он сотрудникам абвера. — Ломайте, и мы пошлем к нему гостью!

При этом он указал на овчарку. Офицеры притащили большой камень, раскачали, швырнули в окно. Ставень с треском распахнулся. И тотчас же в окно вскочила собака.

В доме раздались шум борьбы, рычание, выстрел. Один из офицеров влез на подоконник. Из дома вновь выстрелили, гитлеровец вывалился наружу, раненный в плечо.

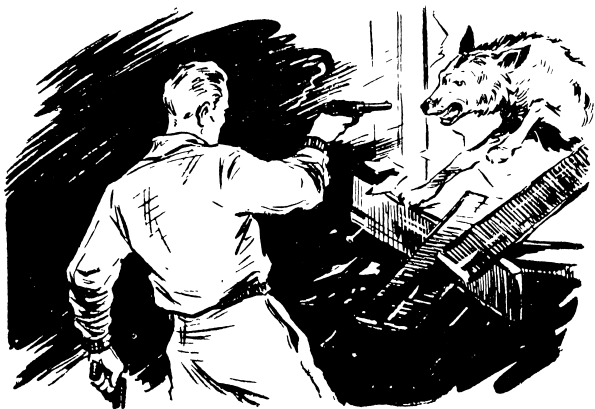
Схватка продолжалась. Теперь Шуберту приходилось туго. Нападение собаки оказалось неожиданным. Овчарка прыгнула ему на грудь, и он едва успел защитить рукой горло. Клыки собаки прокусили плечо. Пса он убил, но рука повисла плетью — вероятно, было повреждено сухожилие.

И все же Шуберт защищался.

Где-то далеко возник низкий протяжный гудок. Шуберт узнал голос «Ганса Бемера». Прошла минута, другая, а сирена гудела, не переставая. Так могло быть лишь в одном случае — при воздушной тревоге. А сигналом воздушной тревоги и должна была начаться операция по взрыву завода. Значит, Кригер и другие действуют!

Шуберт приободрился. Нет, еще не все потеряно. Оказывается, до них не добрались.

— Продержаться еще полчаса, — шептал он,

посылая пулю в окно, где мелькнула чья-то тень, — хотя бы полчаса!

Раздался сигнал полицейского автомобиля. К осаждающим прибыло подкрепление. Теперь Шуберт не мог сдерживать противника и у двери, и у окон. Он взбежал по лестнице в мансарду, лег на пол у входа, выставил сквозь перила лестницы ствол пистолета.

Он слышал, как рухнула входная дверь и в доме раздался топот. Вот внизу на лестнице мелькнуло чье-то плечо. Шуберт тщательно прицелился, нажал на спуск. Выстрела не последовало. Торопясь, он схватил второй пистолет, направил в человека, который большими скачками взбегал по ступенькам. Выстрел — и человек, перевалившись через перила, рухнул вниз.

— Еще немного, — шептал Шуберт. — Еще несколько минут!..

И он дождался. На секунду в окнах стало светло: в отдалении грохнул взрыв.

— Наконец-то! — Шуберт глубоко вздохнул, выпрямился.

Вновь застучали шаги по лестнице. Теперь наверх торопились двое. Он поднял пистолет. Он знал: в стволе последний патрон. И — выстрелил себе в голову.

Этой же ночью люди абвера нагрянули к Шталекеру. Но дом был пуст.

Третья группа контрразведчиков тщетно искала Трофима Кныша и пятирх пленных.

Сильный наряд полиции и пожарные сутились вокруг горящих цехов завода «Ганс Бемер». За ними плотной молчаливой стеной стояли рабочие, вернувшиеся из бомбоубежища.

Глубокой ночью в абвере стало известно еще об одном происшествии. Из лагеря военнопленных сообщили, что осведомитель Цюпа, вышедший ночью из барака по нужде, найден мертвым: со стены строящегося здания на него свалился камень.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

1

Прибыв в Карлслуст, шеф Упица генерал-майор Зепп Зейферт отказался от гостиницы, хотя для него был приготовлен комфортабельный номер. Автомобиль генерала проехал город и направился к расположенному неподалеку лесистому холму, вершину которого живописно венчали стены и башни старинного замка. Владелец замка, берлинский коммерсант, был приятелем Зейферта, и в день выезда генерала из Берлина управляющий замком получил телеграфный приказ встретить высокого гостя и предоставить замок в его полное распоряжение.

Генерала встречал, разумеется, не только управляющий замком, но и руководители местных учреждений безопасности.

Приезд видного эсэсовского генерала не прошел незамеченным и для советской разведки.

Трое советских разведчиков, заброшенных в глубокий тыл противника еще в конце первого года войны, базировались в различных районах Германии, пока не получили приказ переехать в Карлслуст.

Первой прибыла Тамара Штырева. Снабженная документами вдовы погибшего офицера, она купила домик и устроилась работать в местной фотографии ретушером.

Олег Люлько жил в Гамбурге, работал техником в телефонной компании. Та имела филиалы во многих городах, расположенных по нижнему и среднему течению Эльбы, и перевод в Карлслуст Люлько устроил довольно быстро.

Труднее пришлось Павлу Перцеву, пункт базирования которого был в Котбусе, где разведчик имел небольшой антикварный магазин. Перцеву пришлось подыскать предлог для того, чтобы съездить за товаром в Карлслуст, «познакомиться» там со Штыревой и «жениться» на ней. После того как антиквар Фриц Готбах и ретушер Стефания Шнейдер зарегистрировали брак и обвенчались, Готбах-Перцев уже на вполне законном основании перебрался в Карлслуст. Немногочисленные лица, присутствовавшие на церемонии бракосочетания, были информированы о том, что в Котбусе дела антикваров идут из рук вон плохо — под боком Берлин, который отбивает покупателей. Здесь же, в Карлслусте, который вдвое крупнее Котбуса, охотников до старинной бронзы и фарфора, разумеется, гораздо больше.

Новые жители Карлслуста подверглись негласной тщательной проверке. Но все оказалось в порядке, и вскоре Перцевым и Люлько перестали интересоваться.

Группа уже несколько месяцев искала карлслустский тайник. Сейчас она получила указание установить тщательное наблюдение за генералом Зейфертом, приезд которого мог быть связан с архивами, но ничего не предпринимать, а ждать прибытия Керимова.

Аскер приехал в Карлслуст во вторник. Назревали важные события. Капитан Люлько, служивший на телефонной станции, перехватил разговор Зейферта с Упицем. Тот тоже выезжал в Карлслуст. Встреча высокопоставленных эсэсовцев, намечаемая на послезавтра, могла многое прояснить.

Разведчики просидели вечер и весь следующий день, обдумывая план действий.

2

В четверг утром генерал Зейферт снял в кабинете замка трубку телефона и обнаружил, что аппарат не работает. Не действовал и второй телефон, непосредственно связанный с междугородной станцией.

Вскоре прятавшийся в кустах майор Перцев увидел, как из ворот замка выскочил автомобиль. Машина промчалась по склону холма и скрылась на шоссе, которое вело в город. Перцев, час назад заземливший телефонные провода, которые тянулись из замка, имел все основания полагать, что машина направилась на телефонную станцию за монтером. А там на дежурстве находился техник Готфрид Вильгауз, то есть капитан Люлько...

Вскоре автомобиль доставил в замок представителя телефонной станции. Это был сам дежурный техник, который заявил посланному, что никому не может передоверить обслуживание почетного гостя.

Техник проверил проводку на стене кабинета, разобрал аппараты и с полчаса возился в них. Связь заработала.

Однако техник не был доволен. Он объяснил управляющему, что аппараты стары и ненадежны. Вечером он придет снова и заменит их.

Техник ушел.

Адъютант положил перед генералом свежую почту — связь с Зейфертом абвер поддерживал

специальным курьером, который ездил из Берлина.

Зейферт вскрыл пакеты, некоторое время читал бумаги, затем отшвырнул их, порывисто встал. Закинув руки за спину и сцепив пальцы, зашагал по кабинету. Мягкий ковер на полу, тяжелые гардины, плотная ткань, обтягивавшая стены, — все это заглушало шаги. Однако адъютант услышал, открыл дверь, вопросительно взглянул на шефа.

— Убирайтесь! — проворчал Зейферт.

Адъютант прикрыл дверь.

Генерал продолжал ходить по кабинету, все больше раздражаясь.

— Идиот, — бормотал он. — Идиот и тупица!

Слова эти относились не к адъютанту. Они были адресованы Адольфу Гитлеру, которого Зейферт в эту минуту всей душой ненавидел и презирал. Самовлюбленный крикун, не желавший слушать ничьих советов, привел страну на грань катастрофы. Еще немного, и все то, что добыто ценой огромного труда и таких жертв нации, — все рухнет и обратится в прах!

Зейферт подошел к столу, схватил бумагу, которую только что просматривал, вновь поднес к глазам. Это была очередная сводка важнейших событий. Она-то и привела генерала в ярость. Сообщалось, что Советская Армия продолжала наступление почти по всему фронту, в результате чего военно-политическое положение на Востоке резко ухудшалось. Русские сумели так повернуть дело, что Румыния, дравшаяся на стороне Германии, вдруг объявила войну своей бывшей покровительнице и союзнице. За не-

полную неделю советские войска заняли десяток городов этой страны, в том числе ее столицу Бухарест и центр нефтяной промышленности Плоешти, откуда в охваченную топливным голодом Германию до последнего времени все же сочился тоненький ручеек горючего. Из войны с СССР вышла также Финляндия. Повернула штыки против Германии и бывшая ее союзница Болгария...

Все это так ошеломляло, что неприятные вести с западного театра военных действий, где американцы и англичане продвигались, отбрасывая германские войска, воспринимались как-то равнодушно. Да и какое, в сущности, это могло иметь значение. Война решалась не там. Генерал в бешенстве топнул ногой. Не будь сейчас у границ Германии русских армий, немцы бы показали всем этим джи-ай и томми, что такое настоящая война!

Вторая сводка анализировала состояние промышленности рейха и потери в живой силе и технике. Убыль в людях исчислялась такой огромной цифрой, что в нее трудно было поверить. Не менее значительна была потеря подводных лодок, кораблей, самолетов, орудий, танков. Самое страшное заключалось в том, что сейчас все заводы Германии производили вооружения и техники гораздо меньше, чем уничтожал противник. Иными словами, убыль не восполнялась.

Разумеется, содержание сводок не было новостью для генерала. Обо всем этом он знал. Обо всем, кроме истинного положения дел в промышленности. Это всегда тщательно скрывалось даже от таких, как Зейферт. И вот сегод-

ня впервые случилось так, что авторы сводок суммировали все важнейшее, из чего складывалось состояние страны. И Зейферт был поражен вдруг раскрывшейся перед ним мрачной картиной. Что же дальше? — спрашивал себя генерал. И отвечал: крах неизбежен.

Дверь кабинета отворилась. На пороге стоял адъютант.

— Ну? — сказал Зейферт.

— Группенфюрер Гейнц Упиц прибыл.

— А! — Зейферт выпрямился. — Пригласите его.

Упиц вошел, со стуком свел каблуки, выбросил вперед руку.

— Хайль Гитлер!

— Хайль! — Зейферт приподнял правую ладонь.

Упиц, сильно косолапя, тяжело шагнул вперед. Он был явно не в настроении, и сейчас казалось, что лоб его тяжелее, чем обычно, нависает над маленькими темными глазками, а нижняя челюсть выпячена еще сильнее, будто группенфюрер готовится вцепиться в кого-нибудь зубами.

«Совершеннейшая обезьяна», — подумал Зейферт, в то время как губы его сложились в улыбку, а рука гостеприимно указала на кресло.

Упиц кивнул и, хотя в свою очередь ненавидел Зейферта, тоже раздвинул в улыбке свои толстые мясистые губы.

Неприязнь между ними возникла еще до войны. Зейферт — высокий, по-юношески стройный и подвижный, с приятными чертами лица, остроумный и веселый, начал свою карьеру в военной разведке и контрразведке гораздо поз-

же Упица, был у него в подчинении, но затем обскакал Упица и стал его начальником.

Со своей стороны Упиц считал карьеру Зейферта результатом тонкого политиканства и подлости, чего не терпел в других, хотя сам поступал именно так. Зейферт умел предугадывать мнение и точку зрения тех, кто стоял у власти, а угадав — действовать, причем действовать стремительно, опережая всех и всяческих конкурентов. В этом, как считал Упиц, и был секрет успехов Зейферта.

Именно так произошло в начале войны, когда окружение фюрера было озабочено необходимостью во что бы то ни стало раздобыть чертежи новых бомбовых прицелов, изобретенных американцами. Как удалось разнюхать Зейферту, прицелами заинтересовался сам Гитлер. Проявив бешеную энергию, загубив несколько агентов, истратив уйму денег, Зейферт раздобыл-таки фотографии заветных чертежей. Раздобыл в обход Упица и других своих начальников.

Разумеется, Зейферт сильно рисковал. Плохо бы ему пришлось, узнай обо всем Упиц вовремя. Но тот, тоже увлеченный поисками военной новинки, ни о чем не догадывался.

И вот Зейферт положил на стол руководителя абвера чертежи прицела, причем устроил так, что о чертежах и о том, кто именно их раздобыл, немедленно узнали Геринг и Гиммлер, а через них — Гитлер.

Наутро наступила развязка. Упиц был вынужден поменяться с Зейфертом кабинетами. Последний получил не только повышение по

службе, но также генеральский чин и рыцарский крест впридачу. Таков был Зепп Зейферт.

Упицу не понравился приезд Зейферта в Карлслуст. Мало хорошего сулила и встреча с ним в этом городе. Поэтому он умышленно оттягивал свидание, надеясь, что в конце концов что-нибудь помешает встрече. Однако последовал повторный вызов...

Поздоровавшись, Упиц объяснил причину задержки. Он рассказал о взрыве на заводе и об операциях, которые проводил абвер по розыску и ликвидации подпольной антифашистской организации и советских разведчиков.

— Вы уверены, что действовала именно русская разведка? — спросил Зейферт.

— Да, уверен.

— Та, что была нацелена на Карлслуст?

— Да, — повторил Упиц.

Зейферт помедлил.

— Что ж, — сказал он, — вы, пожалуй, правы.

— Прошу учесть важное обстоятельство. С тех пор, как мы обнаружили следы советской разведки в Остбурге, она перестала подавать признаки жизни в Карлслусте. Прежде служба радиоперехвата регулярно фиксировала работу неизвестного передатчика, причем пеленг указывал на Карлслуст. Сейчас этого уже не наблюдается. Зато отмечена активная деятельность тайной разведки...

— В Остбурге?

— Да. И на тех же частотах.

— Не стоит продолжать. Ясно.

— Нет, это важно. Перед самым моим отъ-

ездом оттуда мы получили окончательное подтверждение, что переиграли русских.

— Интересно.

— С операцией по заброске к ним перебежчика и агента вы знакомы, не так ли?

— Да, вы докладывали в свое время.

— Так вот, в Остбурге появился человек, который проверяет показания перебежчика Хоманна. Об этом донес кладовщик завода «Ганс Бемер», который был специально и заблаговременно предупрежден нашей службой.

— Его не взяли?

— Лучшие агенты идут по следам. Полагаю, что его арест — лишь вопрос времени. Кстати, уничтожен руководитель антифашистского подполья небезызвестный вам Оскар Шуберт.

— Шуберт? Удача, Упиц!

— Полагаю, да.

— Кто же это смог?

— Штурмфюрер Торп. Способный малый.

— Запомним его. — Зейферт помолчал и неожиданно спросил: — Хранилище далеко?

Упиц нахмурился.

— Не очень, — пробормотал он.

— Покажите мне его.

— Зачем? — Упиц встал, пожал плечами. — Или мне уже не верят?..

Поднялся и Зейферт. Минуту они в упор глядели друг на друга.

— Что вы задумали? — хрипло проговорил Упиц. — Зачем оно вам понадобилось?

Зейферт побледнел. В его глазах зажглись огоньки. Он напрягся, сжал губы.

— Послушайте, Упиц, — начал он, стараясь говорить спокойно. — Я знаю, как вы относи-

тесь ко мне, иллюзий на этот счет не строю. Могу только сказать: это чувство взаимно... Но сейчас речь о другом. Вы хотели знать, зачем мне архивы? Отвечаю: за тем же, зачем и вам. — Зейферт помолчал и, усмехнувшись, прибавил: — Теддер разговаривал с вами, только получив на это мое согласие.

В глубоко запрятанных глазках Упица промелькнула растерянность.

— Где вы оставили Теддера? — спросил генерал.

Упиц неопределенно шевельнул плечом.

— Он здесь? — Зейферт вышел из-за стола. — Говорите, черт вас побери!

— Да.

— Хорошо. Он поедет с нами.

— Но...

— Но? Почему «но», группенфюрер Упиц? Вы же собирались показать ему хранилище!

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

1

Советские разведчики провели комбинацию с телефонами, преследуя тройную цель. Прежде всего, и это было главное, они решили установить в кабинете Зейферта портативный звукозаписывающий аппарат с весьма чувствительным микрофоном. Механизм был смонтирован в небольшом футляре, представлявшем собой точную копию ящичка из-под сигар. Он мог действовать много часов подряд.

При осмотре телефонной проводки на стене

кабинета капитан Люлько сумел незаметно сунуть прибор за портрет Гитлера, который висел над столом.

Далее Аскера и его товарищей интересовал план замка, расположение его комнат, устройство запоров на дверях и окнах. Наконец, следовало разведать, есть ли в замке охрана.

Все это требовалось на случай, если бы разведчикам понадобилось ознакомиться с документами, которые могли иметь при себе Зейферт и Упиц.

Капитан Люлько, работая в кабинете под надзором адъютанта Зейферта, дверных замков исследовать не смог, но изучил запоры на окнах, выходящих в сад. Окна были снабжены простыми задвижками вертикального действия. Старые, прослужившие не один десяток лет, они сидели в гнездах неплотно. Как рассудил Люлько, снаружи, из сада (кабинет находился на первом этаже), открыть окна было бы нетрудно.

Разведчику удалось только в общих чертах ознакомиться с замком. Внизу размещались кабинет, несколько гостиных и, видимо, столовая с кухней. Второй этаж занимали спальни. Днем замок охранялся только двумя солдатами СС — один дежурил у главного входа, другой, расположившись в вестибюле, отдыхал. Ночью охрану, конечно, усиливали.

В этот же день, когда стемнело, Люлько явился в замок с двумя новыми телефонными аппаратами. Управляющий вызвал адъютанта генерала, тот проводил техника в кабинет. Зейферта и Упица там не было.

Прежде чем производить замену аппаратов, техник пригласил адъютанта убедиться, как

скверно работают старые телефоны. Тот взял трубку и услышал сильные шумы. Техник был озабочен. Пробормотав, что дело не только в аппаратах, он попросил офицера повыше поднять телефон, прижал плечом трубку к уху, вынул отвертку и полез на стремянку, чтобы вновь исследовать проводку на стене.

Техник был грузный мужчина и, видимо, неловкий. Оказавшись наверху, он тяжело повернулся на ступеньке, качнулся, стремясь сохранить равновесие, и выронил трубку. Та с грохотом покатилась по полу. Адъютант нагнулся, поднял ее. Этого и добивался Люлька. Он ловко извлек из-за портрета звукозаписывающий прибор и сунул во внутренний карман, специально для этого нашитый под курткой.

Несколько минут спустя ремонт был закончен. Техник забрал старые аппараты и ушел.

А через час разведчики изучали сделанную прибором запись. После того как закончилось прослушивание беседы Зейферта с Упицем и аппарат заработал вхолостую, майор Перцев сказал:

— Они выехали из замка на северо-восток. Туда ведет только одно шоссе. Оно подходит к Эльбе и почти на самом ее берегу разветвляется. Правая ветвь пересекает реку по мосту, следует далее, на Остбург и Берлин. Левая устремляется на северо-запад, к Гамбургу. В районе развилки — небольшой, но густой лес, непосредственно примыкающий к берегу, который в этом месте обрывист и крут. Там и должно находиться хранилище.

— Почему такая уверенность? — спросил Аскер.

— В том районе, да и вообще вокруг, другого удобного места не найти. Кроме того, мы только что слышали, как Упиц на вопрос Зейферта, далеко ли хранилище, ответил: не очень. По-видимому, это как раз и есть те самые десять километров, которые отделяют замок от леса на берегу Эльбы.

— Это еще не доказательство.

Звукозаписывающий аппарат, слегка потрескивая, продолжал работу. Аскер обернулся к Люлько.

— Нельзя ли быстрее прокрутить паузу?

Люлько что-то переключил в приборе, и моторчик аппарата заработал на предельной скорости.

Прошло несколько минут. Вдруг в динамике раздались высокие, резкие звуки. Это были искаженные человеческие голоса. Люлько переключил механизм в обратную сторону, через минуту остановил и включил теперь уже на нормальной скорости. Послышался баритон генерала Зейферта.

«Садитесь, — сказал он, — прошу садиться, господа».

Присутствующие насторожились. «Господа» означало, что Зейферт вернулся не с одним лишь группенфюрером Упицем.

Голос Зейферта предложил сигареты. Хрипловатый бас ответил, что терпеть не может легких французских сигарет, предпочитая им болгарские, которые не в пример крепче, а если нет болгарских, курит трубку.

— Упиц? — спросил Перцев.

Аскер кивнул.

В динамике зазвучал третий голос, тоже баритон, но глуше, чем у Зейферта.

«Попробуйте мои, — проговорил голос, — ручаюсь, что понравятся. Это «Честерфилд».

— Теддер, — сказал Перцев.

По знаку Аскера Штырева принялась стенографировать. Вот что она записала.

Зейферт. Спасибо, я уже зажег свою сигарету. Ну, каково ваше впечатление?

Теддер. Я не ожидал встретить столько изобретательности. Хранилище и впрямь не доступно для посторонних, вы были правы. Надо отдать должное генералу Упицу.

Упиц. Мы сделали, что могли.

Теддер. Но как случилось, что о нем разузнала разведка русских?

Зейферт. Это пока не выяснено. Несомненно одно: у них неточные сведения. Они о многом догадываются, но ничего не знают наверняка. Поэтому-то нам и удалось сбить их со следа. Теперь они охотятся за архивами в Остбурге и скоро будут ликвидированы.

Теддер. Полагаете, что это лучшее решение?

Упиц. Они достаточно долго были на свободе.

Теддер. Пока они действуют, их шефы будут ждать и вряд ли займутся заброской новых разведчиков в этот район. Нет, я бы не только не трогал их, но даже подбрасывал время от времени «доказательства» того, что они на верном пути.

Зейферт. Резонно.

Упиц. Признаться, я и сам думал об этом...

Теддер. Значит, все хорошо. Условимся,

что вы так и поступите. Теперь о моем отъезде. Я покину вас завтра. Меня ждут другие дела. Операцию по изъятию архивов тайника проведем в течение месяца или двух.

Упиц. Здесь с ними ничего не случится до самого конца войны. Вы видели сами — все весьма надежно.

Теддер. Дело не в этом. Мы просто не можем так долго ждать. Архивы должны начать служить нам задолго до того, как окончатся военные действия.

Зейферт. Но...

Теддер. Спорить бесполезно, генерал. Таков приказ. Хотел бы задать вопрос: можно надеяться, что архивы ни при каких обстоятельствах не стронутся с места?

Зейферт. Да, поскольку это зависит от нас.

Теддер. Я что-то не очень хорошо понимаю...

Упиц. Соседние районы подвергаются сильной обработке с воздуха. Над ними висят сотни бомбардировщиков — американских и британских. Летают и русские, но реже.

Теддер. Не вижу связи.

Упиц. Связь есть и очень тесная. В Карлслусте военные заводы, мост через Эльбу. Их уже несколько раз бомбили. И если так будет продолжаться... Вы понимаете: малейшая неточность...

Зейферт. Да, достаточно двух-трех бомб, которые упадут в районе хранилища, и все взлетит на воздух.

Теддер. Понял. Карлслуст и его окрестности бомбить не будут.

Упиц. Остаются еще русские.

Теддер. Здесь я бессилен.

Упиц. Мы сами примем меры, если случится что-либо непредвиденное. Но как с вами связаться?

Теддер. Я уже думал об этом. И решил открыть вам одного человека.

Зейферт. Он здесь, в Карлслусте?

Теддер. Здесь... Придвиньте-ка блокнот и дайте ручку. Спасибо. Это его имя и адрес. Теперь пароль, по которому вы узнаете друг друга... Черт! У меня ничего подходящего. Найдется у вас, скажем, расческа?

Упиц. Возьмите мою.

Теддер. Смотрите, я ломаю ее на две части. Готово! Этот кусок остается у вас, второй я забираю и передам моему человеку. При встрече вы или господин Упиц предъявляете обломок, агент достает свой. Вы прикладываете их друг к другу, они сходятся, и все в порядке. А у агента — средства связи со мной, поняли? Если возникнут чрезвычайные обстоятельства, он отыщет вас сам. Пароль — гребенка. То, что он передаст от моего имени — это приказ.

Зейферт. Понимаю.

Теддер. Может случиться так, что мы встретимся не столь быстро, как это бы хотелось. Поэтому вы должны знать: послезавтра в Женевский национальный банк на имя господина Зейферта и господина Упица будет внесена определенная сумма. Какую валюту вы предпочитаете?

Зейферт. Доллары.

Теддер. И вы?

Упиц. Да.

Теддер. Хорошо. Итак, для начала — по

пятнадцать тысяч долларов. Затем ежемесячно — по три тысячи. Успешное завершение операции по изъятию архивов увеличит каждый счет еще на пятнадцать тысяч долларов. Надеюсь, такой м-м... гонорар вас устроит?

Зейферт. Не думают ли у вас об архивах центральных аппаратов РСХА? Будет непросто, если русские...

Теддер. Этим уже занимаются¹. Теперь я прошу у вас гостеприимства. В город ехать не хочется: это все же небезопасно.

Зейферт. Конечно. Вы будете хорошо устроены. Быть может, пообедаем вместе?

Теддер. Нет. Я бы поспал.

Зейферт. Как угодно.

Репродуктор передал сдержанный гул голосов, шум отодвигаемых кресел, шорох шагов. Затем все смолкло. Аскер уже думал было, что запись окончена. Но минут через десять в динамике вновь зазвучали голоса.

Упиц. Вы хотите хранить их у себя?

Зейферт. Разумеется. Вас это удивляет?

Упиц. Нет, отчего же. Но я полагал...

Зейферт. Сейчас надо, чтобы мы до конца верили друг другу. Дать вам копию записки?

Упиц. Это ничего не решает. Вы же не можете дать мне копию расчески!

Зейферт. Что верно, то верно... Ну, что ж, вам придется примириться с мыслью, что я веду честную игру.

Упиц. Говоря по правде, это не так-то легко.

---

¹ В последний период Второй мировой войны в Германии действовало свыше ста групп американской разведки, занятых розыском архивов гитлеровцев и других документов.

Зейферт. Ладно, ладно, Упиц. Что было, то было. Давайте глядеть вперед. Послезавтра я возвращаюсь в Берлин. Вы?

Упиц. Я тоже.

Зейферт. Тогда едем вместе... Кстати, сколько всего ящиков?

Упиц. Около трехсот. По четверть тонны каждый или около этого.

Зейферт. Так... А не пообедать ли нам?

Упиц. Я не прочь.

Зейферт. Здесь отличный погреб, Упиц.

Упиц. Тогда поспешим.

На этом запись обрывалась.

2

Ночь опустилась на Карлслуст—тихая, теплая. Полная луна высоко стояла в индиговом небе, и мягкие лучи ее казались накладным серебром на зубцах и шпильях одинокого старинного замка. Все вокруг спало—и тополя, опоясывавшие стены замка словно стражи, и приткнувшееся у подножия холма маленькое озерцо, и сам замок.

Перед главными воротами был перекинут через ров тяжелый горбатый мост. От моста к стенам замка тянулись массивные железные цепи. В прежние времена, в эпоху рыцарей, миннезингеров¹ и герольдов, цепи эти с наступлением темноты приходили в движение и поднимали мост. Теперь же подъемный механизм моста представлял собой груду ржавых барабанов и

---

¹ Миннезингеры — придворные рыцарские поэты и певцы в германских странах Средневековья.

зубчатых колес, цепи провисли и были оббиты плутом. Сам мост, навсегда потерявший способность подниматься, лежал поперек рва, поросшего крапивой и лозняком.

Был на исходе второй час ночи, когда у горбатого моста появились три тени. Они пересекли ров, приблизились к стене замка. Вдруг метнулись в сторону, замерли. Послышался шорох, чуть треснула веточка, и мимо, высоко вскидывая зад, проскакал зверек.

— Кролик, — прошептал майор Перцев. — Чтоб тебя!..

Аскер опустил пистолет. Разведчики невольно усмехнулись, глядя, как катится вниз по склону холма насмерть перепуганный длиннотухий.

Аскер обернулся к капитану Люлько.

— Проверьте ворота.

Люлько кивнул, скрылся за выступом стены. Вскоре он вернулся.

— Ворота заперты. Придется через стену. Я знаю место, где это удобно.

— Ведите.

Люлько пошел вперед. За ним двинулись остальные.

— Здесь, — сказал Люлько, когда разведчики оказались возле старой сосны. Дерево было высокое, его верхние ветви простирались над зубцами стены, заглядывая в парк замка. Разведчики вскарабкались по стволу, перебрались на гребень стены. Спуститься в парк было нетрудно — у Люлько имелась веревка.

И вот они в разросшемся, одичалом парке. В глубь парка вела аллея. Аскер и его товарищи осторожно пошли по ней, прячась в густой тени

деревьев. Временами они останавливались и прислушивались. Где-то должен был быть патруль. Возвращаясь после второго посещения замка, капитан Люлько повстречал грузовичок, который вез в замок шестерых солдат; дело происходило вечером, поэтому можно было предположить, что солдаты ехали для ночной охраны генералов СС.

Патруль обнаружили, когда позади осталось полдороги. Лежа в кустах, разведчики проводили взглядами двух автоматчиков, неторопливо шагавших по аллее. Солдаты прошли так близко, что до них можно было дотянуться рукой.

Выждав, разведчики продолжали путь. Аллея закончилась. Впереди открылась поляна. На ней и высилось главное здание замка. Вокруг него пояском тянулся низкорослый кустарник.

Замок спал. Тишину нарушало лишь легкое поскрипывание песка под ногами часового, прохаживавшегося перед входом. Вскоре показался еще один солдат, который обходил здание.

— Четверо, — сказал Люлько. — Пожалуй, и вся охрана.

— Но их было шесть, — возразил Перцев.

— Двое, надо полагать, отдыхают. Смена.

— Это только предположение, — сказал Аскер. — Которое окно?

— Седьмое от входа, налево.

Вновь показался солдат, обходивший здание.

— Минута, — сказал Перцев, подсчитавший, сколько времени занимает путь автоматчика вокруг здания.

Еще три минуты ожидания. Еще три рейса часового вокруг дома.

И вдруг луч фонарика у входа, мигающий

свет в окнах — и еще двое патрульных на дороге.

— Нет! — Аскер сжал руку Перцева. — Нельзя рисковать, провалим все дело.

Как бы в подтверждение этих слов где-то в замке глухо залаяли собаки, осветилось еще одно окно.

— Как же быть? — прошептал Перцев.

Аскер не ответил. Рушился весь план, составленный разведчиками после того, как они прослушали беседу эсэсовцев с Фредом Теддером. Главным в плане было добыть адрес агента иностранной разведки, который Теддер передал Зейферту. И вот теперь Аскер отказался от решения идти в замок: малейшая неточность, случайность погубили бы все то, чего они достигли с таким трудом.

— Как же быть? — повторил Перцев.

— Уходим. А там подумаем...

Вновь промелькнули три тени по обочине аллеи парка, у зубчатой стены, на горбом мосту.

Разведчики отошли подальше от дороги, залегли в густой поросли орешника. Здесь предстояло дожидаться утра — идти в город ночью они не могли.

Аскер сидел, обхватив руками голову, поглаживая ладонями виски. Что же предпринять? Как добыть адрес агента, который связан с Теддером? От того, сумеют ли они установить, где прячется этот человек, зависит очень многое.

Об этом же напряженно думали и двое других разведчиков.

Решения не было.

Час прошел, за ним второй, а они все сиде-

ли на склоне холма, в небольшой заросшей кустами ложбине.

Стало сыро. Постепенно начали проступать очертания замка — будто снимок проявлялся в ванночке фотографа.

Приближался рассвет.

Аскер поднял голову, поежился.

— Неудача, — глухо проговорил он. — Ведь Теддер сегодня уезжает!..

«Сегодня уезжает». Перцева будто толкнуло.

— А из замка еще не выходил, разумеешь? — Он схватил Аскера за руку.

Секунду они глядели друг другу в глаза. Аскер порывисто притянул и обнял товарища. Он понял его с полуслова. В самом деле, Теддер после беседы с Зейфертом и Упицем не покидал замка, там и заночевал. А сегодня уезжает. Значит, должен в ближайшие же часы повидать своего человека и передать ему обломок гребенки. И если установить за Теддером наблюдение...

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

Ясным осенним утром на Западный вокзал Карлслуста, к отходу раннего поезда Карлслуст — Нюрнберг прибыла хорошо одетая пара. Мужчина лет сорока, в просторном синем пальто и серебристой шляпе, бережно вел под руку миловидную спутницу.

Жандарм проверявший документы у входа, осмотрел их паспорта. Штемпель, удостоверяющий местожительство, второй штемпель — пере-

регистрационный — были проставлены на нужных страницах, все другие отметки сделаны.

— В порядке, — сказал жандарм, возвращая паспорта. — Проходите.

И он притронулся к фуражке. Взгляд жандарма несколько дольше, чем этого требовала необходимость, задержался на лице женщины. «Прямо Гретхен с пасхальной открытки, — подумал он, любуясь ее льняными с золотым отливом волосами, голубыми глазами и забавными ямочками на щеках. — Недостает только овечки с бантом».

Пассажиры проследовали в вагон. В руках у женщины была большая красивая сумка. Мужчина держал удочки в чехле. Носильщик внес за ними чемодан. Вещи водворили в багажную сетку. Вскоре поезд тронулся.

Женщина, которой залюбовался жандарм, была Тамара Штырева, ее спутник — Павел Перцев.

Чтобы уяснить себе, куда и зачем они направлялись, читатель должен вернуться к ночи, проведенной разведчиками под стенами старинного замка.

На рассвете Аскер и его товарищи переползли к подножию холма и далее — к тому месту, где единственная дорога из замка соединялась с магистралью. Аскер и Люлька остались здесь, Перцев поспешил в город. Через час он вернулся за рулем своего старенького «Опеля».

— Поставь в сторонке, за кустами, — сказал Аскер. — Его не должны узнать, когда поедем следом.

«Опель» загнали в заросли боярышника, что тянулись неподалеку от дороги. Перцев извлек

из машины баночку консервов, колбасу, хлеб и несколько бутылок пива. Все это разложили на поляне. Разведчики уселись вокруг. Они были голодны, и Перцев счел нужным предупредить товарищей.

— Не торопитесь, — сказал он. — Возможно, ждать придется долго.

Люлько взглянул на часы, беспокойно кашлянул.

— Что? — спросил Аскер.

— В полдень мне на дежурство.

— М-да... — Аскер пожевал губами. — А Зейферта знаете только вы.

— Быть может, не идти: больной и все такое?..

Аскер покачал головой.

— Опишите Зейферта.

Люлько подробно обрисовал облик генерала.

— Сам будет вести машину?

— Когда ехал сюда, был за рулем. А сейчас — кто его знает.

— Машина открытая?

— Да. Синий «Хорх».

В одиннадцатом часу ворота замка раскрылись и из них выехал автомобиль.

— Синий «Хорх», — сказал Аскер, когда машина приблизилась.

Перцев налил в стаканчики пива.

Машина проехала мимо. В ней был только один человек — младший офицер.

— Адъютант Зейферта, — сказал Люлько.

— А как же они? — спросил Перцев. — На чем поедут?

— Есть еще автомобиль Упица. Белый «Мерседес» с темным крыльями

Еще час прошел.

— Мне пора, — сказал Люлько.

— Идите, — кивнул Аскер.

Люлько встал.

— У вас нет дежурной машины? — вдруг спросил Аскер.

— Есть одна. Аварийный пикап.

— Трудно ее взять?

— Можно попробовать...

— Если удастся — подъезжайте сюда. Конечно, без шофера.

Люлько поднялся с травы, поправил шляпу и зашагал по шоссе.

...Солнце начало клониться к западу.

— Скоро два, — проговорил Аскер, взглянув на часы.

— Минуточку. — Перцев, полулежавший в траве, приподнялся на локте. — Кажется, они!

Аскер обернулся. Он увидел: ворота замка раскрылись, из них выкатил легковой автомобиль.

— Машина Упица, — сказал Аскер.

Он передвинулся в сторону, за кусты. Перцев остался на месте, взял бутылку и принялся ее откупоривать. Когда «Мерседес» пронесся мимо, он, равнодушный ко всему, наполнял стаканчик.

Аскер определил: за рулем Упиц, на заднем сиденье Зейферт и еще кто-то.

— Поехали!

Перцев собрал остатки еды, сел за руль. Аскер поместился сзади. Переваливаясь с боку на бок, «Опель» выбрался на дорогу и устремился к городу.

Автомобили разделяло метров триста. Пе-

редняя машина шла на большой скорости, и старенький «Опель» прилагал отчаянные усилия, чтобы не отстать.

— Уверены, что третий — Теддер? — спросил Перцев.

— Больше некому. Адъютант Упица сидел бы впереди, со своим шефом.

Машины въехали в город. «Мерседес» вынужден был сбавить скорость, и держаться за ним было теперь нетрудно.

Где-то в центре автомобиль Упица притормозил и подал к тротуару. Перцев невольно сбросил газ.

— Вперед, — быстро сказал Аскер, — надо объехать!

«Опель» проскочил мимо белой машины. Обернувшись, Аскер продолжал наблюдать в заднее оконце. Он видел, как дверка «Мерседеса» отворилась и на панель сошел человек.

— Езжай за Упицем, — прошептал Аскер. — Проводишь — и домой. Встречаемся там.

«Опель» остановился. Секундой позже мимо прошел набиравший скорость «Мерседес». Теперь в нем сидели двое.

Аскер вылез из машины, подошел к витрине какого-то магазина. В стекле, как в зеркале, отражалась улица. Хорошо был виден тот, кого привезли Упиц и Зейферт. Это был полный мужчина средних лет, в широком сером дождевике. Аскер отметил курчавые с проседью волосы, выбивавшиеся из-под шляпы с маленькими полями, круглое лицо, румяные щеки, равнодушные темные глаза. Так вот он каков, Теддер!

Человек в дождевике удалялся. Аскер пере-

шел улицу и двинулся в том же направлении. Так они миновали несколько кварталов и оказались на площади, застроенной небольшими зданиями. Теддер подошел к одному из них — маленькому коттеджу, до крыши заросшему плющом, поднялся на крыльцо, позвонил. Дверь отворилась, и он вошел в дом.

Аскер скользнул взглядом по круглой эмалевой табличке с цифрой пятнадцать на стене. Площадь, на которой он находился, называлась Берлинерплац. Не здесь ли жил человек, которому Теддер должен был вручить обломок расчески? Следовало убедиться в этом, и Аскер продолжал наблюдение.

Спустя час Теддер вновь появился на улице. В руках его был саквояж.

Аскер проследил его путь до вокзала, видел, как Теддер вошел в вагон. Выждал, пока поезд тронулся.

Теперь он мог возвращаться.

— Итак, Берлинерплац, 15,— негромко сказал он, направляясь к домику Штыревой.

Два следующих дня ушло на то, чтобы во всех деталях обдумать план операции по захвату архивов из карлслустского тайника.

План составили. Его надо было немедленно передать в Москву, получить одобрение. Несмотря на то, что замысел разведчиков был изложен предельно сжато и лаконично, радиogramма получалась очень большой. Передавать ее из Карлслуста было рискованно — станцию наверняка бы запеленговали. Как же быть? Оставался единственный выход — вывезти передатчик километров за двести от города и работать оттуда.

Вот почему Перцев и Штырева оказались в вагоне поезда.

А поезд мчался, все больше набирая скорость. Позади остались окрестности Карлслуста, и сейчас за окнами вагона тянулась равнина, перемежаемая невысокими округлыми холмами, сплошь заросшими лесом. Прошло часа два. Как-то незаметно надвинулись горы. И вот уже поезд, извиваясь змеей, стал взбираться вверх. На склонах замелькали аккуратные домики, где-то вверху проплыло странное строение с башенкой в центре крыши — вероятно, часовенка. Поезд втянулся в темный зев тоннеля и через несколько минут вынырнул по ту сторону перевала. Скорость гасла. Впереди виднелась группа домов и за ними — озеро. Синяя с прозеленью вода его была неподвижна. В ней отражались живописные скалы с клубящимся над ними лесом. Яркое светило солнце. Было тепло и тихо.

— Приехали, — сказал Перцев.

Поезд остановился. Вошел носильщик. Перцев движением руки указал ему на чемодан в сетке, а сам взял сумку. Немногочисленные пассажиры: старуха в темном пальто, тащившая большой саквояж, два юнца с удочками, старик с маленькой девочкой в пелерине и капоре — покинули вагон.

По неширокой каменистой дорожке спустились к озеру. Здесь расположился ресторан — строение легкого типа с широкой открытой верандой. Когда-то на озеро съезжались сотни людей, чтобы денек-другой провести в его окрестностях и поудить форель. Теперь же вокруг было пустынно.

Носильщик внес чемодан на веранду ресторана, получил плату и удалился. Перцев и Штырева сели за столик. Подошел официант:

— Только кофе и бутерброды, — сказал он извиняющимся тоном.

— Не беспокойтесь. — Перцев кивнул на чемодан. — Распакуйте, пожалуйста. У нас есть, чем закусить.

Официант нагнулся над чемоданом, раскрыл его. Штырева отщелкнула замки сумки. Официант увидел в ней плоскую коробочку с джемом, небольшой термос и под ними какую-то пеструю ткань — вероятно, полотенце.

Из чемодана была извлечена скромная закуска. Официант сходил за тарелками, принес кофе.

— Закажите лодку, — распорядился Перцев.

Официант взглянул на удочки и понимающе кивнул.

— Проводник не нужен? Есть один, который знает, где лучше всего берет форель.

— Нет. — Перцев улыбнулся. — Я здесь бывал.

Официант удалился.

Неторопливо позавтракали. Затем из чемодана были вынуты складной сачок, коробка с блеснами и другое нехитрое снаряжение рыболова. Чемодан оставили на хранение официанту.

— Идем, дорогая, — Перцев ласково коснулся рукой подбородка спутницы. Та улыбнулась и взяла сумку.

Перцев, далеко откидываясь назад, гнал по озеру лодку. Сильные удары весел вспенивали

тёмную, прозрачную воду, и там, где гребец вырывал из нее лопасти, оставались маленькие воронки.

— Хорошо! — сказал он. — Если бы и вправду можно было, не думая ни о чем, провести здесь недельку. Как, Тамара?..

Штырева не ответила. Ей вспомнилась Сибирь, откуда она была родом, Байкал. Вот и вода здесь — синяя и тяжелая, как там. И, наверное, такая же студеная. Она опустила за борт руку — будто иглы коснулись тонкой кожи запястья... Там, у Байкала, она выросла, в маленьком рыбацьем поселке. И вспомнился Тамаре рассказ отца о том, каким был Байкал одной осенней ночью — двадцать шесть лет назад.

В ту ночь Прохор Штырев тайно, огородами и задами поселка, вывел на берег семью — жену и шестилетнего сына, поочередно перенес их на руках в карбас, покачивавшийся на якоре, погрузил на суденышко немудрящий скарб, поставил парус, вытянул якорь. Парус наполнило ветром. Под килем заговорила вода. Карбас забрал ход, накренился и устремился прочь от берега. Прохор взял курс на север, где за полторы сотни километров жили дальние родственники.

Жена Прохора готовилась второй раз стать матерью. Сам он только недавно оправился от изнурительной лихорадки. А на огромном озере было беспокойно, надвигался шторм. Как же осмелился Прохор Штырев пуститься сейчас в далекий и опасный путь?

Ничего другого ему не оставалось. Он сильно задолжал скупщикам рыбы. Те не хотели больше ждать. Под вечер Прохору тайно сооб-

жили, что кредиторы явятся утром за единственным его достоянием — карбасом и сетями. Рыбак знал: если это случится, семья помрет с голоду. Поэтому и решил идти в плавание. Здесь, на берегу, его ждала гибель. А на Байкале — бог не без милости, может, все обойдется.

Незадолго перед рассветом сильный порыв ветра ударил в парус, резко накренил суденышко. Через минуту все вокруг ревело и стонало. Волны, которые становились все круче и злее, яростно обрушивались на одинокий карбас.

При первых же порывах ветра Прохор отправил жену и сына в крохотную каютку на носу судна, плотно надвинул крышку люка. Сам он остался у руля, зорко следя за тем, чтобы карбас не оказался бортом к зыби. Обдаваемый каскадами ледяной воды, коченея на ветру, он не спускал глаз с паруса — только бы выдержал, не лопнул под напором бешеного ветра!

А шторм крепчал. Временами, словно делая передышку, ветер на несколько секунд стихал, чтобы затем с новой силой наброситься на карбас. В один из таких моментов, когда можно было перевести дух и оглядеться, ухо рыбака уловило какие-то новые звуки. Почудилось, что из каюты доносятся стоны. Прохор вздрогнул, поняв, что происходит там, внизу.

Медленно отодвинулась крышка люка. Из него показалась голова сына. Лицо мальчика было блее бумаги, в глазах застыл ужас. Он кричал, широко раскрывая рот, но Прохор не мог разобрать слов. Да и не нужны они были сейчас. Все стало ясно и так. Но рыбак ничем не мог помочь жене. Он был прикован к своему

месту на корме — если б хоть на мгновение оставил руль, карбас развернуло бы бортом к волне и опрокинуло.

А сын продолжал звать. Ему казалось, что отец не слышит или не понимает. Значит надо подойти ближе. Он вылез из люка, выпрямился, шагнул вперед.

«Вернись!.. Назад в каюту, скорее!» Прохор кричал так, что сорвал голос, и с той минуты до конца своих дней говорил хриплым свистящим шепотом. Но мальчик знал одно: надо во что бы то ни стало привести отца вниз, где так страшно стонет и мучается мать.

И он сделал по палубе еще шаг.

За бортом росла волна. Большая, тяжелая, она молча поднималась, нависая над карбасом. Вот она изогнулась, и на ее вершине сверкнула белая корона пены. Еще мгновение, и волна с грохотом обрушилась вниз. Прохор, вцепившись в руль, стиснув челюсти, изо всех сил сопротивлялся kloкочущему потоку, который бил его, мьял, давил, стремясь оторвать от опоры и унести за борт.

Вода, наконец, схлынула. Когда он открыл глаза, сына на палубе не было...

Утром ветер стал слабеть и к середине дня стих настолько, что Прохор рискнул привязать руль. Обезумевший от пережитого, полумертвый от холода и истощения, он протиснулся в люк и свалился вниз, на сложенные сети. Когда глаза привыкли к полутьме каюты, он увидел жену. Та лежала в углу, тоже едва живая после ужасной ночи. И рядом с ней шевелилось полуприкрытое тряпьем маленькое тельце новорожденной дочери.

Тамара тяжело вздохнула. Да, таким вот и был первый день ее жизни. Потом — школа, пионерский отряд, комсомол, Москва, куда она поехала учиться. Со второго курса института иностранных языков она ушла на специальную учебу. И теперь — Германия, Карлслуст, где она уже почти два года в роли простодушной, не очень умной немки.

Иногда Тамара мечтает. Война окончилась, она снова в Москве. Идет по улице. У нее билет в «Большой». Но до начала еще час. Значит, можно не торопиться. Она подходит к киоску, берет эскимо. Нет, сразу два... И — разговаривает. По-русски! Громко разговаривает и смеется. Тоже по-русски! — звонко, во весь голос. Какое это огромное счастье, поймет лишь человек, испытавший все то, что выпало на ее долю.

...Перцев ввел лодку в маленький залив. Кругом громоздились серые ноздреватые скалы. Он оставил весла, выпрыгнул на камень, привязал лодку.

— Здесь? — спросила Штырева.

— Да. Только не торопись, я скажу.

Он взобрался на скалу, огляделся. Место подходящее. Залив и нижние ярусы скал укрыты от посторонних глаз. Хорошо просматривается участок озера перед ними. Вокруг ни души. Только вдали видна отчалившая от пристани лодка. В ней те самые парни, что приехали в одном с ними вагоне. Тоже рыболовы.

Перцев спустился, положил на камень сумку. В ней, под термосом с горячим кофе, был туго стянутый жгут проволоки — антенна. Перцев извлек ее, размотал, закинул на ближай-

шую сосну. Позабывшись, чтобы проволока была замаскирована в ветвях, протянул ее конец по расселине вниз. Штырева перелезла из лодки на камень, передала товарищу чехол с удочками и коробку блесен.

Усевшись на скале, Перцев неторопливо раскрыл чехол, вытащил и собрал спиннинг. Все это время он внимательно наблюдал за местностью. А двумя метрами ниже, на маленькой площадке, окруженной утесами, девушка, отложив в сторону пестрое полотенце, прикрывавшее портативную рацию, ловко подключила антенну, повернула ручку реостата и надела наушники.

Взмах, и Перцев послал леску с блесной далеко вперед. Серебристая овальная пластинка мягко легла на воду, пошла вниз. Он стал осторожно вращать катушку. Леска наматывалась без усилия. Но что это? Легкий рывок. Конец удилища шевельнулся. Перцев чуть приподнял его. Есть!

А Штырева уже установила связь. Согнувшись над передатчиком, неотрывно глядя в лежащий перед ней лист бумаги, она торопливо работала ключом.

Новый заброс спиннинга — и еще одна изящная рыбка с крапинками на спине и острым хвостовым плавником затрепетала на скале. Форель брала хорошо, и Перцев, не переставая зорко наблюдать вокруг, то и дело извлекал из озера новую добычу.

Внезапно он насторожился. Прямо в их бухту шла лодка. И в ней — те самые парни.

Не отрывая от них глаз, Перцев нащупал и сбросил вниз камешек. Штырева подняла голо-

ву. Он чуть шевельнул рукой. Радистка передала сигнал перерыва и выключила станцию.

В ту минуту, когда лодка вошла в заливчик, Штырева сидела неподалеку от своего спутника, любуясь большой форелью, которую держала в руках.

— Как идут дела?— прокричал парень в очках, сидевший на корме.

Штырева встала и высоко подняла рыбу.

— Только одна?— разочарованно спросил парень.

— Для начала достаточно и одной,— рассудительно ответил Перцев.

Лодка повернула и удалилась.

— Продолжай, Тамара,— сказал Перцев.

— Осталось совсем немного.— Штырева осторожно спустилась вниз, вновь распаковала сумку и включила рацию.

Перцев забросил спиннинг.

Минут через десять девушка сняла наушники, выключила станцию и сменила на скале Перцова, пока тот убирал антенну.

Однако уходить они не торопились. Роль рыболовов следовало вести до конца.

Спустившись вниз, Перцев уничтожил бумагу с текстом шифрованной радиограммы, затем зарыл в песок под приметной скалой передатчик и провод. В Карлслусте имелась вторая станция. А кто знает, что еще с ними произойдет на обратном пути?

Стемнело, когда их лодка причалила к пристани. Перцев расплатился, забрал в ресторане чемодан. Через полчаса должен был отходить поезд, и они направились на вокзал. Здесь уже ждали юноши, которых они повстречали на озе-

ре. Из сумки Штыревой торчали форельи хвосты. У попутчиков болтались на веревочке четыре небольшие рыбки.

Парень в очках покосился на сумку.

— А говорили, не берет!

— Какой же рыбак хвастает на ловле?— Перцев усмехнулся.— В этом случае не жди удачи.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

1

Получив радиogramму карлслустской группы, Лыков вызвал Рыбина. Тот ознакомился с документом, надолго задумался.

— Ну,— сказал Лыков,—какое складывается мнение? Можно принять их предложение?

— Вывозить самолетами такой груз?!—Рыбин пожал плечами.—Почти триста ящиков, и в каждом по пятнадцать пудов, а то и больше!

— Да, Орест Иванович, около ста тонн.

— И — самолетами?

— А вы предложите другое.

— М-м... задача.

— Что ж, Керимов упоминает и о втором варианте — захватить архив и спрятать. Скажем, утопить в Эльбе. Упаковка позволяет — металлические запаянные ящики. Согласитесь вы на такое? Ага, нет! И вы, конечно, правы. Война-то продлится не месяц, не два, и что только не случится за это время!

— Но сложность операции... Это же несколько десятков самолетов снаряжать!

Пригласили полковника Чистова. Тот явился, прочитал донесение из Карлслуста, поднял на Лыкова помолодевшие глаза.

— А ведь он у вас умница, товарищ генерал, — взволнованно сказал Чистов. — Светлая, одним словом, голова. Я, если мое мнение будет спрошено, целиком поддерживаю эту идею.

Зазвонил телефон. Из соседнего отдела сообщили: человек, которым интересуется генерал Лыков, сегодня прилетел в Дюнкерк, а через час, пересев в другой самолет, продолжил путь.

Речь шла о Фреде Теддере.

Вскоре принесли шифровку из Берлина: Зейферт вернулся в столицу Германии.

— А Упиц? — спросил генерал Лыков сотрудника, докладывавшего шифровку. — Учтите, он нас очень интересует.

— Еще не установлено... Теперь посмотрите вот это.

Сотрудник передал генералу второе сообщение.

В нем указывалось, что на днях с запада на восток франко-германскую границу пересекла группа иностранных разведчиков. Сегодня за ней последовали еще две такие же группы. Несколько разведчиков выловлено постами немецкой полевой жандармерии. Похоже, что готовится какая-то специальная операция.

— Та же разведка, откуда и Теддер, — сказал Лыков.

Он снял трубку телефона прямой связи с начальником и попросил разрешения зайти.

Руководитель управления внимательно изучил документы, которые принес Лыков.

— Смело,— сказал он,— смело и рискованно. Но другого и не придумаешь. Они правы. В принципе я — за!

Лыков вздохнул с облегчением.

— Но... масштабы операции таковы, что придется испрашивать специальное разрешение. Подготовьтесь, Сергей Сергеевич. Вы руководите этой группой, вам и докладывать.

— Надо сегодня. Предстоит огромная работа, а во времени мы чрезвычайно ограничены.

— Да, сегодня.

Генерал Лыков и его начальник вернулись в управление поздно вечером. План их был принят.

— Связь сегодня будет?— спросил руководитель управления.

— Да.— Лыков взглянул на часы.— Через пятьдесят минут.

— Сообщите им о Теддере. И — подбодрите. Они, знаете, как волнуются!..

— Еще бы.

— И запретите действовать, пока у нас не будет все обеспечено. До тех пор пусть не дышат. Ждать. Ждать, отдыхать, набираться сил.

— Ясно.

— Хочу сообщить одну новость—надо, чтобы вы были в курсе... Окончательно решено устроить после войны суд над главными фашистскими военными преступниками. Имеются в виду Гитлер, Геринг, Гиммлер, Геббельс, Риббентроп, Крупп, Шахт и некоторые другие.

— Понимаю.

— А суду нужны документы. Побольше документов... Видите, как непрерывно возрастает важность задачи, решаемой сейчас в Карлслусте нашими разведчиками.

— Да, товарищ начальник.

— Условимся так. Свой участок вы поручаете кому-нибудь из заместителей, а сами целиком переключаетесь на подготовку и проведение операции.

— Я как раз хотел просить об этом.

— Вот и отлично. Лучше всего, если переселитесь поближе к месту действия.

— Это и мое желание.

— И Рыбин с вами.

— Да, и он.

— Дальше. С утра свяжитесь с командованием бомбардировочной авиации дальнего действия, все уточните, проконсультируйтесь, и пусть помаленьку начинают. А вы тем временем займитесь людьми. Людей отбирайте лично. Проследите, чтобы не меньше половины десантников были водителями. Повторяю: сами все проверьте.

— Будет исполнено.

— Хочу надеяться на благополучный исход операции.— Начальник оставил кресло, подошел к Лыкову, дружески его обнял.— Трудная предстоит работа. Ведь таких масштабов мы с вами еще не знали, а?

— Время сейчас другое. Техники много, ресурсов много.

— Да, это не сорок первый. Взрослее стали. Взрослее и сильнее.

Спустя неделю над Карлслустом появилась девятка советских бомбардировщиков. Одно звено, отделившись, произвело удар по железнодорожному узлу и двум автомобильным дорогам, которые шли на Карлслуст с запада. Остальные самолеты обрушили фугаски на северо-восточную окраину города, где были расположены все крупные автомобильные базы. Бомбы превратили их в развалины. Большинство машин было разбито и сожжено.

Точно через двадцать четыре часа налет советской авиации повторился. Обработке с воздуха подверглись склады горючего, дислоцированные все на той же северо-восточной окраине.

Разбив цистерны с нефтью, самолеты вновь сбросили серию фугасок на автобазы, а затем уложили около десятка бомб в пустынной местности — между городом и лесом на берегу Эльбы, возле моста и развилки дорог.

Утром, тотчас же по окончании первого налета на город, Аскер позвонил у двери дома № 15 по Берлинерплац. Всю эту неделю разведчики наблюдали за домом; они узнали фамилию его владельца, установили, что он одинок, живет обособленно, убедились в том, что Упиц и Зейферт выехали из Карлслуста.

Отворил мужчина в халате, с фарфоровой трубкой в зубах.

— Я бы хотел повидать господина Карла Айпеля, — сказал Аскер.

— Айпель перед вами.

— Я с поручением от генерала Зейферта. Хозяин дома посторонился. Аскер вошел.

— Пароль?— спросил он.

Айпель отпер ящик шведского бюро, извлек из него обломок расчески. Когда он вернулся к гостю, тот рылся в жилетном кармане. На секунду прервав свое занятие, Аскер сунул в рот сигарету.

— Я по поводу бомбежки. Мы в недоумении...

— Но это другие машины!

— Не может быть!

— Советские. Сам видел звезды на крыльях в свете прожекторов...

— Тогда надо немедленно связаться с Теддером. Вы еще?..

— Это можно сделать только вечером.

— Хорошо.— Аскер похлопал руками по карманам.— Дайте спички. Сейчас я сообщу одну важную вест... Нас никто не слушает?

— Я один в доме.— Айпель нашарил в кармане халата коробок, извлек спичку, зажег ее, заботливо прикрыл огонек горстями.

— Ничего, ничего, я сам...

Аскер протянул к огоньку руки. Щелк! На запястьях Айпеля сомкнулись наручники.

3

Еще через три дня в берлинском кабинете генерала Зейферта раздался звонок городского телефона.

Генерал снял трубку, назвал себя.

— Кто слушает? — переспросил голос. — Повторите.

— Генерал Зейферт!

— Ага, хорошо!.. Господин генерал, с вами говорит Карл Айпель.

— Айпель?

— Да, господин генерал, Карл Айпель. Мой адрес: Карлслуст, Берлинерплац...

— А!.. — Зейферт беспокойно шевельнулся в кресле, плотнее прижал к уху трубку. — Вы в Берлине?

— Да, господин генерал.

— Что же случилось?

— Нам необходимо встретиться. Это очень спешно. Как можно скорее!

— Где вы находитесь?

— В самом центре, на пересечении Унтерден-Линден и Фридрихштрассе.

— Хорошо. Ждите меня там.

— Понял, господин генерал.

— Постойте!.. Но как я вас узнаю?

— Не беспокойтесь, я подойду.

Повесив трубку, Аскер вышел из телефонной будки, походил по тротуару, задержался возле афишной тумбы. Весь низ ее занимали два плаката. На одном по серому полю была косо нарисована черная тень мужчины в пальто с поднятым воротником и надвинутой на лоб шляпе. Другой плакат изображал телефонистку, сидевшую у коммутатора, с наушниками на голове. Телефонистка строго глядела на Аскера и предостерегающе прижимала к губам палец. Подпись под обоими плакатами была одна и та же: «Пст!». Плакаты призывали к бдительности.

Вскоре возле тротуара притормозил автомобиль. За рулем сидел представительный мужчина в штатском. Аскер отметил дорогую изящно обмятую шляпу, выбритые до синевы пухлые

щеки, ослепительно белый крахмальный воротничок, перстень с камнем.

В свою очередь Зейферт оглядел стоящего на тротуаре человека. Тот был в очках с желтоватыми стеклами. Короткий пиджак и брюки гольф подчеркивали линии его сильного, хорошо развитого тела. На голове чуть косо сидела зеленая австрийская шляпа с куцыми, будто обкусанными полями.

Взгляд Зейферта скользнул ниже, задержался на синих с черным чулках и желтых башмаках. «Попугай, — подумал генерал, брезгливо скривив губы, — черт знает, что за вкус».

Они встретились глазами, Зейферт притронулся к кнопке сигнала. Аскер шагнул вперед, дверка автомобиля отворилась, и он оказался на сиденье, рядом с эсэсовским генералом.

— Ну, — сказал Зейферт, когда машина выбралась на середину улицы, — ну, слушаю вас, господин...

— Айпель, — подсказал Аскер.

— Да, господин Айпель. Так что у вас произошло?

Аскер раскрыл бумажник, вынул обломок расчески и поднял так, чтобы Зейферт мог его рассмотреть, не отрывая от дороги глаз.

Генерал извлек из жилетного кармана вторую часть пароля.

— В порядке, — сказал он, убедившись, что части расчески сошлись. — Но зачем вы приехали? Сунуться прямо в Берлин!..

— Я не мог иначе.

— Что же случилось? — в голосе Зейферта звучала досада.

— Я бы на край света забрался, если бы это помогло сохранить тайник и архивы.

— Сохранить тайник? Что все это означает?

— Поразительно. — Аскер зло шевельнул плечом. — Будто вы не знаете, что Карлслуст бомбят!

— Что такое? — Зейферт всем корпусом повернулся к собеседнику. — Что вы сказали?

— Бомбят, — повторил Аскер. — За три дня было три налета.

— Не может быть!

Теперь был удивлен Аскер.

— Вы действительно не знаете об этом? — спросил он.

— Разумеется, нет. С группенфюрером Упицем мы были в отъезде, далеко отсюда, на востоке, вернулись этой ночью. Но, мой бог, кто же бомбит Карлслуст? Чьи самолеты?

— Русские.

Зейферт присвистнул.

— Полагаете, нащупывают?

— Уверен!

— Погодите, погодите. — Зейферт передернул плечами. — Все это совершенно невероятно!..

— Что ж, я могу и ошибиться. — Аскер извлек из кармана и развернул карту Карлслу-

ста. — Судите сами. Синим обозначены объекты, которые бомбили при первом налете, позавчера. Коричневая штриховка — результат вчерашнего налета. Красным отмечено то, что советские самолеты обрабатывали сегодня перед рассветом.

Зейферт притормозил, посмотрел на карту. Уже с первого взгляда было ясно, что район бомбежки медленно, но настойчиво приближается к лесу на берегу Эльбы, у моста, возле развилки дорог.

— Ну? — Аскер сложил карту.

Генерал не ответил.

— Шеф взбешен, — негромко сказал Аскер.

— Он уже знает?

— Ему сообщено еще вчера.

— Что же делать?

— Не знаю. — Аскер выдержал паузу. — Одно очевидно: если русские будут продолжать такими же темпами, то дней через пять-шесть доберутся до хранилища. Тогда архивы взлетят на воздух.

Аскер смолк. Молчал и Зейферт. Прошло несколько минут. Автомобиль свернул на какую-то улицу, затем сделал второй поворот и поехал в обратном направлении.

— Мне надо в управление, — сказал генерал.

— Но мы же ничего не решили!

— Встретимся вечером. В девять часов, на прежнем месте.

— Учтите, генерал, время не терпит, — сказал Аскер. — Шеф предупредил, что бросит все и примчится сюда, если мы с вами окажемся рохлями и провороним тайник. Но тогда вам трудно будет позавидовать.

— Хорошо, хорошо, — раздраженно прервал его Зейферт. — Вся эта история тревожит меня не меньше кого бы то ни было.

Он подвел машину к тротуару, остановил, выжидательно поглядел на пассажира. Тот вылез.

4

Вечером Зейферт прибыл к месту встречи точно в назначенное время. В машине был еще один человек.

— Познакомьтесь, — сказал генерал. — Это группенфюрер Упиц. Он будет руководить перевозкой архивов в новое хранилище.

Аскер на мгновение прикрыл веки, пряча вспыхнувшие в глазах огоньки.

Он знал: сейчас, почти за семьсот километров отсюда, по ту сторону фронта, в маленьком городке близ Варшавы, только что отбитом у фашистов, кипит подготовка к заключительному этапу операции. В городок прибывают десятки участников операции, на расположенный неподалеку аэродром садятся самолеты особой службы. Люди проверяют оружие и снаряжение, проводят тренировки. Там же находятся руководители и старшие товарищи Аскера — генерал Лыков и полковник Рыбин. Все они готовятся придти на подмогу действующим в Карлслусте разведчикам, чтобы довести до конца задуманное. Родина не жалеет на это ни сил, ни средств. Но все окажется напрасным, из группы генерала Лыкова не уйдет в воздух ни один самолет, не тронется с места ни один боец, если Аскер и его товарищи не добьются главного — не принудят фашистов принять решение об эва-

куации карлслустского тайника. Бомбардировки объектов в Карлслусте, операция на Берлинер-плац, 15, приезд Аскера в Берлин и встреча с генералом Зейфертом — все это совершенно с одной лишь целью: убедить фашистов, что тайнику в Карлслусте грозит неминуемое уничтожение и архивы должны быть убраны оттуда и перевезены в другое хранилище, более надежное.

И это, кажется, удалось!

— В новое хранилище? — переспросил Аскер, усаживаясь в машину. — После встречи с вами мне тоже пришла в голову эта мысль. Что ж, полагаю, шеф будет доволен. Но я опасюсь, что русская разведка... Мне кажется, она может помешать.

Он старался говорить спокойно, но сейчас не узнавал собственного голоса.

— Бомбардировки в Карлслусте — работа русской разведки. — Зейферт включил передачу и тронул автомобиль.

— Не могу себе уяснить, зачем это русским! — Аскер пожал плечами. — Им, как я понимаю, нужны архивы, но не пепелища.

— Разумеется, — усмехнулся Упиц. — Но когда до архивов нельзя добраться, их предпочтительнее уничтожить, чем отдать противнику.

— Вот оно что, — протянул Аскер.

— У вас будет связь с Теддером? — спросил Зейферт.

— Да, под утро.

— Можете передать: Упиц выезжает в Карлслуст. Туда же вызвана колонна.

— Когда?

— Буду там завтра, во второй половине дня, — сказал группенфюрер.

— А колонна?

— Придет позже, ночью.

— Грузовики?

— Да. Русские разбомбили железную дорогу к западу от Карлслуста, разрушили два моста, так что ничего другого не остается.

— В Карлслусте два крупных гаража. И оба разбиты — об этом писали в газетах. Откуда же машины?..

— Слишком любопытны, господин Айпель, или как там вас! — Зейферт угрюмо оглядел собеседника.

— Что поделаешь. — Аскер вздохнул. — Такова уж моя профессия. А за тайник отвечаю головой. С меня спустят шкуру, если прежде ваших грузовиков подоспеют самолеты русских.

— Успокойтесь, — сказал Упиц. — Колонна вызвана из Гамбурга.

— Вот теперь ясно. — Аскер вытер лоб. — Теперь можно разговаривать с шефом.

— Передайте, что послезавтра на рассвете архивы будут в безопасности.

— Хорошо. Не подвезете ли меня к вокзалу?

Зейферт кивнул. Скоро машина остановилась на привокзальной площади. Аскер вылез.

— Прощайте, — сказал он. И, обращаясь к Упицу, добавил: — Быть может, мне придется навестить вас завтра, в Карлслусте. Как вас найти?

— Звоните дежурному по абверу. Он будет знать.

Автомобиль отъехал.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ

1

Через два часа после встречи Аскера с Зейфертом и Упицем в домик Тамары Штыревой принесли телеграмму. Текст был самый безобидный, но капитан Люлька разволновался. Он составил короткую шифровку, которую Тамара, как только настало время связи, передала в эфир. Сам же собрался и ушел.

Несколько часов спустя, глубокой ночью с аэродрома близ Варшавы поднялась тройка тяжелых транспортных машин. В воздухе звено транспортников встретилось с группой бомбардировщиков, шедшей на запад. Встреча была согласована заранее. Бомбардировщики расступились, и грузовые самолеты заняли место в центре строя.

Медленно текло время. Штурманы методически отмечали прохождение маршрута: Кутно... Конин... Познань... Варта... Теперь еще два десятка километров — и Берлин. По команде флагмана самолеты отвернули к северу и обошли Берлин. Вскоре далеко внизу промелькнули редкие огоньки. Штурман ведущей группы определил: по дороге Эберсвальде — Виттенберге движется колонна автомашин. Бомбардировщики прошли над колонной, не удостоив ее вниманием. Затем в просвете между облаками тускло блеснула извивающаяся полоска. Это была Эльба. Самолеты взяли еще севернее и пошли над рекой. Они миновали Остбург, тоже не задержавшись над ним. Следующий большой населенный пункт был Карлслуст. Самолеты шли туда.

Группа вышла на цель незадолго до рассвета. Первый удар был нанесен по системе противовоздушной обороны. Самолеты располагали точными данными о дислокации средств ПВО и с первых же заходов подавили зенитную батарею, несколько прожекторов, разбили две артиллерийские радиолокационные установки.

Затем налету подвергся аэродром, расположенный к северо-западу от Карлслуста. Самолеты действовали, не встречая серьезного сопротивления. Стреляли только батареи и пулеметные установки, оборонявшие аэродром. Вражеских же истребителей в воздухе не было. Осенью предпоследнего года войны, когда над Германией непрестанно висели эскадры бомбардировочной авиации союзников, фашистские истребители уже не представляли той силы, какой являлись в первый период войны. Десятки тысяч «мессершмиттов» и «хейнкелей» нашли могилу на Восточном фронте от огня советских летчиков и зенитчиков, немалое количество гитлеровских истребителей было уничтожено американцами и англичанами. И теперь нередко случалось, что при налетах на объекты в глубоком фашистском тылу навстречу бомбардировщикам не поднимался ни один истребитель.

Так было и при описываемом налете на Карлслуст. Советские самолеты стали в круг над аэродромом, осветили его, разбомбили служебные помещения, два ангара и метеостанцию. Одна из бомб угодила в подземное бензохранилище, вверх взметнулось пламя, потянулись клубы дыма. Специально выделенные самолеты вели бой с зенитной артиллерией.

В разгар бомбежки тройка транспортных са-

молетов скользнула в сторону и на малом газу прошла к поросшему лесом оврагу, который тянулся в нескольких километрах от аэродрома. Из оврага замигал лучик фонарика. Сигналил капитан Люлько. На этот ориентир самолеты выбросили первый отряд парашютистов.

В заключение бомбардировщики уложили серию стокилограммовых бомб на северо-восточной окраине Карлслуста, где было несколько промышленных предприятий, и дальше — в направлении к лесу на берегу Эльбы, близ моста и развилки дорог.

2

Утром адъютант доложил генералу Упицу, что вызванный работник прибыл из Остбурга и ждет.

Упиц приказал его ввести. В кабинет вошел штурмфюрер Адольф Торп.

Упиц разрешил ему сесть и начал беседу.

— Вызваны по важному делу, — сказал он. — О том, что бомбят Карлслуст, знаете?

— Да.

— Учтите: бомбят русские.

— Разве не янки? — Торп был удивлен.

— Русские, — повторил Упиц. — В том-то и дело. За четыре последних дня четыре налета. Город не трогают — только окраины и окрестности, главным образом северо-запад и северо-восток. — Он помолчал. — Действуют так неспроста. По всему выходит, что мы были излишне самонадеянны.

И Упиц поведал Торпу о секретном хранилище.

— Да, видимо разнюхали о тайнике, — ска-

зал Торп. — Разнюхали, но не знают точно, где он. Или потеряли надежду до него добраться. Вот и нащупывают, чтобы обнаружить. Это не случайно, что бомбят также и магистрали, идущие на запад. Стремятся вывести их из строя, чтобы воспрепятствовать эвакуации тайника. Из трех дорог уже разбиты две. Торопятся...

Упиц молчал.

— А что, если в Карлслуст перебрался тот самый разведчик русских? — осторожно спросил Торп.

— Краузе — Губе?

— Да. Ведь он мог так поступить, господин группенфюрер, хотя бы для того, чтобы убедиться: налеты достигли цели и архивы уничтожены.

— Мог, — сказал Упиц. — Тем более, что в Остбурге ему уже нельзя было оставаться. Да, вы верно рассуждаете, Торп. Я вас по этому делу и вызвал. Отправляйтесь в Карлслуст. Там предстоит серьезное дело. А у меня тревожно на душе... Отправляйтесь и как следует пошарьте в городе.

— Но я этого Краузе видел только раз, да и то со спины.

— Кюмметц и другие составили словесный портрет. И он у вас.

— Словесный портрет хорош, когда у человека имеются особые приметы. В описании же, которым располагаю я, — ничего, за что можно было бы ухватиться.

— Все равно, Торп. Отправляйтесь. Я тоже буду там, но позднее. А вы — сейчас. Сию минуту, Торп. Я распоряжусь, чтобы вам дали машину.

— Не надо, господин группенфюрер, у меня сильный мотоцикл.

— Ну и отлично. До Карлслуста недалеко.

— На моем мотоцикле часа три.

— Выезжайте немедленно. — Упиц встал. — Вечером я приеду. Явитесь ко мне. Вам будет дано другое важное задание.

3

Берлинский поезд прибыл в Карлслуст на рассвете, когда налет советских бомбардировщиков на город был закончен.

С этим поездом вернулся Аскер. Он вышел на площадь. В воздухе висели клочья ржавого дыма. Ветер мел по тротуару хлопья тяжелой, жирной сажки. Где-то вдали играли в небе отблески пожара. Было тихо, пахло гарью.

Став Карлом Айпелем, Аскер должен был избегать встреч с товарищами, не мог показываться у дома Штыревой. Правда, логика, здравый смысл подсказывали, что слежки быть не должно: Зейферт и Упиц не пойдут на это из соображений собственной безопасности. Но Аскер не имел права даже на малейший риск. Ведь сейчас все зависело от того, как безупречно проведет он роль Карла Айпеля.

Эта предосторожность оказалась далеко не лишней. Вопреки запрещению генерала Зейферта, группенфюрер Упиц все же установил наблюдение за домом № 15 по Берлинерплац, ибо всегда предпочитал знать чуточку больше своего шефа. Слежка была поручена работнику, который умел держать язык за зубами, и с этой стороны Упиц неприятностей не опасался.

И вот сейчас за Аскером двигался человек в резиновом плаще, черном шелковом котелке и с зонтиком в руках.

Но не только он наблюдал за разведчиком. Еще дальше, позади Аскера и агента, шел майор Перцев. Охраняя товарища, он совершил поездку в Берлин, был свидетелем его свиданий с чинами абвера, вернулся в одном с ним вагоне.

Поездку совершили, конечно, порознь. Поэтому Перцев не попал в поле зрения наблюдателя. Но и сам Перцев долгое время не мог заподозрить человека с зонтиком — тот вел себя безукоризненно. И только при высадке в Карлслусте, перехватив взгляд агента, брошенный на Аскера, он понял, с кем имеет дело.

Надо было действовать. Перцев перешел на противоположную сторону улицы и быстро зашагал вперед. В конце квартала виднелась телефонная будка. Она-то и была нужна Перцеву. Он вновь пересек улицу, вошел в будку, снял трубку. Когда Аскер поравнялся с будкой, дверь которой была полуоткрыта, майор Перцев, не оборачиваясь, сказал:

— С зонтиком, сзади!

Вскоре поравнялся с будкой и наблюдатель. На человека, который стоял в ней и вел оживленный телефонный разговор, он не обратил внимания.

Через квартал Аскер тоже вошел в будку. Он опустил монету, набрал номер телефона Штыревой.

— Слушаю,— раздался в трубке ее голос.

— Здравствуйте,— сказал Аскер.— Попросите вашего мужа заехать за мной на такси. Жду его через двадцать минут у себя.

И он повесил трубку.

«У себя» означало — на Берлинерплац, 15, ибо Аскер, обнаружив, что за ним наблюдают, должен был идти именно туда: ведь Айпель пошел бы с вокзала домой.

Но находиться в доме № 15 продолжительное время было рискованно: неизвестно, какие связи были у Айпеля в этом городе.

Майор Перцев знал, куда при таких обстоятельствах должен звонить Аскер. Он проводил его до дома на Берлинерплац, убедился, что наблюдатель остался неподалеку и уходит не собирается, и отправился на поиски телефона.

Будка оказалась на ближайшей улице, квартала за три. Перцев связался со Штыревой, и та передала ему просьбу Аскера.

Остальное было нетрудно. Перцев взял такси, задержал его немного в конце улицы и, когда убедился, что поблизости нет других легковых машин, подъехал к дому номер пятнадцать. Аскер ждал за дверью. Как только такси притормозило, он вышел и сел в машину.

Машина тронулась. Перцев оглянулся. На

перекрестке метался человек в котелке. Размахивая зонтом, он тщетно пытался остановить проезжавший мимо грузовик.

4

Овраг, откуда Люлько сигнализировал парашютистам, был глубок и сплошь порос мелким, но довольно густым лесом.

Парашютисты приземлились в назначенном месте. Несколько человек, опустившихся за пределами оврага, быстро сориентировались и добрались до места сбора.

Выставив охранение, воздушные бойцы проверяли оружие — ручные пулеметы, противотанковые ружья, разыскивали грузовые парашюты, распаковывали ящики с гранатами и патронами.

Командир отряда, высокий, сухоощавый подполковник, с коричневым от загара лицом и светлыми прозрачными глазами, и капитан Люлько склонились над картой. Боевая задача — захват аэродрома — была известна подполковнику еще несколько дней назад, когда отряд только готовился к операции, тщательно изучена, и сейчас командир лишь уточнял обстановку.

Подполковник подозвал ординарца. Тот побежал.

— Командиров взводов ко мне, командира разведки, врача!

Пока вызванные собирались, командир отряда и Люлько отошли в сторону, где развернули свое хозяйство радисты. Связь уже была установлена. Подполковник передал им листок бумаги с несколькими цифрами. Это было шиф-

рованное сообщение о том, что отряд благополучно приземлился и готовится к выполнению задачи.

Послав сообщение, рацию оставили включенной. Она должна была непрерывно слушать станцию генерала Лыкова.

Инструктаж, проведенный с командирами, был краток: отряд приступает к боевой работе только по специальному указанию. Пока соблюдать строжайшую боевую готовность и бдительность. Операция будет сорвана и отряд обречен на гибель, если противник обнаружит его раньше срока. Единственно, что позволено — это изучить подступы к оврагу для организации обороны.

5

Адольфа Торпа преследовали в дороге неудачи. Сначала надолго задержал прокол камеры заднего колеса, затем пришлось менять запальную свечу. Стремясь наверстать потерянное время, он гнал машину во всю мочь и у въезда в город чуть было не столкнулся со встречным велосипедистом. Тот, выскочив из-за поворота, едва успел посторониться.

На велосипеде ехал майор Перцев. В те минуты, когда Торп, притормозив у здания абвера, ставил на подножку свой мотоцикл, Павел Перцев уже миновал лесок у развилки дорог возле моста через Эльбу и катил по шоссе, которое вело на Гамбург.

Не теряя времени, Торп отправился в город. Здесь он пробыл до вечера, слоняясь по магазинам, заглядывая в рестораны и кабачки,

в сады и парки. Вид у Торпа был праздный. Казалось, он глубоко равнодушен ко всему. На деле же Торп буквально цеплялся взглядом за каждого, кто хоть сколько-нибудь походил на Аскера.

Настроение у Торпа было дрянное. Он понимал, что, действуя наобум, без всякого плана, не располагая данными, не может рассчитывать на успех — разве что выпадет очень большая удача. А Торп не привык так работать. Поэтому положение, в котором он сейчас оказался, раздражало, злило. Однако Торп добросовестно выполнял приказ Упица.

Когда стемнело, он облегченно вздохнул и отправился в абвер. Группенфюрер Упиц уже был на месте. О Торпе доложили. Он был принят, выслушан и отпущен ужинать.

— Явиться в десять часов,—сказал Упиц.— Будете выполнять специальное задание.

Вскоре после ухода Торпа гарнизонный пункт противовоздушной обороны сообщил о появлении советских самолетов. Но тревоги еще не объявили — самолеты шли стороной, возможно, что и не на Карлслуст.

Это предположение подтвердилось. Бомбардировщики обошли город и устремились на северо-запад.

Минутой позже в кабинете, где находился Упиц, зазвонил телефон.

— Господин Упиц? — слышалось в трубке.

— Да, это я.

— Карл Айпель звонит. Прошу вас немедленно меня принять.

С помощником Теддера следовало разгова-

ривать где-нибудь вне здания абвера. Но Упиц не мог отлучиться из кабинета. Айпель же был настойчив. И, рассудив, что сейчас вечер и большинства сотрудников нет в управлении, Упиц решил рискнуть.

— Ладно,— сказал он,— приезжайте прямо сюда. Я предупрежу дежурного.

Вскоре Аскер входил в кабинет группенфюрера.

— Вы встревожены,— сказал Упиц, бросив взгляд на посетителя.— Что случилось?

— Только что прошли бомбардировщики. Говорят, это русские.

— Да.

— Но они прошли на северо-запад!

— Так что же?

— На северо-западе Гамбург. Ведь именно оттуда должна прибыть колонна грузовиков.

— Колонна уже в пути. — Упиц поглядел на часы. — Она пятнадцать минут как вышла. И ей уже ничто не угрожает. Даже, если Гамбург сравняют с землей.

— Пятнадцать минут в пути.— Аскер взглянул на генерала.— Таким образом, машины будут здесь?..

— В полночь.

— Что же мне делать до этого времени?

— А чем вы собираетесь заняться в полночь?

— Присутствовать при погрузке архивов.

— Это невозможно.

— Почему?

— Невозможно,— повторил Упиц.

— Но... таков приказ Теддера. И я не ска-

зал еще всего. Мне поручено сопровождать колонну.

— Куда?

— Боже мой, туда, куда она повезет архивы!.. Да и вообще я не могу здесь больше оставаться. С некоторых пор мне оказывают м-м... усиленное внимание. Это не очень приятно. Мы с шефом не хотели бы подводить вас или господина Зейферта. А так обязательно случится, если меня провалят.

Упиц все понял — он лишь часа два назад выслушал доклад сотрудника, сопровождавшего Аскера из Берлина в Карлслуст.

— Но это опасно, — пробормотал он.

— В вашей власти сделать так, чтобы мы с вами не рисковали.

Упиц задумался.

— Ладно, — сказал он. — Приходите сюда в полночь... Нет, в одиннадцать часов.

Аскер покинул абвер. Убедившись, что за ним нет наблюдения, он вошел в телефонную будку и вновь позвонил Штыревой. Фрау Готбах должна была передать супругу, что те, кого он ждет, выехали в девять часов и будут в полночь.

— Хорошо, — ответили Аскеру, — спасибо за хлопоты. Мы так рады!..

— Ну, что вы, фрау Стефания. Какие же это хлопоты. Ведь мы старые друзья. Кстати, можете заодно передать, что я договорился, как меня и просили, и буду присутствовать при погрузке товаров.

— Чудесно. Муж будет в восторге!

— Прощайте, фрау Стефания.

— Доброй ночи!

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ

1

Группенфюрер Упиц был информирован правильно. Самолеты, пролетевшие восточнее Карлслуста, были советскими бомбардировщиками. Они шли курсом на северо-запад.

В строю боевых машин находилось пять транспортников. Миновав Карлслуст, группа пошла над автомобильным шоссе Берлин — Гамбург. Но не Гамбург был ее главной целью. Она выполняла особое задание.

Примерно на тридцатом километре от Карлслуста, в пустынной местности, с земли взвилась белая ракета. Группа плавно отвернула на сигнал. Внизу замигал фонарик. Самолеты убавили газ, и с транспортных машин посыпались парашютисты. Они растянулись в воздухе длинной цепочкой — самолеты не задерживались, лишь снизили скорость. Это был второй десантный отряд из группы генерала Лыкова.

Один за другим опускались парашютисты. Шелковые купола, окрашенные в темные тона, почти не просматривались в воздухе. Воины были в форме немецких солдат и офицеров. Однако это не смутило встречавшего их майора Перцева. Первый, кого он увидел, был полковник Рыбин, одетый в мундир майора вермахта. Разведчики обнялись.

— Павел Петрович, дорогой, сколько же мы с тобой не виделись — два года, а!

— Два года, товарищ полковник!

— Дома у тебя все в порядке, звонил перед выездом из Москвы: жена и дочурка здоровы.

— Спасибо, Орест Иванович. Какова обстановка?

— Еще не знаю.— Рыбин обернулся, позвал:— Коржов!

Из темноты вынырнул офицер. На его мундире были погоны гауптмана.

— Знакомьтесь,— Рыбин представил разведчиков.

Затем он приказал Коржову развернуть радиостанцию.

Вокруг, в темноте, которая еще больше сгустилась (луна ушла в тучи), ощущалось непрерывное движение. Был слышен шорох шагов, приглушенные голоса.

Вернулся Коржов.

— Рация к работе готова, товарищ полковник!

Он провел Рыбина и Перцева в маленькую ложбинку, где был установлен передатчик. Шкала настройки мягко светилась. Сияла рубином крохотная индикаторная лампочка. У аппаратуры возились двое радистов.

— Вызывайте,—приказал Рыбин.

Радист заработал ключом, перешел на прием и стал записывать. На бумаге росли столбики цифр. Когда первый листок был заполнен, Коржов взял его, уселся в сторонке и, подсвечивая себе фонариком, стал расшифровывать. Рыбин прочитал часть радиограммы. Генерал Лыков сообщал: колонна грузовиков вышла из Гамбурга в двадцать один час, ожидается в Карлсруте в полночь.

— Точно, что будут идти этой дорогой? — спросил Коржов.— Другой нет?

— Была,—ответил Перцев.— Была дорога,

но две бомбежки вывели ее из строя. Взорваны два виадука и мост.

Радист закончил прием, Коржов быстро расшифровал вторую часть телеграммы. Сообщалось: первый отряд через час приступает к операции.

Речь шла о десанте у аэродрома.

В конце шифровки было предупреждение: у хранилища находится майор Керимов, соблюдать строжайшую осторожность.

Рыбин обернулся.

— Товарищ Коржов, предупредите десантников: что бы ни случилось, ни одного штатского не трогать. Да и вообще избегать применять оружие. Объясните, что среди врагов — наш разведчик.

— Есть, товарищ полковник. — Коржов ушел.

— Не беспокойтесь, Орест Иванович, — сказал Перцев. — Я впереди буду, как увижу его, прикрою, чтобы все было в порядке...

А Керимов в эти минуты отдыхал. Он лежал, вытянувшись во всю длину кровати, заложив руки за голову. Оружие он осмотрел и проверил, план действий обдумал. Теперь, перед заключительным этапом операции, надо было набраться сил. Напряжение этих месяцев, особенно дней, проведенных в Карлслусте, не прошло бесследно. Он осунулся, от углов рта легли заметные складки, глаза покраснели, смотрели устало. Вот бы вздремнуть часок. Но разве заснешь, когда нервы натянуты до предела и в голове — тысячи мыслей, одна тревожа-

нее другой!.. Так ли он действовал, как надо, хорошо ли все спланировал? Кажется, да. И все же... Он сел в кровати, потянулся за сигаретами, но усилием воли заставил себя снова лечь, расслабиться, закрыть глаза...

В половине двенадцатого он подходил к зданию контрразведки. Задержка была умышленной, чтобы сократить время пребывания в абвере, где могли произойти нежелательные встречи.

Группенфюрер Упиц был в плаще и фуражке, нервно шагал по кабинету.

— Опаздываете,— проворчал он, неприязненно взглянув на Аскера.

Они спустились, сели в машину. Вел автомобиль Упиц, вел мастерски, на большой скорости. Машина срезала углы, почти не тормозя на поворотах, и мчалась, мчалась...

— Не может случиться, что колонна запоздает?— спросил Аскер.

— Не может. Она уже на подходе.

— Но...

— Никаких «но». Я же сказал: она на подходе.

— По времени, конечно, так оно и должно быть...

— Не по времени. Час назад навстречу грузовикам выехал мой человек. В его машине передатчик.

Посланцем Упица был штурмфюрер Торп. Он встретил колонну в двух десятках километров от Карлслуста. Маленький вездеход Торпа прижался к кювету, а навстречу с ревом нес-

лись тупоносые дизели с высокими деревянными бортами. Они шли порожняком. Торп насчитал тридцать машин.

Пропустив колонну, Торп развернулся и помчался за ней. Он быстро настиг грузовики, поравнялся с головным дизелем и сделал шоферу знак остановиться. Тот повиновался. Вездеход проехал чуть вперед и тоже стал.

Торп вылез, подошел к грузовику. Рядом с водителем сидел пожилой майор.

— Что за машины?—спросил его Торп, притронувшись рукой к шляпе.—Куда следуют?

— А по какому праву вы задаете вопросы?—в свою очередь спросил майор.

Торп вынул удостоверение. Рыбин—это был он—взял его, осветил фонариком, просмотрел и вернул.

— Все в порядке,—сказал он.—Мы колонна особого назначения. Следует в Карлслуст за каким-то важным грузом. Посланы в распоряжение...

— Группенфюрера Упица?

— Его самого.

— Двигайтесь за мной. Я должен проводить вас к месту погрузки.

— Хорошо.—Рыбин сунул в рот сигарету, протянул портсигар Торпу.—Не желаете, господин штурмфюрер?

— Спасибо.

Торп взял сигарету. Закурили. Сигарета оказалась хорошей.

— Вы один в машине?—спросил Рыбин.

— А что?

— Быть может, заберете меня к себе? Надое-
ло трястись в этом ящике.

— Пожалуйста!— Торп погасил сигарету,
пошел к вездеходу.

Рыбин вылез, оглядел колонну. Она уже
подтянулась и выстроилась на правой стороне
шоссе.

— Гауптман Биндер,— позвал он.

— Гауптмана Биндера вызывает майор Пан-
цингер,— прокричало несколько голосов.

Показался офицер. Придерживая рукой ко-
буру пистолета, он бежал к Рыбину. Это был
Перцев.

— Поедете в головной машине,— сказал
ему Рыбин и шепнул:— Километров через пять
остановите колонну и вызовете меня.

— Слушаюсь!

Рыбин поспешил к Торпу. Перцев влез в ка-
бину головного грузовика.

В вездеходе первые несколько минут ехали
молча. Рыбин уголком глаза наблюдал за тем,
как Торп, ведя машину левой рукой, правой
включил смонтированный на щите передатчик,
настроился и передал в микрофон сообщение о
том, что колонна встречена.

Полковник знал Торпа по донесениям Кери-
мова. В одном из последних сообщений утверж-
далось, что Торп взят и надежно изолирован.
А вот теперь гитлеровец, живой и невредимый,
сидит рядом с Рыбиным. Что же произошло?
Где Керимов? Все ли с ним благополучно? До
последнего времени в этом можно было не сом-
неваться— Рыбин знал, что переданное в по-
ловине десятого вечера сообщение об автомо-
бильной колонне добыл именно он, Керимов.

Ну, а сейчас? Ведь с тех пор прошло более двух часов!.. И еще: Керимов находится у тайника. Значит, вместе с Упицем. Но ведь и Торп оттуда. Как же они не встретились? Или — встретились?.. Обожгла мысль: вдруг Керимов провален, и затея с эвакуацией архивов в другое хранилище подстроена абвером с целью выманить и уничтожить побольше советских разведчиков!

Подозрения усилились, когда полковник стал анализировать поведение Торпа. Ведь могло быть так, что Торп согласился взять его в машину и при нем передал сообщение о колонне, чтобы усыпить его бдительность. Заодно он изолировал Рыбина от других десантников!..

Закончив передачу, Торп снял наушники, полез в карман за сигаретами. Рыбин поспешил протянуть ему портсигар.

— Прошу, — любезно сказал он. — За сигареты ручаюсь, привезены из Турции.

— Я уже успел оценить их. — Торп кивнул, взял сигарету.

— Вы поедете с грузом? — осведомился Рыбин, чиркнув спичкой и давая спутнику прикурить.

— Вряд ли. У меня есть дела поважнее. — Торп мрачно усмехнулся. — Ловлю одного типа.

— Любопытно. Кого, если не секрет?

— Секрет, — сказал Торп.

Сзади раздались настойчивые гудки. Рыбин обернулся. С головного грузовика делали знаки.

— Остановите, — сказал Рыбин. — Там что-то случилось.

Вездеход притормозил. Стал и шедший сле-

дом дизель. К Рыбину подбежал солдат и доложил, что у одной из машин спустил скат.

— Надо ехать.— Торп с беспокойством поглядел на часы.— А грузовик пусть догоняет.

— Нет,— возразил Рыбин.— У меня строгий приказ — доставить всю колонну до последней машины. Предупредили, что придется принять большой груз. Схожу, ускорю ремонт.

— Идите,— проворчал Торп.— Идите, только оставьте еще сигарету.

— Охотно!

Рыбин вновь раскрыл перед контрразведчиком портсигар.

Встретившись с Перцевым, полковник Рыбин рассказал о Торпе, о возникших подозрениях.

— Торп?— тревожно переспросил Перцев.— Не ошиблись, товарищ полковник?

— Я видел его удостоверение.

— Надо успеть предупредить Керимова. Но как это сделать?— Перцев задумался.— Сможете задержать вездеход неподалеку от места, где нас будут встречать?

— Надолго?— спросил Рыбин.

— Как удастся. Хоть на полминуты.

— Смогу.

— Тогда я все устрою.— Перцев стал объяснять:— Грузовики обойдут замешкавшийся вездеход и...

Раздались нетерпеливые гудки автомобиля Торпа.

— Понял.— Рыбин положил руку на плечо Перцева.— Действуйте. А мы все будем поблизости.

- Ясно.
- По машинам!

2

Колонна шла по левому берегу Эльбы. Постепенно шоссе стало отклоняться от реки. Между дорогой и водой тоненькой полоской пролегла рощица. Она делалась все шире и гуще и километров через пять превратилась в лес. На закруглении шоссе Торп сбавил скорость, выглянул из кабины. Грузовики шли следом.

— Здесь? — спросил Рыбин.

— Да, в этом лесу.

Рыбин взглянул на часы. Было одиннадцать.

Торп совсем убрал газ. Теперь машина еле ползла. Так ехали несколько минут. Торп напряженно вглядывался вперед. Казалось, он ищет кого-то. Неожиданно перед радиатором автомобиля возник человек с поднятой рукой.

— Наконец-то, — с облегчением пробормотал Торп.

Человек подошел. Это был гауптман — высокий, худощавый, в роговых очках с большими выпуклыми стеклами. Торп молча подвинулся вправо, освобождая место водителю. Офицер сел за руль.

— Не растеряли машины в дороге? — спросил гауптман.

— Нет, — сказал Торп.

Вездеход тронулся. Гауптман высунулся из окошка, поглядел назад, коротко просигналил. Затем подал влево и осторожно перевел вездеход через обочину дороги в лес. Зажглись фары вездехода. Световой луч уперся в стволы могу-

чих елей. Деревья стояли так тесно, что чаща казалась непроходимой.

— Стена, — пробормотал Торп.

— Стена, — усмехнулся гауптман, резко перекладывая руль.

Он, видимо, хорошо знал лес. Вездеход петлял, едва не задевая боками за древесные стволы, вычерчивал зигзаги, лавировал в буреломе и густом кустарнике.

Рыбин посмотрел в заднее окошко. Грузовики двигались следом.

Прошло минут сорок. Впереди открылась поляна. Машина пошла ровнее.

— Сейчас будет обрыв, — сказал гауптман, — держитесь.

Рыбин увидел обрыв, когда до него осталось несколько метров, невольно схватился руками за борт машины. У обрыва дежурил второй офицер. Он подошел, показал рукой в сторону.

— Бери правее!

Гауптман послушно направил машину вправо. Офицер остался.

Рыбин видел, как он направился к головному грузовику, который следовал метрах в двадцати за вездеходом.

Вот и обрыв. Казалось, колеса вездехода повисли над бездной и сейчас машина рухнет вниз. Но гауптман ловко сработал рулем, автомобиль взял чуточку в сторону и заскользил по крутому песчаному склону. Кабину заволокли облака пыли. Пыль вилась столбом и в пучке света от фар. Видимости не было никакой. Однако гауптман благополучно достиг дна лощины,

затем умело взял крутой подъем и отъехал в сторону.

— Поглядим, как грузовики, — сказал он.

Пассажиры вылезли и подошли к краю обрыва.

Ночь наполнял рокот дизелей. Тяжелые автомобили, смутно видимые в темноте, подъезжали к краю лощины, ныряли вниз, с ревом карабкались на подъем. То и дело вспыхивали и гасли фары. Но они мало помогали — лощина была затянута пылью, и пыль все густела.

— Ловкие парни, — сказал гауптман, глядя, как умело действуют шоферы грузовиков. — А, черт!..

Один из грузовиков, только начавший спуск, вдруг стал боком, повалился на борт и, переворачиваясь, покатился по склону.

Рыбин устремился к нему.

— Назад, — крикнул гауптман.

Но Рыбин не слышал. Вот он у разбитого грузовика. Шофер, придавленный машиной, лежит без движения. Он мертв. Два других десантника невредимы — в момент катастрофы их выбросило из кузова.

С минуту Рыбин стоял над телом погибшего товарища. Несколько часов назад восемь жизней отдали десантники, чтобы перехватить автомобильную колонну из Гамбурга — операция была тщательно разработана, внезапна, и все же пришлось выдержать тяжелую схватку. Сейчас погиб еще один. А скольких постигнет та же участь, прежде чем архивы будут изъяты и переправлены через линию фронта!

Распорядившись, чтобы тело подняли на-

верх и погрузили в одну из машин, Рыбин вернулся к вездеходу.

Переправа через лощину, прерванная происшествием, возобновилась.

И снова девственный лес, чащоба. Вот на пути вездехода выросла гряда скал. Дальше скалы обрывались, между ними и следующей грядой оказалась пропасть метра в три шириной.

— Приехали, — пробормотал Торп.

— Здесь? — спросил Рыбин.

— Нет. — Гауптман притронулся к кнопке сигнала.

Из-за скал вышли два офицера. Один подошел и что-то сказал гауптману, другой присел перед носом машины. Рыбин видел, как он разрыл землю, вытянул на поверхность петлю толстого стального троса. Петлю накинули на буксирный крюк вездехода.

— Давай, — сказал офицер.

Водитель включил заднюю скорость. Вездеход стал пятиться. За ним из земли потянулся трос. А из скалы медленно выдвинулись и поползли вперед, через пропасть, два широких металлических желоба.

— Стоп! — скомандовал офицер, когда концы желобов легли на противоположный край пропасти.

Гауптман притормозил, вылез из машины, сбросил петлю троса с крюка и вновь сел за руль. Вездеход двинулся вперед и по желобам переехал пропасть.

Прошло около часа с того времени, как колонна, покинув шоссе, въехала в лес. Вездеход выбрался на широкую поляну. Она была пу-

стынна — камень и песок. Впереди беспорядочно громоздились скалы, охватывая поляну полукругом. Скалы обрывались к Эльбе, волны которой шумели далеко внизу. Почти в самом центре поляны высился одинокий утес. Возле него стояла легковая машина, грузовик, виднелись фигурки людей. Был ли среди них Керимов — Рыбин установить не мог, да и не имел на это времени. Он должен был немедленно действовать.

Поляну усеивали крупные камни. Машина шла, подскакивая, переваливаясь с боку на бок. Вот она сильно качнулась, Рыбин вскрикнул и вывалился в открывшуюся дверку.

— Остановите! — Рыбин уцепился руками за дверку и борт вездехода, в то время как ноги его волочились по земле.

Гауптман резко затормозил. Вездеход стал. Торп выпрыгнул и наклонился над спутником, который лежал на земле и стонал.

А мимо, один за другим, проскакивали грузовики.

Первый дизель остановился шагах в десяти от скалы. Здесь были Упиц, Керимов и какой-то майор. Второй грузовик стал чуть левее. Непрерывно подъезжали новые машины. Шоферы глушили моторы и вместе с сопровождавшими колонну офицерами выходили из кабины. На площадке сделалось людно.

— Эй, вы, — крикнул Упиц, обращаясь к Коржову, который был ближе других. — Подойдите ко мне!

Коржов и еще несколько офицеров подошли, плотным кольцом обступили Упица. Среди них был майор Перцев. И пока Коржов объяснял,

куда девался вездеход с посланцем группенфюрера и начальником колонны, Перцев шепнул Аскеру:

— Здесь Адольф Торп, берегись!

Аскер удивленно посмотрел на него.

— Берегись Торпа, — повторил Перцев. — Торп здесь, сейчас явится.

Аскер чуть кивнул, огляделся. Из-за грузовиков, прихрамывая, вышел Рыбин. Его поддерживал Торп.

— Давай в мою машину, — шепнул Перцев. — Вон та, вторая с краю. А я буду рядом.

Перцев двинулся к машине. За ним пошел Аскер.

Между тем, Торп увидел Упица. Оставив спутника, он поспешил с докладом. Туда же направился и Рыбин.

Упиц махнул рукой.

— Ладно, уже все знаю. — Он обернулся к стоявшему рядом офицеру и распорядился: — Приступайте!

Тот направился к скале, присел у ее основания.

— Посторонитесь! — Упиц сделал знак отойти подальше.

Прошло несколько секунд. Офицер, возившийся у скалы, выпрямился. И вдруг скала медленно поползла в сторону. На месте, где она только что стояла, оказалась большая металлическая плита.

Послышался рокот, плита поднялась и стала вертикально. Тогда обнаружился провал, похожий на устье шахты. Рокот стал громче. К нему примешалось жужжание. Из глубины показа-

лась решетчатая клеть, уставленная большими серыми ящиками.

Все, кто был на площадке, молча наблюдали за происходящим.

Торп взволнованно обернулся к Упицу.

— Господин группенфюрер, вы показываете это всем! — воскликнул он.

— Теперь безразлично. — Упиц устало махнул рукой, отвернулся. — Тайник перестал быть тайником, Торп. — Он оглядел площадку. — Начальник колонны!

Рыбин приблизился.

— Начинать погрузку, — приказал Упиц. — И проследите, чтобы накладывали побольше.

— Слушаюсь! — Рыбин подозвал Коржова, отдал распоряжение.

И вот уже первый дизельный автомобиль осторожно, задним ходом, подобрался к самому устью шахты.

Клеть то и дело доставляла на поверхность все новые партии ящиков. Шоферы и помогавшие им эсэсовцы подхватывали ящики и укладывали в кузова. Каждый ящик Упиц освещал фонариком и записывал его номер в блокнот. Приняв груз, машина отъезжала в конец площадки, а на ее место подавалась порожняя.

Погрузка шла быстро. Вскоре подошла очередь и машины Перцева.

Аскера в ней уже не было. Десантники устроили так, что несколько заполненных ящиками автомобилей сгрудились вокруг дизеля, тоже груженого, совершенно преградив к нему доступ. В этой машине и находился теперь Керимов. Возле него неотлучно был Перцев.

Коржов и два других десантника наблюдали

за Торпом. А тот и не подозревал, что человек, за которым он так долго охотился, находится рядом. Вначале Торп с интересом следил за выгрузкой ящиков из шахты. Потом, убедившись, что все идет, как надо, влез в свой вездеход и задремал.

Погрузку колонны закончили, когда время близилось к двум часам ночи. Клеть подняла из тайника последние ящики, а затем — десятка два эсэсовцев, работавших в шахте. Все они разошлись по машинам, заняв места возле шоферов.

Кто-то коснулся плеча Торпа. Тот открыл глаза. У вездехода стояли группенфюрер Упиц и начальник автомобильной колонны.

— Мы закончили, Торп, и трогаем, — сказал Упиц. — Я поеду впереди. В каждой машине рядом с водителем — наш человек. В кузовах — по два—три офицера из числа людей майора. — Упиц указал на Рыбина. — Народу, словом, достаточно. Будете замыкать колонну. В вездеходе есть ракеты и ракетница. Если отстанет какая-либо из машин, да и вообще в случае, когда потребуется остановка колонны, сигнальте одной зеленой ракетой. Поняли?

— Да, господин группенфюрер.

— Напоминаю: ни один грузовик не должен идти сзади вас, Торп.

— Хорошо.

— И держите ухо востро. Только что принято сообщение: в районе Берлина отмечено появление нескольких групп бомбардировщиков противника.

— Американцы?

— Русские, Торп, в том-то и дело!

— Понимаю...

— Так мы едем, Торп! — Упиц обернулся к Рыбину: — А где ваше место?

Рыбин казался смущенным.

— В кузове головной машины следует мой помощник. А я бы хотел быть в арьергарде. Не возьмет ли меня в компанию господин Торп?

— Садитесь к нему, — сказал Упиц.

Группенфюрер ушел. Хотел было вылезти и Торп, но начальник колонны извлек из кармана флагу, отвинтил пробку и, подмигнув, поднес к носу штурмфюрера. Судя по запаху, во флаге был отличный ликер.

— Сигареты у вас турецкие, — сказал Торп. — А откуда ликер?

— Это бенедиктин. И, учтите, выдержанный. Из подвалов самого Фурже!

— Фурже?

— Вы, конечно, знаете эту фирму. Фурже — крупнейший виноторговец Франции.

— А, да-да, — пробормотал Торп, который не хотел показать себя невеждой. — Конечно, я слышал о Фурже.

Рыбин наполнил стаканчик — крышку флаги — сначала Торпу, затем себе.

Выпив, закурили турецкие сигареты. Начальник колонны задавал вопросы. Торп отвечал. В беседе незаметно прошло время. И вот уже впереди раздались гудки. Это к голове колонны пробирался автомобиль Упица. Рядом с группенфюрером сидел Аскер. Но он расположился так, что Торп не мог видеть его лица.

Полковник Рыбин, которому удалось сесть в машину Торпа, держал под наблюдением очень опасного врага. Такую же задачу решал Керимов, находившийся с Упицем. Оба разведчика были на время изолированы от своих товарищей. Поэтому руководство операцией перешло к майору Перцеву и старшему лейтенанту Коржову. Они находились в кузове головного грузовика.

Как только автомобили выехали на шоссе, Перцев включил портативный передатчик и вызвал рацию генерала Лыкова. Станция немедленно ответила.

— Билеты купили, багаж погрузили, уже четыре минуты в пути, — сказал по-немецки Перцев. — Все нормально, с нетерпением ждем встречи с друзьями.

— Понятно, — ответили ему, и Перцев узнал голос генерала Лыкова. — Вас ждут, встретят обязательно.

Перцев выключил передатчик, передал Коржову слова генерала. Тот взглянул на небо.

— Рано еще, — заметил Перцев.

— Да, пожалуй, рановато. Появятся этак минут через пять — шесть, а?

— Примерно.

— Скорее бы!

— Нервы пошаливают? — усмехнулся Перцев.

— Мы не железные. — Коржов пожал плечами.

Луна поднялась выше. Стало светлее. Коржов, рассеянно глядевший в хвост колонны,

вдруг заметил: черная точка в ее конце стала обгонять грузовики. Он сказал об этом товарищу. Перцев достал бинокль, поднес к глазам.

— Вездеход.

— Чего он полез вперед?

— Может, дело какое к начальству..

— Нет, так не должно быть. Сам слышал — Упиц приказал ни в коем случае не покидать арьергард... Глядите, как прет. Спешит, а?

— Погодите. — Перцев схватил Коржова за руку. — Ведь у Торпа в машине рация?!

Догадка разведчиков была верна. Произошла одна из тех случайностей, которые нередко резко изменяют обстановку и являются причиной серьезнейших осложнений. В ту минуту, когда Перцев настраивал передатчик для разговора с генералом Лыковым, включил свою рацию и Торп. Еще в Карлслусте, разрабатывая порядок движения колонны, Упиц приказал ему сообщить в контрразведку о выходе колонны с грузом и затем поддерживать со станцией абвера непрерывную радиосвязь. И вот, настраивая рацию, Торп услышал радиоразговор Перцева и Лыкова. Возможно, он бы не обратил внимания на этот диалог, если бы не слова Перцева: «четыре минуты в пути». Услышав их, Торп механически взглянул на часы. Стрелки показывали два часа четыре минуты. Вышла же колонна, как он это хорошо помнил, ровно в два часа. И Торпу вдруг стал ясен истинный смысл слов «багаж погрузили, с нетерпением ждем встречи».

Не поворачивая головы, Торп уголком глаза оглядел спутника. Два с половиной часа назад, встретив этого человека на дороге, он отметил, что майор говорит с чуть заметным акцентом —

слишком растягивает гласные. Торп знал, что на Рейне, например, или в Восточной Пруссии говор немцев отличается особенностями, еще более непривычными для берлинского уха. И он не придал этому значения. Но теперь Торп объяснял акцент начальника автоколонны совсем другими причинами.

Русский разведчик рядом с ним, в машине? Но если это так, коллеги майора должны находиться во всех других автомобилях. Тридцать — сорок человек, если не больше! Откуда же они взялись?..

Предположение было так невероятно, что Торп в нем усомнился. Тем не менее он решил немедленно доложить Упицу о своих подозрениях, а затем связаться по радио с абвером. Но как это сделать, если в машине и впрямь вражеский разведчик? Кроме того, нагнав машину Упица, Торп должен будет остановить ее. Тогда станет вся колонна. Противник поймет и начнет действовать. Но даже если предположить, что никто ни о чем не догадается, как вести разговор при майоре, спутнике Торпа, а также при человеке, едущем с Упицем, ведь он тоже может оказаться не тем, за кого себя выдает!..

Торп поглядел в укрепленное на ветровом стекле зеркальце. В нем смутно светлело лицо спутника. Казалось, тот дремал — глаза были полузакрыты, тело расслабленно полулежало на сиденье.

— Послушайте, майор, — хрипло сказал Торп, — дайте еще сигарету.

Рыбин выпрямился, извлек из кармана портсигар.

— Прошу, — сказал он. — Вижу, понравились.

— Благодарю. — Торп взял сигарету, прикурил от предупредительно зажженной спички. — Они действительно хороши.

— Очень рад. Если дадите свой адрес, пришлю несколько пачек, у меня есть небольшой запас.

Торп напряженно вслушивался в речь спутника. Она лилась легко и свободно. Но акцент был, Торп сейчас уловил его гораздо более отчетливо, чем тогда, при первой встрече.

От Рыбина не укрылась перемена в настроении хозяина машины. Он насторожился, осторожно передвинулся, чтобы удобнее было достать оружие, если возникнет нужда, коснулся рукой кобуры пистолета. Это было ошибкой. Торп заметил все.

Вездеход стал отставать от колонны.

— Что случилось? — спросил Рыбин.

— Что-то с мотором.

Рыбин был опытный автомобилист. Он видел, что двигатель работает нормально, просто водитель стал слабее прижимать педаль газа.

Тревога Рыбина росла. Размышляя, он рассеянно скользнул взглядом по доске приборов автомобиля, задержался на ручках управления радиостанцией. И вспомнил: незадолго перед этим Торп включил аппарат, вертел маховички настройки, затем с минуту слушал эфир. По-видимому, принял какое-то сообщение, встревожившее его. Но какое?

Вездеход шел все тише.

— Хотите остановить машину? — спросил Рыбин.

Торп угрюмо кивнул.

— Зачем?

— Я же сказал: неисправен мотор.

Рыбин пожал плечами.

— Тогда надо, просигналить, чтобы подождали. Вы же знаете...

Он не договорил. Вездеход стал. Торп сделал неуловимое движение, в его руке оказался пистолет. Полковник успел перехватить и рвануть вверх руку с оружием, но другой рукой Торп нанес ему сильный удар в лицо, затем еще и еще.

Рыбин потерял сознание. Убивать спутника Торп не хотел. Нет, он доставит его в абвер живым. Обезоружив Рыбина, Торп связал ему руки и ноги. Вездеход стал нагонять колонну. Торп включил рацию, надел наушники. Итак, первая часть задачи решена. Теперь — связаться с абвером, а потом — к Упицу, чтобы действовать, пока еще не поздно!..

Легкое потрескивание в наушниках возвестило о том, что лампы прогрелись и передатчик к работе готов.

К Рыбину медленно возвращалось сознание. Туман, застилавший глаза, стал редеть, шум в голове стихал — осталась лишь тупая боль. Затем он услышал срывающийся от волнения голос Торпа и с усилием открыл глаза. Торп одной рукой вел машину, другой держал у рта микрофон.

Рыбин рванулся вперед, всем телом навалился на Торпа, схватил зубами кабель микрофона, стараясь выдернуть его из гнезда. Торп, руки которого были заняты, отпихивал противника локтем.

— Скорее, — хрипел Торп в микрофон. — Русская разведка!..

Рыбин должен был помешать ему — пусть даже ценой своей жизни. Он так и поступил. Справа была алюминиевая панель передатчика с освещенной шкалой настройки. Рыбин отпрянул назад и что было сил ударил в нее головой. Глухой стук, звон стекла, и он с проломленным виском повалился на пол кабины.

Торп, окаменев, глядел на обезображенную панель передатчика. Но вот он понял неоправданность случившегося, в бешенстве выругался, отшвырнул микрофон и выстрелил в скрюченное на полу машины тело.

Вездеход резко увеличил скорость. Впереди замаячил задний борт последнего грузовика. Торп принял влево и погнал машину в обход колонны.

Перцев и Коржов с растущей тревогой наблюдали за вездеходом. Торп мчался к Упицу. А в машине Упица находился Керимов.

У Перцева мелькнула мысль — швырнуть в вездеход гранату. Но он вспомнил: там сидит Рыбин. Нельзя и загородить шоссе, подав машину влево: в кабинах грузовиков рядом с шоферами — эсэсовцы: поднимется переполох, будут жертвы, да и вообще это может сорвать операцию. Оставалось одно — положиться на опыт и мастерство Рыбина и приготовиться действовать.

4

Через несколько минут после того, как перехваченная десантниками Рыбина колонна подъехала к карлслустскому тайнику, с нескольких

аэродромов Польши, Венгрии, Румынии поднялись в воздух группы советских бомбардировщиков и транспортных самолетов. Машины набрали высоту и под охраной истребителей пересекли линию фронта. Ими руководил известный в стране авиационный генерал, командный пункт которого находился на аэродроме близ Варшавы. Там же оборудовал свой КП и генерал Лыков.

Миновав район Берлина, самолеты стали расходиться по объектам, которые каждой группе были назначены заранее. И как только Лыков принял сообщение майора Перцева об окончании погрузки и выходе колонны в путь, авиационный генерал вызвал по радио командира пятерки бомбардировщиков, патрулировавших к северу от Карлсрута, и приказал начать выполнение боевой задачи.

Самолеты ринулись туда, где должна была находиться цель. Когда, по расчетам, бомбардировщики оказались над ней, с головной машины была сброшена светящаяся авиабомба. Она медленно опускалась на парашюте, заливая землю белым светом. Четко обозначилось автомобильное шоссе и в дальнем его конце — колонна грузовиков.

Самолеты пошли на цель. С каждой секундой грузовики были видны все отчетливее. Пилоты даже заметили маленький автомобиль, обгонявший колонну.

Командир пятерки лег на боевой курс. Но целил он метров на триста в сторону от дороги, ибо должен был лишь инсценировать налет и головой отвечал за то, чтобы ни один автомобиль не пострадал.

Когда на безопасном от колонны расстоянии взорвалась первая фугаска, маленькая машина была вровень с головным грузовиком. На землю обрушилась серия бомб. Колонну стало затягивать облако пыли. Однако командир бомбардировщиков успел заметить, что машины остановились и от них разбегаются человеческие фигурки.

Разрабатывая «налет» на колонну, Аскер исходил из предположения, что грузовики будут сопровождать значительное число эсэсовцев, обезоружить и подавить которых обычным способом нелегко. Может возникнуть бой, парашютисты понесут потери, операция затянется, а то и вовсе закончится неудачей. Бомбежка же оправдывает одновременную остановку машин, ослабит бдительность конвоя, внесет в его действия сумятицу, и, таким образом, облегчит работу десантников по ликвидации конвоиров.

Расчет оправдался. Как только раздался первый взрыв, шофер головного грузовика оставил руль и выпрыгнул на шоссе.

— Бомбят, спасайся! — закричал он и, что было сил, пустился бежать в поле. Сидевший рядом эсэсовский офицер рванул дверку, выскочил из машины и помчался следом. За ним устроился Коржов.

Вновь раздался вой бомбы. Шофер бросился на землю, эсэсовец — тоже. Тут на него навалился Коржов, вместе с подоспевшим шофером скрутил руки, обезоружил и связал.

С момента, когда вспыхнули светящиеся бомбы, Перцев не спускал глаз с автомобиля Упица и нагонявшего его вездехода. Машины были едва видны — кажется, остановились.

Перцев выскочил из кузова, сел за руль. Грузовик рванулся вперед.

А впереди происходило вот что. При первом взрыве Упиц притормозил так резко, что вездеход, который шел вплотную сзади, проскочил вперед.

Торп остановил машину, обернулся и увидел, что Упиц и его спутник выскочили на шоссе и побежали в сторону. Торп последовал за ними.

На дороге, где остановилась колонна, слышались выстрелы, крики. При свете догорававших «сабов» было видно: какие-то фигурки катались по земле, нанося друг другу удары. То здесь, то там вспыхивали блески выстрелов. Выстрелы смолкали, крики слышались все реже. Торп понял, что русские разведчики захватили колонну. Значит, и тот, с Упицем, — русский! Торп поднял было пистолет. Нет, уничтожением одного делу не поможешь. Скорее назад, чтобы спастись, добраться до ближайшего гарнизона, вызвать помощь!..

И Торп, повернув обратно, побежал к своей машине. Вездеход устремился вперед. На ходу Торп раскрыл дверку и вытолкнул из кабины тело полковника Рыбина.

Минутой позже к автомобилю Упица прибежал Керимов, подъехал грузовик Перцева.

— Упиц, — проговорил Аскер, тяжело дыша и указывая рукой в поле. — Взять во что бы то ни стало!

Перцев кивнул.

— Потом веди колонну. Меня не ждать, понял?

— Ясно.

Аскер уселся за руль, включил мотор.

Вездеход не мог соперничать со скоростным «Мерседесом». Аскер нагонял Торпа. Тот заметил погоню. Пытаясь скрыться, свернул с магистрального шоссе на ответвление. Однако преследователь разгадал маневр. Вскоре он был почти рядом. Тогда зажглись фары «Мерседеса». Торп оказался в потоке света. Аскер отчетливо его видел — без шляпы, низко пригнувшегося к рулю.

Машины шли, будто связанные веревкой. Торп обернулся. Щурясь от нестерпимого света, вытянул назад руку. На ветровом стекле «Мерседеса» появились круглые отверстия, от них короткими молниями разбежались трещинки. Аскер вскинул пистолет, готовясь открыть ответный огонь. В то же мгновение Торп вновь выстрелил. Пистолет с силой вырвало из руки Аскера, отбросило назад. Случайное попадание в оружие — и он стал беззащитным.

А Торп продолжал стрелять. Низко пригнувшись к рулю, Аскер считал выстрелы. «Семь, — подумал он с облегчением, когда выстрелы смолкли. — Значит, весь магазин».

Аскер на секунду выпрямился и увидел: Торп шарит рукой где-то на сиденье или у доски приборов. Видимо, включает передатчик или перезаряжает пистолет. Этого нельзя допустить! И он до отказа прижал ногой педаль газа. Автомобиль рванулся вперед, взял чуть левее. Машины поравнялись, а затем «Мерседес» на полкорпуса обошел вездеход. Тогда Аскер подал вправо. Торп обеими руками вцепился в руль и тоже взял правее, чтобы избежать столкновения. О пистолете он уже не думал. Снова

поворот руля «Мерседеса», и автомобиль Торпа оказался на обочине. Перекрыв ему дорогу, Аскер рванул ручной тормоз и выскочил из кабины. Навстречу ему кинулся Торп, на ходу заходя в пистолет новый магазин.

— Стоять!— закричал Торп высоким, срывающимся голосом.

Дальнейшее произошло в доли секунды. Аскер всем телом откинулся назад, падая, согнул ногу в колене, резко выбросил вперед другую и ударом ботинка вышиб оружие из руки Торпа. Гитлеровец выхватил нож, метнул в противника. Удар пришелся в левое бедро. И тут же на Аскера навалился Торп.

Оба молодые, сильные, они катались по земле, стискивая друг друга в объятиях, нанося короткие удары руками, головой, коленями.

Аскер, в бедре которого все еще сидел нож, испытывал мучительную боль. Тяжело дыша, он пытался сбросить фашиста, который все больше подминал его под себя. Аскер рванулся, почувствовав мгновенную пронзительную боль в ноге,— и сразу стало легче: в пылу схватки Торп, зацепив ногой нож, вывернул его из раны.

Аскер напрягся, высвободил правый локоть и нанес им резкий удар в лицо гитлеровцу. Торп ответил ударом головы и разбил Аскеру губу. Рука Торпа скользнула на землю и нащупала пистолет. Тяжело дыша, с искаженным от напряжения лицом, Торп пытался преодолеть сопротивление противника, направить в него пистолет. Но у Аскера было преимущество: рука его опиралась о землю, локоть же Торпа висел в воздухе. И вот медленно, очень медленно ствол оружия повернулся в сторону Торпа.

— А-а!.. — стонал гитлеровец, извиваясь по земле.

Аскер, сжав зубы, вобрав голову в плечи, продолжал давить на руку врага. Еще усилие, и ствол маузера уперся в грудь Торпа. На мгновение Аскер заглянул в глаза фашиста. В них бушевала ненависть, злоба. Нет, такие пощады не просят!

И он, изловчившись, нажал на спусковой крючок.

Выстрел словно подбросил Торпа. Рука, в которой он держал оружие, разжалась.

Пошатываясь от слабости, Аскер стал на четвереньки, поднялся, ступил на раненую ногу. И тут же упал, потеряв сознание.

5

Авиационный генерал, передав пятерке бомбардировщиков приказ начать инсценировку налета на автоколонну, связался затем с другими группами самолетов. Все они были на подходе к назначенным объектам.

В соседней комнате генерал Лыков вел на немецком языке радиоразговор с капитаном Люлько.

— Готовы? — спросил Лыков.

— Готовы и ждем, — последовал ответ.

— Ждите. Помощники вот-вот подойдут. Как только они сработают, начинайте и вы.

— Все ясно.

— А груз на колесах, уже в пути.

— Понял.

Вместе с радистом и передатчиком капитан Люлько находился в окопе, неподалеку от аэродромных строений. Сюда с наступлением темно-

ты перебрались из оврага десантники первого отряда. Отдельные группы воздушных бойцов были нацелены на наиболее важные объекты аэродрома, почти все, впрочем, разрушенные — советские бомбардировщики, выполняя приказ, еще неделю назад разбили здесь все, кроме взлетно-посадочной полосы.

И вот — аэродром, пустынный, безмолвный, лежит перед десанниками. Но они знают: аэродром живет — действуют ремонтники, уцелела рота охраны, хотя охранять ей, собственно, нечего, ибо бензохранилище разбито и за отсутствием горючего аэродром самолетов не принимает.

Подполз командир десантников.

— Связь была? — шепотом спросил он.

— Да. Сейчас прилетят. С минуты на минуту.

— А колонна?

— В пути. Ходу ей сюда — около часу, а то и меньше.

— Добре.

Атаке аэродрома десанниками должен был предшествовать налет бомбардировщиков. Конечно, десант был достаточно силен, чтобы захватить аэродром самостоятельно. Но в этом случае гарнизон аэродрома мог передать по радио, что атакован наземными силами. А это раскрыло бы противнику смысл операции — захват аэродрома. Появление же самолетов было делом обычным и не могло особенно встревожить немцев.

Итак, десант ждал.

Прошло четыре долгих минуты. Послышался шум моторов самолетов.

— Они, — сказал Люлько.

Командир парашютистов кивнул.

Рокот нарастал. Десантники включили фонарики. Лучи их, направленные из укрытий вверх, были видны только с воздуха. Пунктир из световых точек обозначил самолетам позиции советских воинов.

Главной задачей бомбардировщиков было уничтожение аэродромного узла связи, надежно укрытого под землей и уязвимого лишь в случае прямого попадания. Но где искать цель, если все внизу затаилось в непроглядной чернильной тьме?

Все же объект был показан. Вспыхнули две ракеты. Выпущенные за пределами аэродрома, с разных мест, они стремительно пронеслись над полем. В какой-то точке трассы их скрестились. Там и находился узел связи. Самолеты засекли объект, осветили и сбросили на него серию тяжелых бомб. Обработке с воздуха подверглись и другие объекты, в том числе оборонявшие аэродром мелкокалиберные зенитные автоматы и спаренные пулеметы.

Высоко вверху вспыхнула самолетная ракета. Это был сигнал: бомбардировщики закончили работу и уходят.

Бойцы поднялись из укрытий и устремились к аэродрому.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ

1

Дежурный радист узла связи абверштелле Карлслуста, пожилой фельдфебель с «Железным крестом», вскочил со стула, сорвал наушники и,

забыв выключить рацию, опрометью кинулся из аппаратной. Он промчался по коридору, сбежал, прыгая через ступеньку, по лестнице, рванул ручку двери кабинета руководителя абвера.

Сидевший за столом оберст удивленно поднял голову. Радист, тяжело дыша, положил на стол лист бумаги с записью того, что успел передать Торп. Оберст пробежал глазами бумагу.

— Хочу добавить. — Фельдфебель переступил с ноги на ногу. — Штурмфюрер Торп говорил так, будто кто-то ему мешал, будто он с кем-то боролся. И на полуслове — конец!..

— Значит, помешали?

— Да, господин оберст!

— Русская разведка, — пробормотал шеф абвера. Он встал, дернул плечом. — Но что она может, русская разведка? Ну — три, четыре агента. А у группенфюрера Упица — десятки людей!

— Штурмфюрер Торп, видимо, имел основания. Он говорил, и в голосе его звучала смертельная тревога — я это почувствовал, господин оберст.

— Ладно, идите к себе. Эфир слушать непрерывно!

Фельдфебель выбежал из кабинета.

Оберст подошел к висящей на стене карте, отыскал лесок, в котором был расположен тайник. Итак, колонна грузовиков с архивами вышла в два часа ночи. Сейчас два часа и девятнадцать минут. Можно предположить, что за это время грузовики проехали километров де-

сять. Оберст прикинул место, где, по расчетам, должна была находиться колонна, отчеркнул ногтем косой крест на карте. Какая же опасность могла подстергать там колонну?..

Зазвонил телефон. Командование ПВО сообщало: на аэродром «Шварцензе» произведено нападение. Сначала его бомбили самолеты противника, а сейчас атакует какой-то отряд наземных войск. Донесение передано рацией зенитной батареи, которая расположена близ аэродрома. Батарея разбита бомбами, но рация уцелела — она вынесена далеко за пределы огневой позиции, замаскирована.

Оберст бросил трубку на рычаг, нажал кнопку звонка. И почти сразу же телефон зазвонил вновь. Дежурный по штабу противовоздушной обороны докладывал, что над аэродромом «Шварцензе» вновь появились самолеты противника; на взлетно-посадочной полосе отмечено движение, видны огни; похоже, что идет подготовка к приему самолетов. Пункт связи батареи атакован — передав это, рация прервала работу.

Руководитель абвера побледнел. Все было ясно. Ведь аэродром находился на пути колонны, километрах в пятнадцати. И грузовики с архивами направлялись именно к нему!

2

На захваченный десантниками аэродром один за другим садились советские транспортные самолеты. Машины, ожидающие посадки, кружили поодаль. Высоко в небе ходили ночные истребители сопровождения, охраняя район операции.

В эти минуты другие группы бомбардировщиков наносили удары по военным объектам почти всех более или менее крупных городов и гарнизонов, расположенных вокруг Карлслуста, отвлекая «мессершмитты» и «хейнкели», дезориентируя систему взаимодействия, оповещения и связи фашистской ПВО. Налетам, в частности, подверглись объекты в Берлине, Гамбурге, Люнебурге, Шверине, Ораниенбурге и других городах.

Как только очередной транспортный самолет садился и отруливал за пределы дорожки, к нему мчались грузовики. Двери распахивались, фюзеляж самолета заполнялся драгоценными ящиками. Затем машина взмывала в воздух. Пять — шесть таких транспортников собирались в группу и в сопровождении эскорта истребителей следовали на восток.

Уже две такие группы ушли, третья поднялась и готовилась лечь на курс, когда сверху на нее свалилась четверка фашистских истребителей. С первого же захода был подожжен один транспортник — он задымил и стал терять высоту. Но врагов заметили. Советские истребители перехватили «мессершмиттов» на выходе из пике и тоже сбили одну машину.

В воздухе завертелась карусель воздушного боя. Машины то пропадали в темноте, то звездочками вспыхивали в мягком свете луны. Небо чертили огненные шпаги трасс. Где-то высоко вверху образовался багровый ком, разлетелся тысячей ярких брызг...

Немецкие истребители все прибывали. Через несколько минут в воздухе дралось уже двенадцать машин противника. Но это было все, что

могли дать ПВО Берлина и Гамбурга — они сами едва отбивались от больших групп бомбардировщиков. А с востока к Карлслусту спешили все новые эскадрильи красnozвездных истребителей, чтобы сменить советские истребители, израсходовавшие боекомплект и норму горючего.

Наверху шло сражение, а на аэродроме ни на секунду не прекращалась работа. Тяжело груженные транспортники все так же уходили в воздух.

Все эти самолеты пролетали над Аскером. Он лежал на шоссе — там, где закончилась его схватка с Торпом, неподалеку от машин. Аскер слышал, как высоко вверху прогудели германские истребители — он легко распознал надсадный, прерывистый рокот их моторов. Почему они здесь? Неужели десант обнаружен? По всей видимости, так: со стороны аэродрома раздалось приглушенное расстоянием бормотание авиационных пулеметов, а потом над головой Аскера пронесся, снижаясь, обвѣтый пламенем большой самолет...

Аскер застонал, стиснул кулаками виски. Дважды пытался он встать, но оба раза в раненой ноге начинала пульсировать такая нестерпимая боль, что он лишался сознания.

Вот Аскер вновь открыл глаза, прислушался. Было тихо. Он с трудом подтянул руку с часами, приподнял голову. Часы оказались разбитыми.

Усилие утомило. Некоторое время он лежал неподвижно, отдыхая. Потом повернул голову,

огляделся. Краешек неба был подернут прозрачной желтизной. Близился рассвет. Сколько же сейчас времени? Часа четыре? Видимо, около этого. Значит, скоро конец операции...

Еще несколько минут ушло на отдых. Проклятая слабость, неужели это — результат одной лишь раны в бедре? Аскер попробовал шевельнуть больной ногой. Она одеревенела. Подбрав валявшийся рядом нож Торпа, он вспорол штанину, осмотрел рану — широкую, с рваными краями. Потом чуть коснулся ее. Из раны медленными толчками полилась кровь. Он понял: нож Торпа задел какой-то большой сосуд, потеряно много крови. Потому и слабость.

Стараясь не делать резких движений, он отстегнул брючный ремешок, замотал им ногу выше раны, подsunул под ремень рукоять ножа и несколько раз повернул, затягивая жгут. В глазах помутилось от боли, но зато кровь перестала течь.

Еще минута на отдых. Отдышавшись, он вспомнил о пистолете Торпа. Ага, вот и пистолет — лежит на обочине. Аскер поднял его, осмотрел, сунул оружие в кобуру, стал на четвереньки, оперся на здоровую ногу, медленно выпрямился. Его качнуло от слабости, он снова упал.

Через некоторое время он повторил попытку. На этот раз удалось поставить больную ногу на землю и не упасть. Аскер постоял немного, запрокинув голову и балансируя руками, сделал шаг здоровой ногой, подтянул больную, снова шагнул.

Он понимал: двигаясь так, ему и за сутки не добраться до аэродрома. Он отчетливо созна-

вал и то, что не позже чем через полчаса последние самолеты заберут последний груз, последних десантников и уйдут в воздух.

Краешек неба на востоке стал розовым. Оттуда потянуло ветерком. Потом ветер стих. Аскер уловил нарастающий шум моторов. И вот уже над головой разведчика проплыла на восток невидимая в белесой мгле группа тяжелых самолетов. Шум моторов становился глуше, стихал.

— Последние, — прошептал Аскер.

Он сделал вперед еще шаг, еще два или три шага, со стоном опустился на землю, закрыл глаза. Да, теперь все — он обречен. Жить осталось — часы, быть может, минуты. Если в воздухе вражеские истребители, то к аэродрому, конечно, спешат и части наземных войск. Первый же автомобиль, который проедет по этому шоссе, наткнется на машины, на тело Торпа. Начнутся поиски, и тогда конец.

Он оперся о землю ладонями, приподнял голову. Невозможно примириться с мыслью о смерти, когда кажется — вся жизнь впереди. Жизнь! А что он знает о жизни? Много. Много — и ничего. Ему же и тридцати не исполнилось!..

Сами собой потекли по лицу слезы. Он плакал? Ну и что ж! Он-то ведь находился наедине с собой, вокруг была только ночь, безмолвная равнина, ничего больше...

Время шло. Он затих. Потом поднял голову, прислушался. Почудился какой-то звук. Самолет? Нет, это не был шум авиационного мотора. Что же тогда? Автомобиль? Да, вероятно, автомобиль.

Обдирая колени об асфальт, он сполз в придорожный кювет, вынул пистолет, извлек обойму. Шесть патронов. Значит, он еще сможет...

Звук стал слышнее. И странно — Аскер почувствовал, что ровнее стало биться сердце, прояснилось в голове. Он приподнялся над кюветом. Руки его, упиравшиеся в край обочины дороги, ощутили, что земля легонько подрагивает. Он приложил к ней ухо, отчетливо услышал отдаленный лязг металла. Сомнений не было — шел танк. Танк или танки.

Что же он медлит? Или впрямь решил погибнуть вот так — просто, без пользы для дела? Нет, тысячу раз нет! Но он не в силах идти. Значит, должен ползти. Скорее, за обочину, подалее в поле!..

Аскер вцепился руками в наружный откос кювета, подтянул, помогая здоровой ногой, тело. Так, хорошо... Теперь — ползти!

Вонзая локти в рыхлый, податливый грунт, ящерицей извиваясь между борозд и кочек, он двинулся прочь от дороги. Раненой ноги он уже не чувствовал: боль отдавалась выше, в спине, в затылке, в висках — по ним будто кувалдами молотили. Скорее, скорее!..

Он потерял ощущение времени. Что-то, что было сильнее его самого, гнало вперед. Была ли это тренированная воля бойца? Или — могучий инстинкт жизни? Кто знает! Скорее всего — и то и другое.

Лязг танковых траков, рев моторов надвинулся, стал оглушающе громким. И — оборвался. Если бы Аскер поднял голову, он увидел бы

остановившуюся на шоссе стальную серую громадину, позади нее — два грузовика с солдатами. Но он лежал ничком в неглубокой ложбинке, обессиленный полумертвый от перенесенного напряжения, от нестерпимой боли.

Солдаты попрыгали с грузовиков, подбежали к машинам, загоразивавшим шоссе. Крышка люка танка откинулась, показался офицер.

— Что там такое? — спросил он.

Ефрейтор, склонившийся над телом Торпа, поднял голову.

— Штатский.

— Жив?

— Уже остыл.

— Пошарьте в карманах.

Ефрейтор обыскал труп, поднялся.

— Эй, у кого фонарь?

Подошел солдат. Луч света, скользя по груди ефрейтора, остановился на книжечке, которую тот держал в руках.

— Удостоверение сотрудника абвера, — сказал ефрейтор, адресуясь к офицеру. — Штурм-фюрер Адольф Торп.

— Это они. — Офицер сделал солдатам знак. — Скорее, по машинам!

— А не поискать ли вокруг? — нерешительно проговорил ефрейтор.

— Так они и ждут тебя здесь! — Офицер выругался.

— Но что делать с телом?

— Снесите на обочину. Подберем, когда будем возвращаться.

Крышка танкового люка захлопнулась. Солдаты оттащили труп на край шоссе, взобрались на машины.

Взревел мотор. Танк содрогнулся, двинулся вперед, обошел автомобили и устремился на восток. Грузовики ехали следом.

Прошло несколько минут, прежде чем Аскер отдышался и смог поднять голову. Грохот танка замирал вдали. Затем смолк и он. На равнине вновь легла тишина.

И вдруг там, где скрылись танк и грузовики, раздались отдаленные взрывы, глухие толчки выстрелов. Две яркие вспышки озарили горизонт. Еще в течение минуты звучали выстрелы, затем прекратились.

Аскер лежал неподвижно, боясь думать о том, что могло произойти там, на востоке. Вот он зашевелился, приподнял голову. Горизонт уже окрасился в багрянец. Над ним вспыхивали и пропадали тоненькие золотые лучики. И на этом фоне на шоссе появилась точка.

Аскер поднял перемазанный в грязи пистолет, беспокойно кашлянул. А точка росла. По очертаниям, которые она принимала, это не мог быть ни легковой автомобиль, ни грузовик.

Что же тогда?

Потянул ветерок. Он донес рокот мотора. Аскер понял: идет мотоцикл.

Мотоцикл!.. Напрягая последние силы, Аскер пополз к шоссе, перевалился в кювет, затаился.

Теперь звук мотора слышался отчетливо. Аскер определил: четырехтактный, одноцилиндровый, скорее всего — БМВ.

Мотоцикл подлетел к автомобилям, затормозил. Водитель ловко соскочил с седла, положил машину набок, кинулся к телу Торпа. Аскер поднял пистолет. Рука плохо слушалась, мушка плясала по спине мотоциклиста, склонившегося над убитым. Человек выпрямился, обернулся. Аскер застонал, выронил оружие.

Перцев подскочил, упал рядом, целуя перемазанное кровью и глиной лицо Аскера.

— Говори, — прошептал Аскер.

— Вывезли!

— Рыбин?

— Нет его... погиб.

Аскер вскрикнул:

— Торп?

— Он. Ну да ты с ним рассчитался!

— А... Упиц?

— Ушел... Как сквозь землю провалился, проклятый!

— Упустил! — Аскер застонал. — Танк... Это вы его?

— Десантники. Встретили, как надо. У аэродрома еще три горят. По другим дорогам шли. — Он помолчал. — Наших много побили. С воздуха, пулеметами. И два самолета сожгли, гады!.. Вот и тебя... Сидеть сзади сможешь?

Аскер кивнул.

Перцев развернул мотоцикл, поставил на подножку, запустил двигатель.

Подбежав к Аскеру, поднял его на руки, снес к машине.

— С ног сбился, разыскивая тебя, — торопливо говорил он, усаживая Аскера на

второе седло.— Думал уже оставаться со Штыревой...

— Тамара!.. — Аскер встрепенулся. — Что с ней?

— Будет уходить на восток, к чехам. Оттуда и вывезут. Ну, поехали.

— Куда?

— Ждет самолет.

— Ты задержал?

— Приказал генерал Лыков.

Перцев сел за руль. Мотоцикл рванулся вперед. Скорость нарастала. Мотор пел свою песню.

Аскер старался крепче держаться за плечи Перцева. В голове мелькали обрывки мыслей. Полковник Рыбин!.. Нет больше Рыбина... И Андрей Авдеев навеки остался здесь, на чужой земле. А десантники, сколько их погибло в операции!..

Один за другим вставали перед Аскером — Шуберт, Кныш, Кригер, Шталекер. Где они, что теперь с ними?.. Потом он ясно увидел глаза Штыревой — голубые, широко раскрытые. Аскер представил: одна, совсем одна, идет Тамара с саквояжем в руке по улице чужого, враждебного города; простая русская девушка, каждый час, каждая минута жизни которой здесь, в глубоком вражеском тылу, — это подвиг!

И еще возник перед мысленным взором Аскера — группенфюрер Упиц. Торп получил свое. Торп, Висбах, Беккер, Больм — не ушли. А Упиц смог! Упиц, Зейферт и тысячи таких — живы, действуют.

Да, борьба еще не окончена!..

Силы Аскера слабели. Он обнял товарища, всем телом приник к его спине — широкой и теплой. Стало легче.

Он глубоко вздохнул, закрыл глаза...

Н а с и б о в
А л е к с а н д р А ш о т о в и ч

ТАЙНИК НА ЭЛЬБЕ

Рисунки худ. *Е. Аргутинского*

Переплет худ. *Ю. Макарова*

Редактор *Л. Маликова*

Техн. редактор *Л. Дороднова*

Корректоры *Э. Юрьевская* и *Е. Герасимова*

А05419 Сдано в набор 12/II—1960 г.

Подписано к печати 7/V 1960 г.

Формат бум. $70 \times 92\frac{1}{32} = \text{ф. п. л. } 13,75$ (усл. п. л. 16, 08)

В 1 п. л. 39 000 зн. Уч.-изд. л. 15,7

Уч. № 73/3622. Второе массовое издание. Тираж 100 000 экз.

Цена 5 руб. 75 коп.

Первый завод 1—50000

Набрано в тип. Профтехиздата

Отпечатано в тип. Москва, ул. Фр. Энгельса, 46. Зак. 825.

Цена 5 руб. 75 коп.

